63.529(253)
К Ш 76

ИЗУЧЕНИЮ СИБИРИ

А. Р. ШНЕЙДЕР
Л. И. ДОБРОВА-ЯДРИНЦЕВА

НАСЕЛЕНИЕ СИБИРСКОГО КРАЯ

СИБКРАЙИЗДАТ

- 54876 -

К ИЗУЧЕНИЮ СИБИРИ

А. Р. ШНЕЙДЕР и Л. Н. ДОБРОВА-ЯДРИНЦЕВА

НАСЕЛЕНИЕ СИБИРСКОГО КРАЯ

(РУССКИЕ и ТУЗЕМЦЫ)

Библ. Рыбохоз. станции
Инв. № 1486
2843

БИБЛИОТЕКА
Обь-Тазовского отделения
СибрыбНИИпроект
г. Ханты-Мансийск Инв. № 2843

СИБКРАЙИЗДАТ
1928

- 54876 -

Ханты-Мансийская окружная библиотека КО

63.529(253)
Ш76
М96

г. Новосибирск,
тип. Сибкрайсоюза,
Советская, № 6.

Сибкрайлит № 234, от 24 января 1928 г.
Наряд № 680. Тираж 5000 экз.

Предисловие.

Разноплеменный и разнохарактерный состав населения Сибирского края после громадного социального и культурно-экономического сдвига, произведенного Октябрьской революцией, еще ждет своих исследователей и бытописателей.

Между тем, интерес к знакомству с народностями, населяющими этот край, давно уже вышел из тесного круга научных работников и в наше время проявляется в многочисленных запросах соответствующей литературы со стороны широкой читательской массы, краеведческих кружков, школьных работников и, наконец, работников, приезжающих в Сибирь из Европейской части нашего Союза.

Настоящий очерк является посильной попыткой дать ответ на эти запросы.

В значительной своей части он не претендует на оригинальность и является систематической сводкой сведений и данных, разбросанных в многочисленных трудах различных авторов, писавших в разное время о населении Сибири, часто в изданиях, мало доступных для массового читателя, особенно читателя сельского.

Большим недостатком предлагаемого очерка является отсутствие точных данных о численности народностей Сибири и Сибирского края в частности. Но результаты демографической переписи 17 декабря 1926 года и переписи северных народностей 1926-27 года еще не опубликованы, почему нам пришлось дать численность туземных народностей *примерно*, и даже в округленных цифрах, на основании различных, наиболее близких к нашему времени, литературных источников.

Очерк разбит на пять частей, или глав.

В вводной главе мы даем общие сведения о территории, природных условиях и населении Сибири и Сибирского края. В дальнейшем Сибирский край делится нами по признаку преобладания соответствующей природным и экономическим условиям формы хозяйствования на три хозяйственных пояса или зоны: северную (промысловую), среднюю (земледель-

ческую) и южную (скотоводческую). По этим зонам мы и даем описание народностей Сибирского края в главах II, III и IV.

Поскольку некоторые из народностей, проживающих на территории Сибирского края, этнически и исторически связаны с народностями, живущими за его пределами (якуты, тунгусы, сойоты, казаки и проч.), мы даем краткое описание этих народностей и в сопредельных с Сибирским краем республиках и областях.

В заключительной, V-ой, главе нам казалось необходимым остановить внимание читателя на задачах советской власти в области хозяйственного и культурного строительства в туземных районах и хотя бы в существенных чертах указать на ту работу, которая там проведена и проводится.

Не претендуя на полноту сообщаемых сведений в силу отсутствия достаточно полной библиотеки по сибиреведению, авторы будут благодарны за каждое критическое указание, сделанное по отношению к данному очерку.

Главы I, III и V (и в IV главе очерк о хакасах) составлены *А. Р. Шнейдер;* главы II и IV (за указанным исключением) *Л. Н. Добровой-Ядринцевой.*

Редакция принадлежит *А. Р. Шнейдер* под общим руководством *М. М. Басова.*

I. Территория, природные условия и население.

1. Географическая Сибирь и Сибирский край. 2. Границы Сибирского края и его состав. 3. Общая численность населения Сибирского края и отношение к населению всей Сибири. 4. Общая характеристика природных условий Сибирского края. 5. Распределение населения по территории края. 6. Соотношение городского и сельского населения и развитие городов. 7. Племенной состав населения Сибири и географическое распределение народностей.

Сибирь, в обширном смысле этого слова, составляет северную часть Азии, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана, и простирается с запада на восток от Уральских гор до Великого или Тихого океана, а с севера на юг—от Северного Ледовитого океана до границ Китайской и Танну-Тувинской республик и Монголии.

В этих пределах до революции Сибирь включала губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую и области: западные—Уральскую, Тургайскую, Семипалатинскую и Акмолинскую (Степной край), Забайкальскую и Якутскую, составлявшие с 4-мя выше названными губерниями *Сибирь в тесном значении этого слова*, и, наконец, восточные области: Амурскую, Приморскую, Камчатскую и остров Сахалин, называвшиеся в совокупности (а иногда с включением и Забайкальской области) Дальним Востоком.

В настоящее время административно-политический состав Сибири по сравнению с дореволюционным временем сильно изменился.

На территории прежней Сибири мы имеем ряд крупных национальных политических образований, как: 1) Восточную часть *Казакской Автономной ССР* (б. б. области: Уральская, Тургайская, Семипалатинская и Акмолинская), 2) *Якутскую АССР* (б. Якутская область), 3) *Бурято-Монгольскую АССР* (части б. б. Иркутской губернии и Забайкальской области), 4) небольшую *Ойротскую автономную область* (южная часть б. Томской, а позднее Алтайской губ.) и три крупных административных образования с громадным преоблада-

нием русского населения, 5) *Уральскую область* (в которую из территории Сибири отошла вся Тобольская губерния, за исключением у. у. Тарского и Тюкалинского и западной части (Александровский район) Сургутского у., 6) *Сибирский край*, в состав которого входят б. б. Тарский, Тюкалинский и восточная часть Сургутского у., Омский уезд Акмолинской области: губ. губ Томская, Енисейская и Иркутская, за исключением бурятской территории, входящей в состав Б.-Монг. АССР, и 7) *Дальне-Восточный край*, в состав которого включены б. б. области: Забайкальская (за исключением Агинского аймака Б.-Монг. АССР), Амурская, Приморская, Камчатская и северная часть острова Сахалина, оставшаяся во владении России по Портсмутскому договору (1905 г.).

Следовательно, понятия Сибирь и Сибирский край не совпадают ни географически (территориально), ни административно. В территориальном отношении Сибирский край составляет часть Сибири, в административном—он является одним из крупнейших перечисленных выше административно-политических образований, расположенных на ее территории.

Территория и население географической Сибири.

(По данным предварительных итогов демографической переписи 17 декабря 1926 года).

№	Отдельные области и краевые об'единения	Территория	Население	В % к итогу	
				Территория	Население
1	Сибирский край . .	4.217.825	8.686.446	29,7	51,1
2	Уральская область (на территории Сибири)	1.215.000	1.619.628	8,4	9,5
3	Казакская АССР . .	1.790.000	4.166.998	12,6	24,5
4	Бур.-Монгольская А. С. С. Р. . . .	383.000	484.363	2,7	2,9
5	Якутская А. С. С. Р.	3.770.000	236.728	26,6	1,4
6	Дальне - Восточный край.	2.840.000	1.805.837	20,0	10,6
	Итого . .	14.215.825	17.000.000	100,0	100,0

Если вся Сибирь простирается с запада на восток на 8500 клм. и с севера на юг—свыше 4000 клм., то протяжение Сибирского края в первом направлении выражается в 4300 клм., а во втором в 3000 клм.; если пространство, за-

нимаемое всей Сибирью, достигает 14.215.825 квадр. клм., то площадь Сибирского края выражается в 4.217.825 клм., что составит, примерно, 30 проц., или около 1/3 территории всей Сибири. Но и за всем тем площадь одного только Сибирского края вмещает в себя все государства Западной Европы (за исключением Англии) и один только Сибирский край занимает площадь, равную площади Европейской части нашего СССР.

Вся же Сибирь охватывает площадь, равную 1/4 Азиатского материка, в 1½ раза превосходит Европу и более чем в 3 раза Европейскую часть СССР.

На севере границей Сибирского края служит Северный Ледовитый океан (от залива Гыдаямского до залива Хатангского); на востоке Сибирский край граничит с Якутской АССР и Бурято-Монгольской АССР; на юге границу края составляет государственная граница с Монголией, Танну-Тувинской и Китайской республиками; на юго-западе он граничит с Казакской АССР, а на западе с Уральской областью.

Сибирский край образован постановлением ВЦИК'а от 25 мая 1925 г. (и дополнительно, в отношении Иркутской губернии 30 июня 1926 г.) в составе 19 округов и Ойротской автономной области. Из Омской губернии образованы округа: Тарский, Омский и Славгородский; из Новониколаевской--Барабинский, Новосибирский и Каменский; из Алтайской - Рубцовский, Барнаульский и Бийский; из Томской—Томский и Кузнецкий; из Енисейской—Ачинский, Красноярский, Канский, Минусинский и национальный Хакасский; из Иркутской губернии—Тулуновский, Иркутский и Киренский.

Ниже приводим сравнительные данные переписи населения 1897 и 1926 г.г.

	1897 г.	1926 г.	Во ск. раз увелич.
Сибирский край	3.266.651	8.684.446	2,7
Остальная Сибирь	4.959.253	8.315.554	1,7
Всего по Сибири	8.225.904	17.000.000	2,1

Таким образом, население всей Сибири за 30 лет увеличилось более чем в два раза (2,1), при чем за это же время население, Сибирского края увеличилось свыше, чем в 2 1/2 раза (2,7), составляя ныне более 50 проц. населения Сибири.

Принято считать, что население путем естественного прироста удваивается в течение 50 лет. В Сибири оно, как мы только что видели, удвоилось в 30 лет. Этот более высокий процент прироста об'ясняется тем, что увеличение населения в Сибири происходило не только за счет естественного прироста, но и за счет прироста механического; иными словами,

за счет прилива переселенцев из Европейской России, то-есть за счет колонизации. За последние 30 лет в Сибирь переселилось из Европейской России не менее 4½ миллионов душ обоего пола, большая часть которых осела на территории Сибирского края. Этим и об'ясняется большой прирост населения на территории Сибирского края сравнительно с остальной частью Сибири.

Мы только что видели, как громадна площадь, занимаемая Сибирским краем, как велико его протяжение с севера на юг и с запада на восток. Отсюда понятно то разнообразие природных условий, с которыми мы здесь встречаемся и в отношении устройства поверхности, и в отношении климата, и в отношении почв, и, наконец, в отношении растительного и животного мира. Это разнообразие, как мы увидим ниже, определяет собою характер расселения человека на территории края, и характер его хозяйственной деятельности.

Хозяйственная деятельность населения каждой отдельной части Сибирского края, обусловленная всей совокупностью местных природных условий, видоизменяется, однако, под влиянием различных факторов. Историческое прошлое народа, устойчивость его национальной культуры, плотность населения, степень развития местных производительных сил и уровень общей культурности, развитие путей сообщения и главное—размеры торговых связей с более культурными и экономически сильными областями—все это, естественно, накладывает свой отпечаток на общий хозяйственный облик.

По природным условиям Сибирский край делится на пять отличных друг от друга поясов или зон, простирающихся с севера на юг: тундру, лесо-тундру, тайгу, лесо-степь, степь и горно-таежную область.

Из них лесо-тундра и лесо-степь являются переходными зонами: первая от тундры к тайге, а вторая—от тайги к степи.

По устройству поверхности все эти зоны, за исключением горно-таежных областей Алтая и Саян, делятся рекой Енисеем на две части: западную и восточную. Западная представляется низменной, равнинной, а восточная—возвышенной и гористой.

Тундра, лесо-тундра и значительная часть тайги отличаются от остальных зон чрезвычайно суровым климатом: бесконечно длинная зима с морозами, доходящими до 50 градусов и ниже, полярная ночь, длящаяся целыми месяцами, снежные бураны и вьюги, не утихающие по неделям, и короткое (от 2 до 3 мес.) холодное лето. Если на юге, в степи, средняя годовая температура равняется 2 градусам тепла, то на крайнем севере она опускается до 11 и даже до 13½ гра-

дусов мороза; в лесо-тундре становится немного теплее, а именно, 10 градусов мороза и только в северной тайге средняя годовая повышается до 5½-6 градусов мороза.

Не мудрено, поэтому, что под крайне бедными и бесплодными почвами здесь лежит вечная мерзлота. Самые же почвы слагаются из торфяников и различного рода болот. В тайге почвы подзолистые, а где влаги больше,—болотные.

В зависимости от устройства поверхности, климата и почв развивается в полярных широтах и растительность. Тундра—это своеобразная степь с сухой каменистой или сырой, почти вечно мерзлой почвой, покрытой по большей части мхом и лишайниками и изредка уродливыми кустами ивы и березы.

Здесь преобладают мхи и лишайники. В лесо-тундре увеличиваются островки полярной березы, ивы и появляются представители северных лесов в виде корявой ели, сосны, лиственницы и березы. Растущие на открытых местах леса—низкорослы, уродливы, деревья лишены главной верхушки и напоминают скорее кустарники.

По мере приближения к *таежной зоне* количество леса увеличивается, травянистая растительность становится более разнообразной. Представителями лесной области являются хвойные породы: ель, пихта, кедр, лиственница и сосна; подчиненное положение занимают лиственные породы: береза и осина Хвойные породы распространены не одинаково: в одних местах преобладает ель, в других пихта, в третьих сосна или лиственница или кедр.

Животный мир тундры, лесотундры и тайги будет охарактеризован в последующей главе, где мы дадим хозяйственно-бытовой очерк народностей, населяющих эти зоны.

Климат, почвы и растительность южной части тайги, лесо-степи и степи представляются несравненно более благоприятными для жизни человека, чем это было в только что описанных северных полярных и приполярных зонах. В южной части тайги средняя годовая температура повышается до 2 и полуторых градусов мороза; для лесостепи—она равняется уже одному градусу тепла, а для южной степи даже двум градусам тепла.

Подзолистые почвы южной тайги переходят в лесостепной зоне в разнообразные черноземы, а в степи с севера к югу черноземы сменяются каштановыми почвами, требующими для обработки их под пашню искусственного орошения.

Значительно водоизменяется и растительность. Если для северной тайги характерны хвойные леса с преобладанием

ели или лиственницы, то для южной характерно преобладание сосновых боров—с березняками по горам.

По мере приближения к степи тайга редеет, появляются все чаще и в большем количестве лиственные леса (с преобладанием березы), при чем березовые насаждения ближе к степи уже далеко не сплошь покрывают местность, а переходят в отдельные березовые колки, чтобы в степи почти исчезнуть. Между участками леса здесь развита травяная степь, богатая характерными представителями степной флоры.

Лесостепь постепенно и незаметно переходит в *степь*.

Степную зону можно по растительности подразделить на две подзоны: северную—с ковыльными и южную—с полынными степями.

Мы подошли к горным областям Алтая и Саян. Природные условия этих областей представляются не одинаковыми и разнятся в зависимости от высоты положения. По высоте положения горные области можно разделить на 3 подзоны: предгорья, пояс гор и пояс высокогорья. Человек, как правило, обитает только в предгорьях, в горном поясе он появляется временно, только для охоты или, как это бывает на Алтае, для пастьбы своих стад; высокогорный пояс совсем не обитаем. Климат предгорий характеризуется средней годовой температурой в 1 градус тепла, для пояса гор эта средняя понижается до 4 градусов мороза. Осадков в предгорьях выпадает от 450-500 м.м., в горном поясе и высокогорьях—более 950 м. м.

Почвенный покров Алтайской и Саянской горных областей меняется по мере под'ема к вершинам: лесные черноземы и серые лесные суглинки предгорий переходят в подзолисто-луговые почвы, которые выше сменяются подзолистыми почвами горной тайги: еще выше залегают болотно-подзолистые почвы высоко-горных лугов и, наконец, следует щебнистый покров горной тундры.

Тому же порядку в зависимости от высоты поднятия следует и растительность. В предгорьях она почти та же, что и в соседних равнинах, а по мере поднятия становится все беднее и беднее. За полосой лиственных лесов следуют леса смешанные, за ними—хвойные, которые далее уступают место лугам. Луга сменяются узкой полосой лишайников и мхов. У линии вечного снега исчезают и эти последние. Резко различается в зависимости от наличия влаги растительность северных и южных склонов. На северных склонах и в предгорьях растут и высокие сочные травы и могучие строевые леса; южные склоны почти лишены растительности, и в Алтайской горной системе по этим скло-

нам высоко забираются степные травы и кустарники центральной Азии.

Территория Сибирского края, как мы уже знаем, составляет—4.217.825 квадртных клм., а численность его населения—8.686.446 душ обоего пола; т.-е., в среднем, по всему краю на 1 кв. километре проживает 2 (2,06) человека. Но эта цифра может дать нам только общее представление о плотности населения Сибирского края и годится только для сравнения населенности его с населенностью остальной части Сибири, Европейской части СССР или отдельных государств Западной Европы. В самом деле, в остальной части Сибири плотность населения меньше, чем в Сибирском крае почти втрое (0,7 чел. на 1 кв. клм.), зато в Европейской части СССР она больше, чем у нас,—в десять раз (21 чел. на 1 кв. клм.). Но если мы возьмем Германию, то там она будет больше чем у нас почти в 65 раз (126 чел.), а в таком густо населенном государстве, как Бельгия,—больше в 130 раз (260 чел. на 1 кв. клм.).

Теперь посмотрим, как распределяется население внутри самого Сибирского края: обладают ли все его отдельные районы одинаковой плотностью, или в каждом из них эта плотность дает различные величины.

Разделим всю Сибирь на три широких полосы по широте. Первая, северная полоса займет пространство тундры, лесотундры и тайги; вторая—километров на 250 к северу от Сибирской железной дороги и километров на 300 к югу от нее захватит лесостепные и степные пространства и, наконец, третья полоса включит в себя южные степи и горно-таежные области Алтая и Саян и Забайкальских и Амурских гор. Подсчитав по каждой полосе пространство, ею занимаемое, и численность ее населения, мы получим очень интересное сопоставление.

Северный пояс занимает больше половины всего пространства Сибири (55,3 проц.), а на территории его проживает всего-на-всего только 3 проц. ее населения.

Средний пояс занимает только 8 процентов территории, но живет в его пределах около трех четвертей всего населения Сибири (73,1 проц.).

Южный пояс занимает 36,7 проц. территории, а разместилось на нем около одной четвертой населения (23,9 проц.).

Проделав такое же деление на три пояса только по Сибирскому краю, мы получим почти одинаковую картину.

Северная, промысловая зона, включающая территории Нарымского и Туруханского края, северной (таежной) части Канского, Тулунского, Киренского и Иркутского округов, занимает 2.750.000 кв. клм., или около двух третей (65,2 проц.)

территории Сибирского края, а проживает в этой зоне всего около 100.000 чел. (98.774), или только 1,1 проц. всего населения Сибирского края.

Зато, в средней, земледельческой зоне, включающей всю остальную территорию края (без Хакасского округа и Ойротской автономной области) и занимающей 1.321.995 кв. клм., или около одной трети всей территории (31,3 проц.) расселилось 8.398.986 чел. (или 96,7 проц.).

Наконец, в южной, скотоводческой зоне (Хакасский округ и Ойротская автономная область), занимающей 144.830 кв. клм., или 3,5 проц. всей территории края, проживает 188.686 ч., или 2,2 проц. всего населения края.

В северной, промысловой зоне плотность населения едва доходит до 0,04 чел. на 1 кв. клм.; в отдельных районах этой зоны, как, например, в Туруханской тундре плотность населения понижается до 0,012 чел. на кв. клм., или, другими словами, на пространстве 1000 кв. клм. проживает всего 12 человек.

Напротив, плотность средней, земледельческой зоны достигает в целом по всему краю 6,4 чел. на 1 кв. клм., если же мы станем определять эту плотность для юго-западной части края и для северо-восточной отдельно, то получим для первой 10,5 чел., а для второй—3,9 чел. на 1 кв. клм. В некоторых округах юго-зап. части (напр., Барнаульском) плотность повышается до 18 чел. на 1 кв. клм.

Наконец, для южной, скотоводческой зоны плотность населения опять понижается до 1,3 чел. на 1 кв. клм.

Так неравномерно расселился человек по территории Сибирского края.

Чем об'ясняется такая неравномерность?

Прежде всего, природными условиями, которые здесь так разнообразны.

Беспредельная суровая тундра и холодная мрачная тайга в незапамятные времена привлекли к себе обитателя горной тайги, потесненного в борьбе народов к северу. Здесь он нашел и приручил оленя, за которым охотился на высоких нагорьях Саян; здесь он нашел в изобилии пушного зверя, предмет его привычного промысла в горной тайге; здесь долгое время он оставался вне людских потоков, постоянно тревоживших его на юге. И он постепенно привык к суровой полярной природе, освоившись с беспредельными пространствами тундры и тайги, с полярной ночью, длящейся месяцами. Позднее сюда явился завоеватель-воин и с ним купец. Явился не жить, не заниматься охотой и ловлей, явился на время: скупать пушнину, обирать простодушных северных дикарей. Конкурентов на занятие тундр и тайги не

нашлось, ибо суровый климат и вечно мерзлая земля абсолютно исключают земледелие. А жизнь в условиях многомесячной полярной зимней ночи, жизнь полная лишений, вдали от культурного мира, отрезанного полярным бездорожьем, всегда пугала и отталкивала колониста-выходца из умеренных поясов.

Другое дело средняя полоса, где и климат, и почва благоприятствуют жизни человека, развитию земледелия, разведению домашнего скота, где людно, где есть возможность сбыть продукты своего труда в ближайший город, где есть школы, доступна медицинская, ветеринарная и агрономическая помощь, удобные и легкие средства сообщения. Там постепенно, год за годом растет и естественным путем, и путем колонизации, население средней земледельческой полосы, уплотняясь на ее территории. Усовершенствование хозяйства, применение новых технических способов обработки земли значительно увеличивает продуктивность труда, тем самым способствуя дальнейшему заселению и обогащению края.

На юге, в горно-степной полосе, где раскинулись сухие ковыльные и полынные степи, где только небольшими оазисами встречаются каштановые почвы, требующие для возделывания их под пашню искусственного орошения, где основной промысел населения—примитивное скотоводство—требует кочеваний и просторных пастбищ и где с незапамятных времен поселились тюрки-номады (кочевники и скотоводы),—население снова становится реже. Еще реже оно расселилось в предгорьях и среднем поясе горно-таежной полосы, по долинам речек. Здесь основными промыслами является скотоводство и охота: земледелие занимает подчиненное положение и возможно лишь местами, так как поздние холода весной и ранние заморозки осенью не всегда дают вызревать хлебам.

Полная случайностей жизнь таежного охотника в поисках соболя, белки, марала, скитающихся по гольцам и в глубоких долинах горной тайги, мало привлекала сюда население.

Таким образом, наиболее населенной частью Сибири является Сибирский край, а в составе его юго-западная часть*), на пространстве которой, занимающем около 14 проц. территории Сибирского края, живет свыше трех пятых всего

*) В состав юго-западной части входят округа: Тарский, Омский, Барабинский, Славгородский, Каменский, Новосибирский, Барнаульский, Рубцовский, Бийский и Ойротская авт. область.

его населения, тогда как население северо-восточной части*), занимающей свыше 86 проц. территории края, составляет только около двух пятых всего его населения.

Из каждых 100 жителей обоего пола в Сибирском крае 87 чел. живут в сельских местностях и только 13—в городах. В Европейской части СССР на долю городского населения приходится в среднем 17,5 чел. Если мы обратимся теперь к сравнению с Западной Европой, то разница окажется более разительной. Так, например, в Англии из каждых 100 чел. всего населения в городах проживает 78 чел., в Норвегии—72 чел., в Германии—56 чел., во Франции—41 чел., в Дании—38 чел. Из этого сопоставления мы видим, что по развитию городской жизни Сибирский край (да и вся Сибирь) значительно отстала от Западной Европы, отстает она и от Европейской части нашего Союза.

За 350 лет, истекающих со времени занятия его русскими, Сибирский край выделил всего-на-всего 20 более или менее крупных городов. Из этого числа только один Омск имеет население свыше 150 тысяч (161.475) и только 6 (Томск, Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Барнаул и Бийск)—от 75 до 150 тысяч; населенность остальных 13 городов колеблется от 4.705 чел. (Киренск), до 22.911 чел. (Камень). Центрами Ойротской автономной области и Хакасского национального округа служат не города, а торгово-промышленные села: Улала для первой и Усть-Абаканск для второго, с населением: Улала—5.726 чел. и Усть-Абаканск—в 3.110 чел.

Так мало развита у нас городская жизнь. Об'яснения причин этого явления надо искать прежде всего в хозяйственной отсталости Сибири вообще и Сибирского края—в частности. До сих пор Сибирский край являлся страной развития преимущественно сельского хозяйства. Промышленность развивалась у нас чрезвычайно медленно и слабо. Большей частью сибирские города возникли в процессе завоеваний края в XVII веке как военные крепости, „остроги“, и своим дальнейшим развитием обязаны, главным образом, торговому и лишь отчасти промышленному капиталу. Таковы: Омск, Бийск, Кузнецк, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, Киренск; Барнаул и Минусинск возникли, как горнозаводские поселения; Славгород, Рубцовск, Камень, Тулун и столица Сибирского края—Новосибирск развились и стали городами из торгово-промышленных сел на памяти ныне живущего поколения. Заштатный

*) В состав северо-восточной части входят округа: Томский, Ачинский, Красноярский, Кузнецкий, Хакасский, Минусинский, Канский, Тулунский, Иркутский и Киренский.

город Енисейск возник, как крепость в начале XVII века, в первой четверти XIX века был центром железоделательной промышленности, в 40-50 годах стал центром енисейской золотопромышленности. С постепенным упадком ее он потерял свое прежнее значение и сейчас по численности своей уступает развившемуся с постройкой Сибирской жел. дороги поселку Иланскому (Канского округа).

Особенное развитие получили—Омск, Томск, Иркутск и Новосибирск. Омск, как центр торговли с Киргизским краем и Монголией и благодаря выгодному положению на скрещении ж.-д. магистрали и р. Иртыша; за последние 30 лет его население увеличилось почти в 5 раз.

Томск развился, как перевалочный пункт для грузов, следовавших с запада на восток и с водного пути перегружаемых здесь на колесный. С основанием в нем университета и технологического института он становится и крупнейшим культурным центром Сибири. Сибирская магистраль прошла мимо Томска (в 82 верстах южнее его), и это обстоятельство весьма неблагоприятно отразилось на его экономическом развитии. Если за первые 20 лет, после переписи 1897 года, население Томска удвоилось, то за десять лет со времени революции оно уменьшилось на 10 процентов.

Иркутск не так давно играл крупное торгово-промышленное значение; как крупнейший распределительный центр всех грузов, идущих на север, в Якутскую область и на восток. С проведением Забайкальской жел. дороги он утрачивает это значение. Все же по населенности он и сейчас занимает третье место среди городов Сибирского края.

Но наиболее яркое развитие получил Новосибирск, сначала как перевалочный пункт для грузов, следующих с запада на Барнаул, Бийск и Семипалатинск и обратно и как расположенный на пересечении Сибирской магистрали и крупнейшей водной артерии Западной Сибири—Оби, а с 1921 года и как политический и административный центр обширного Сибирского края. Для характеристики его роста и темпа этого роста приводим следующую табличку:

1897 г.	7.832	жителя
1917 г.	69.827	„
1923 г.	76.491	„
1926 г.	120.611	„

Приняв численность населения Новосибирска 1897 году за единицу, в 1917 году получим увеличение его почти в 9 раз, в 1923—почти в 10 раз, а в 1927 году—больше, чем в 15 раз. За последние 10 лет, т.-е. с момента революции, население его почти удвоилось. Проведение Туркестанской магистрали еще более усилит этот рост и ускорит его темп, и молодой,

моложе всех сибирских городов по времени возникновения (1893 г.), бывший всего 10-11 лет тому назад „без'уездным городом Томской губернии", Новосибирск станет еще на наших глазах самым населенным, имеющим крупнейшее политическое, административное и экономическое значение центром.

Растут, хотя может быть в общем и не так ярко и заметно, и остальные города Сибирского края. Установлено, что: 1) общий темп роста городских поселений Сибири немногим уступает росту городов по СССР, 2) на рост городских поселений оказывают большое влияние железнодорожные пути и 3) местоположение городских поселений на судоходных реках вне железных дорог, как правило, не создает условий для их роста.

За счет какого населения растут сибирские города, возникают новые поселения городского типа?

Заметный рост сибирских городов начался с проведением сибирской ж.-д. магистрали—и с оживлением переселенческого движения в Сибирь, получившего особенно сильное развитие после революции 1905 года, в период 1907—1912 года. При крупных станциях (города и крупные торгово-промышленные села) появились железнодорожные мастерские, а с ними появились рабочие слободы и поселки. С быстрым развитием железнодорожного движения растет в них и рабочее население. Одновременно, по магистрали у более или менее крупных станций появляется новый вид поселений—пристанционные поселки, которые заселяются торгово-промышленным элементом, мелкими торговцами и ремесленниками. Переселенческий поток, разлившись по старожильческим селениям и по вновь возникшим поселкам, увеличивает емкость товарного рынка, что влечет за собою увеличение числа торговых предприятий в городах и рост их оборотов. С другой стороны, часть старожильческого населения, достигнув известной стадии накопления, переезжает из деревни в город и реализует свои накопления покупкой домов или арендой усадебных земель на городских окраинах по близости к ж.-д. магистрали и строит там дома для отдачи их под квартиры ж.-д. рабочим и служащим. В города стягиваются и переселенцы, почему-нибудь не устроившиеся на участках или ищущие заработков от ремесл или торговли. Города начинают расти за счет пригородов и рабочих слобод. Как на пример такого роста можно указать Омск, где переселенцы выстроили по обе стороны р. Оми два значительных поселка: „Нахаловск" и „Волчий хвост" (ныне пригороды), а у жел. до) роги возникли поселки „Атаманский хутор" (ныне Ленинск-, имевший к 1917 году свыше 30 тыс., а теперь насчитывающий до 35.000 жителей, и Ново-Омск (б. Куломзино) с на-

селением свыше 11.000 чел. Красноярск, имевший при проведении Сибирской железной дороги около 27.000 жителей, за период в 20 лет вырос до 70.327, или увеличился без малого втрое, за счет, главным образом, возникших у линии ж.д. рабочих слобод: III Интернационала (Николаевской), Труда (Алексеевской), Сахалина и Попова луга. Изучение движения социального состава Красноярска за 25 лет (1891 по 1915) показало, что удельный вес рабочего и крестьянского населения города рос за этот период времени весьма заметно и с 17,28% (в пятилетие 1891-1895) достиг 37,26% (в пятилетие 1911-1915).

Начавшаяся индустриализация Сибири ускорит темп роста городского населения. По данным переписи 1926 года в Шегловск и Ленинск-Кузнецкий (Кольчугино), в районе Кузбасса, за 3 года дали значительный прирост: первый в 9[illegible] проц., а второй—в 62 проц.

Разноплеменный состав сибирского населения можно свести к трем основным группам: 1) палеазиаты, или древне-азийцы, 2) урало-алтайцы и 3) индо-европейцы.

Под именем палеазиатов, другими словами, древнейших обитателей Азии, разумеется небольшая численно группа (32.000 чел.), занимающая громадное пространство на крайнем северо-востоке Сибири и состоящая из 10-ти мелких народностей, сходных по физическому типу и образу жизни. Эта группа представляет остатки прежде многочисленных племен, преобладавших в Сибири до вторжения сюда тюркских и монгольских народностей, пришедших со стороны Алтайских и Саянских нагорий.

Палеазиаты делятся на подгруппы: эскимосскую, американскую и древне-азийскую. К эскимосской группе относятся *эскимосы* (1.400 ч.) и *алеуты* (400 ч.). Первые живут по берегам Берингова моря, вторые—на Командорских островах. Американскую подгруппу составляют: чукчи, коряки и камчадалы. *Чукчи* (12.000 ч.) живут на Чукотском полуострове, по р. Анадыри и в низовьях р. Колымы; *коряки* (около 7.500 ч.) к юго-западу от чукчей и в северной Камчатке; *камчадалы* (св. 2.000 ч.)—в средней и южной Камчатке. Наконец, к древне-азийской подгруппе принадлежат: *чуванцы* (450 ч.), живущие в Колымском и Анадырском округах; *юкагиры*—(св. 700 ч.) в Колымском и Верхоянском округах; *гиляки* (около 4.500 ч.)—по берегу Охотского моря, у Татарского пролива, по нижнему течению р. Амура и на острове Сахалине и *айны* (около 1.500 ч.)—в южной (н. японской) части Сахалина. К древне-азийцам относят также небольшое племя

- 54876 -

„кето“ или енисейских остяков (до 1.500 ч.), проживающих по р. Енисею и по низовьям его притоков от ст. Ворогово до ст. Курейки.

Урало-Алтайская группа подразделяется на 5 ветвей: 1) финно-угорскую, 2) самоедскую, 3) манчжуро-тунгусскую, 4) монгольскую и 5) турецкую.

Финно-угорскую ветвь на территории Сибири представляют три племени: *остяки* (7.000 ч.), *вогулы* (7.500 ч.) и *зыряне* (св. 9.000 ч.). Они занимают систему нижнего течения р. Оби и предгорья Урала, или, иначе говоря, крайний северо-запад Сибири. Из них на территории Сибирского края проживают лишь остяки (сургутские около 6000 ч.) и нарымские (600-700 ч.); вогулы и зыряне живут в Уральской области; вогулы—в западной части б. Тобольской губернии, а зыряне—среди поселений вогулов и остяков, в б. Березовском уезде.

Самоедскую ветвь представляют на севере Сибири (и Сибирского края) *обдорские* (до 4.500 ч.) и *приенисейские* (до 3.000 ч.) *самоеды*, кочующие по Енисею и по левому берегу Оби до Обдорска; *тавгийцы* (1.300 ч.), занимающие тундру между р. Пясино и Хатангской губой; *юраки береговые и тазовские* (около 5.500 ч.), частью осевшие в нижнем течении р. Енисея, частью обитающие в низовьях Таза; *Пян-Хазово* (хандеяры 56 ч.), кочующие по берегам р. Пура, и *остяко-самоеды* (нарымские, тымско-караконские, карасинские и баишенские—всего около 6.000 ч.), занимающие пространства системы р. Оби, по притокам ее Тыму, Кети, Парабели, в устье Васюгана, а также верхнее и среднее течение р. р. Таза, Турухана и Баихи.

Самоеды пришли на север в незапамятные времена с Саянских предгорий, где остались жить (и теперь живут) весьма незначительные группы самоедских племен: *танну-тува* (*или сойоты*) в Урянхайском крае (50.000 ч.), *карагассы*—на северных склонах Восточных Саян, кочующие по системам верховьев р.р. Оны и Уды (400 ч.), в пределах Тулуновского и Канского округов, *камасинцы* (*или калмажи*) на юге Канского округа, почти уже вымершие, и *Койбалы* (св. 1.000 ч.), обитающие по правому берегу нижнего течения р. Абакана (Хакасский округ).

Манчжуро-Тунгусская ветвь представлена многочисленными племенами на громадной территории Восточной Сибири от Енисея до Тихого океана и от китайской границы до Ледовитого океана. *Тунгусы* разделяются на две группы: северную—тунгусскую и южную—манчжурскую. Наиболее многочисленной является северная группа (св. 65.000 ч.), включая сюда *собственно тунгусов*, а также *ламутов* (смешение с палеазиатской народностью) и *орочен*, образовавшихся

под воздействием бурятской и русской народностей (в пределах Станового и Яблонового хребтов). *Собственно тунгусы* расселились в Туруханском крае к востоку от Енисея, по системам р. р. Средней и Нижней Тунгусок, в Киренском и Иркутском округах, в Якутской республике, в Забайкалье, в Амурской, Приморской и Камчатской областях и на о. Сахалине. В состав северной группы входят: *самогиры* (425)—по притоку р. Амура, Горюну, *негидальцы* (400 ч.)—по притоку р. Амура, Аргуни, *ольчи* (до 1.000 ч.)—в Хабаровском и Удском у. у.; *манегры* (150 ч.)—по среднему течению р. Зеи и *ороки* (750 ч.) на восточном берегу о. Сахалина.

К северным тунгусам, в значительной мере об'якутившимся, принадлежат живущие в Туруханской тундре *долгане* (1.200 ч.).

Южную группу (манчжурскую) составляют: *дауры* (450 ч.)—по р. Амуру ниже г. Благовещенска; *манчжуры* (около 3.500 ч.)—по низовьям р. Зеи; *солоны* (15 ч.)—в Уссурийском округе; *гольды* (4.500-5.000 ч.)—по нижнему течению р. р. Амура и Уссури и *орочи* (св. 2.000 ч.)—по склонам хребта Сихота-Алинь и по берегам Татарского пролива.

Монгольская ветвь представлена в Сибири *бурятами* и *монголоми. Буряты* (300.000 ч.) живут в пределах Восточной Сибири по обе стороны оз. Байкала, начиная от р. Ии и Оки (притоков р. Ангары), по р. Ангаре и ее притоку Иркуту, затем огибают побережье Байкала с юга; далее по восточному берегу Байкала их поселения доходят до Баргузина; по р. Селенге и ее притокам Хилку и Чикою; по р. р. Ингоде и Онону, притокам р. Шилки и верхнему течению р. Аргуни.

Монголов весьма немного (500-600 ч.), живут они в Забайкалье, куда проникли из соседней Монголии.

Наиболее многочисленной в Сибири является *Турецкая* ветвь, включающая до 4.000.000 населения. Эта ветвь подразделяется на две группы: турко-саянцев и турко-алтайцев.

Турко-саянцы расселились по восточным и западным предгорьям Кузнецкого Алатау и Абаканского хребта, в в частности, *качинцы, сагаи, бельтиры и кизыльцы* об'единяемые ныне одним именем *хакассов* (52.000 ч.), населяют Минусинскую котловину по р. р. Абакану (с его притоками: Теей, Есью, Уйбатом) и Белому и Черному Юсам. *Шорцы* (до 15 тыс. ч.), *черневые татары* (до 7.000 ч.) и *кумандинцы* (св. 4.000 ч.) живут на западных склонах Алатау, в системе верхнего течения р. Томи (Мрассу, Кондома, Лебедь, Терси и др.), между Телецким озером и р. Катунью и в Салаирском кряже.

Турко-алтайцы расселились на громадном пространстве между р. р. Иртышем на западе и Леной на востоке. К ним относятся: на юго-западе *казаки* (киргизы), живущие в пределах бывшего Степного края, а ныне восточной части Казакстана (до 3 милл. ч.), на западе *тобольские*, или *иртышские татары* (50.000 ч.) и *бухарцы* (до 15.000 ч.), *барабинские татары* (св. 4.000 ч.), далее на восток—в пределах Томского, Кузнецкого и Ачинского округа живут *томские*, *кузнецкие*, *мариинские* и *чулымские татары* (всего св. 16.000 ч.); из последних в северной части Ачинского округа группа *мелецких татар* до 1.500 ч. К турко-алтайцам относятся и *якуты* (230.000 ч.). Если, за исключением казаков, все перечисленные народности живут мелкими обособленными группами среди русского населения, то основная масса якутов занимает компактной группой Средне-Сибирское нагорье в системе р. Лены и ее притоков: Алдана и Вилюя. Якуты обитают также в восточных пределах Туруханского края около оз. Ессей, а также между р.р. Анабарой и Хатангой и на северо-восток от Лены—по системам рек Яны и Индигирки и почти до Колымы.

Наконец, к турко-алтайцам относятся собственно—*алтайцы* (около 40.000 ч.), занимающие всю южную часть Алтая, за исключением северо-восточных и южных склонов Катунского и Чуйского хребтов (Ойротская автономная область), известные также под разными именами: *теленгитов*, *телеутов* и *телесов*.

Третьей основной группой народностей, населяющих Сибирь, являются **индо-европейцы** среди которых численно господствуют *русские*. К этой же группе относятся: *украинцы* (612.000 ч.), *белоруссы* (св. 100.000 ч.), *поляки* (57.000 ч.), *немцы* (87.000 ч.), латыши (*30.000 ч.*), живущие по преимуществу в степной и лесо-степной зонах земледельческой полосы Сибири среди русского (старожильческого и переселенческого) населения.

Подводя итоги сказанному о племенном составе населения Сибири, мы видим, что народности палеазиатские, тунгусские, финно-угорские, в значительной мере самоедские и частично турецкие (якуты) населяют Сибирский север; турецкие и монгольские племена, носители кочевого (и скотоводческого) типа хозяйства—населяют юг Сибири, степные и нагорные пространства Забайкалья, Присаянья, Алтайских гор и Киргизских степей; индо-европейцы (русские и др. народности этой группы)—носители земледельческой культуры,—заняли среднюю земледельческую по преимуществу лесо-степную и степную зоны Сибири.

Туземное население Сибирского края и сопредельных республик и областей.

(Состав, численность, места обитания).

Цифровые данные—приблизительны.

Основные группы	Подгруппы и народности, входящие в них	Примерная численность (д. об. п.)	Места обитания
Палеазиаты (древне-азийцы)	**Эскимосская:**		
	1. Эскимосы . .	1.400	По берегам Берингова моря.
	2. Алеуты . . .	400	На Командорских островах.
	Американская:		
	3. Чукчи	12 000	На Чукотском полуострове, по р. Анадыри и низовьям р. Колымы.
	4. Коряки . . .	7.500	К юго-западу от чукчей и в северной Камчатке.
	5. Камчадалы .	2.000	В средней и южной Камчатке.
	Древне-азийская:		
	6. Чуванцы . . .	450	Колымский и Анадырский округа.
	7. Юкагиры . .	700	Колымский и Верхоленский округа.
	8. Гиляки	4.500	По берегам Охотского моря, у Татарского пролива, по нижн. теч. р. Амура и на остр. Сахалине.
	9. Айны	1.500	В южной (ныне японской) части Сахалина.
	10. Кето (енисейские остяки или «енисейцы»)	1.500	По р. Енисею и по низовьям его притоков (от ст. Ворогово до ст. Курейки).
Урало-Алтайцы.	**Финно-угорская:**		
	1. Остяки сургутские . . .	6.000	Уральская область, нижнее теч. р. Оби.
	Остяки нарымские	600-700	Нарымский край (Алекс.-Ваховский р.).
	2. Вогулы . . .	7.500	Тобольский округ.
	3. Зыряне . . .	9.000	Тобольский и Березовский округа.
	Самоедская:		
	4. Самоеды обдорские . .	4.500	Уральская область.
	5. Самоеды приенисейские . .	3.000	Туруханский край.

6. Тавгийцы . .	1.300	Тоже (между р. Пясино и Хатангской губой).
7. Юраки береговые и тазовские	5.500	Тоже (по нижн. теч. р. Енисея и частью в низ. р. Таза).
8. Пян - Хазово (Хандеяры) . .	56	Тоже, по берег. р. Пура.
9. Остяко-самоеды (нарымские. тымско-кароконские, карасинские и баишенские) . . .	6.000	Система р. Оби, по притокам ее: Тыму, Кети, Парабели, в устье Вас'югана. По р. р. Тазу. Туруханну и Баихе.
10. Сойоты (танну-тува) . . .	50.000	Республ. Танну-Тува (Урянхайский край).
11. Карагассы . .	400	Сев. склоны Вост. Саян в пределах Тулуновского округа
12. Камасинцы .	250	На юге Канского округа (Агинский район).
13. Койбалы . . .	1 000	По прав. берегу нижн. теч р. Абакана (Хакасский округ).
Манчжуро-Тунгусская:		
а) северная.		
14. Тунгусы собственно . . .	64.500	Туруханский край (к востоку от Енисея) по системам р. р. Ср. и Н. Тунгусок; в Киренском и Иркутском окр., в Якутской республике, в Забайкалье, в Амурской и Приморской обл.; на Камчатке и на о. Сахалине.
15. Ламуты . .		
16. Орочоны . . .		
17. Самогиры . .	425	По р. Горюну (пр. р. Амура).
18. Негидальцы .	400	По р. Амгуни (пр. р. Амура).
19. Ольчи	1.000	Хабаровский и Удский у. у.
20. Манегры . .	150	По ср. теч. р. Зеи.
21. Ороки	750	На вост. берегу о. Сахалина.
22. Долгане . . .	1.200	Турух. край (р. Маейро, оз. Ессей.
б) южная.		
23. Дауры	450	По р. Амуру (ниже г. Благовещенска).
24. Манчжуры .	3.500	По низ. р. Зеи.
25. Солоны . . .	15	Уссурийский округ.
26. Гольды . . .	5.000	Нижнее теч. р. р. Амура и Уссури.
27. Орочи	2.000	По склонам хребта Сихота-Алинь и по бер. Татарского пролива.

Монгольская:		
28. Буряты . . .	300.000	По обе стороны оз. Байкала, начиная от р. р. Ии и Оки (прит. Ангары), по Ангаре и ее притоку Иркуту; по южн. побер. Байкала и по восточному его побережью до Баргузина; по р. р. Селенге и ее притокам Хилку и Чикою; по р. р. Ингоде и Онону, прит. р. Шилки и верхн. теч. р. Аргуни.
29. Монголы . . .	500-600	Южная часть Забайкалья.
Турецкая:		
а) Турко-саянцы:		
30. Качинцы . .	52.000	Хакасский окр., по р. р. Абакану с его притоками и Белому и Черному Юсам.
31. Сагаи		
32. Бельтиры . .		
33. Кизыльцы . .		
34. Шорцы . . .	15.000	На западных склонах Кузнецкого Алатау, в системе верхн. течения р. Томи (приток. Мрассу, Кондомы, Лебедь, Терси и др.), между Телецким оз. и р. Катунью и в Салаирском кряже.
35. Черневые татары . . .	7.000	
36. Кумандинцы .	4 000	
37. Лебединцы . .	000	
б) Турко-алтайцы:		
38. Иртышские татары	50.000	Тобольский, Тюменский и Ишимский окр. Уральской области и Тарский округ Сибкрая.
39. Сибирские бухарцы	15.000	
40. Барабинские татары . . .	4.000	Барабинский округ.
41. Томские татары	16.000	Томский, Ачинский и Кузнецкий округа.
42. Кузнецкие татары . . .		
43. Чулымские татары		
44. Мелецкие татары	1.500	Ачинский округ (по р. Чулыму).
45. Якуты	230.000	Якутская автон. республика.
46. Алтайцы (теленгиты, телеуты, телесы)	40.000	Ойротская область.
47. Киргизы-казаки	3.000.000	Казакская автономная республика.

Территория и население Округов Сибирского края

с примерным распределением по хозяйственным зонам.

По предварительным итогам демографической переписи 1926 г. (территория в кв. клм.)

Округа и их части:	Северная (промысловая) зона		Средняя (земледельческ.) зона		Южная (скотоводческая) зона		Всего по округу		В %% к краевому итогу		Географическая плотн. населения на 1 кв. клм.
	Террит.	Насел.	Террит.	Насел.	Террит.	Насел.	Террит.	Насел.	Террит.	Насел.	
Тарский	—	—	74.632	277.316	—	—	74.632	277.316	1,77	3,21	3,72
Омский	—	—	66.692	824.072	—	—	66.692	824.072	1,58	9,54	12.38
Славгородский	—	—	42.660	433.461	—	—	42.660	433.461	1,01	5,02	10,16
Барабинский	—	—	98.014	502.707	—	—	99.014	502.707	2,32	5,82	5,13
Каменский	—	—	29.288	446.559	—	—	29.288	446.559	0,70	5,17	15,25
Новосибирский	—	—	57.814	795.432	—	—	57.814	795.432	1,37	9,20	13.76
Барнаульский	—	—	38.197	699.411	—	—	38.197	699.411	0,91	8,09	18,31
Рубцовский	—	—	31.565	418.761	—	—	31.565	418.761	0,75	4.85	13,27
Бийский	—	—	50.721	743.345	—	—	50.721	743.345	1,20	8,60	14.66
Ойротская авт. обл.	—	—	—	—	90.358	99.780	90.358	99.780	2,14	1,15	1,10
По Юго-Зап. Сибири	—	—	489.583	5.141.064	90.358	99.780	579.941	5.240.844	13,76	60,60	9.04
Кузнецкий	—	—	65.386	404.698	—	—	65.386	404.698	1,55	4,68	6.19
Томский	350.000	32 098	102.698	690.000	—	—	452.698	722.098	10,73	8,36	1.60
Ачинский	—	—	65.213	393.569	—	—	65.213	393.569	1,55	4.55	6,04
Минусинский	—	—	77.139	316.267	—	—	77.139	316.267	1,83	3,66	4.10
Хакасский	—	—	—	—	54.472	88.906	54.472	88 906	1,29	1,03	1,62
Красноярский	1.600.000	25.000	209.746	372.183	—	—	1.809.746	397.183	42,91	4,31	0,22
Канский	200.000	5.676	70.223	375.000	—	—	270.223	380.676	6.41	4,41	1,41
Тулуновский	100.000	6.000	81.932	215.576	—	—	181.932	221.576	4,31	2,56	1,22
Иркутский	200.000	25.000	107.988	446.424	—	—	307.988	471.424	7,30	5,22	1,46
Киренский	300.000	5.000	53.087	44.205	—	—	353.087	49.205	8,37	0,57	0,14
По Сев.-Вост. Сибири	2.750.000	98.774	832.412	3.257.922	54.472	88.906	3.637.884	3.445.602	86.24	39.40	0,95
По Сибкраю	2.750.000	98.774	1.321.995	8.398.986	144.830	188.686	4.217.825	8.686.446	100	100	2,06
В %%	65,2%	1,1%	31,3%	96,7%	3.5%	2,2%	100,0	100.0	—	—	—

Города и рабочие поселки городского типа Сибирского края, утвержденные ВЦИК'ом.

(По предварительным итогам демогр. переписи 1926 г.).

		Численность населения		
	а) Города.	Мужч.	Женщ.	Обоего пола
1	Омск	79.428	82.047	161.475
2	Новосибирск	59.845	60.766	120.611
3	Иркутск	49 153	49.287	98.440
4	Томск	45 899	45.305	91.204
5	Барнаул	35 924	37.874	73.798
6	Красноярск	35.825	36.337	72.162
7	Бийск	22.536	23.038	45.574
8	Камень	11.543	11.368	22.911
9	Щегловск	10 694	10.892	21.586
10	Минусинск	9.888	10.515	20.403
11	Ленинск-Кузнецкий	9.864	9.735	19.599
12	Канск	10.114	9.121	19.235
13	Ачинск	9.213	8.666	17.879
14	Славгород	9.413	8.273	17.686
15	Рубцовск	8.011	7.898	15.909
16	Мариинск	5.489	5.846	11.335
17	Тайга	5.508	5.408	10.916
18	Нижнеудинск	5.102	5 255	10.357
19	Тара	5.006	5.316	10.322
20	Барабинск	4.733	5.102	9.835
21	Татарск	4.721	4.456	9.177
22	Черемхово	4.488	4.505	8.993
23	Черепаново	4 508	4.303	8.811
24	Боготол	3.917	4.440	8.357
25	Зима	3.954	4.098	8.052
26	Усолье	3 896	3.923	7.819
27	Каинск	4.103	3.527	7.630
28	Тулун	3.050	3.056	6.106
29	Енисейск	2.870	3.087	5.957
30	Киренск	2.441	2.264	4.705
31	Тюкалинск	2.301	1.887	4.188
32	Кузнецк	1.781	2.094	3.875
	б) Рабочие поселки городского типа.			
1	Ленино (Иннокентьевская)	4.401	4.567	8.968
2	Слюдянка	2.528	2.576	5.104
3	Мысовск	1.216	1.363	2.579

II. Северная (промысловая) зона.

В состав северной (промысловой) зоны входят: тундра, лесо-тундра и северная часть тайги (Нарымский край, Туруханский край и самые крайние северные части округов: Канского, Тулуновского, Иркутского и Киренского).

Площадь северной промысловой зоны занимает, примерно, 2.750.000 кв. клм., с населением около 100.000 чел. Из этого числа туземного населения насчитывается до 40.000 чел. и русского около 60.000 чел. Последнее проживает главным образом в самой южной части промысловой зоны, южных районах северной тайги, где промыслы охота, звероловство, рыбная ловля и лесные промыслы играют преобладающую роль в хозяйстве, но на ряду с этим проявляется уже, хотя и в очень ограниченных размерах, земледелие. Часть русского населения проживает по берегам Обской и Тазовской губы и в системах Оби, Енисея и Лены.

В этой главе мы познакомим читателя с насельниками северной (промысловой) зоны отдельно по каждой из составляющих ее частей: тундры, лесо-тундры и северной части тайги.

1. Тундра.

1. Насельники тундры. 2. География и природа тундры. 3. Самоеды, откуда они пришли и как приспособились к условиям суровой северной природы. 4. Оленеводство—основа хозяйства самоеда. 5. Кочевки самоедов и границы этих кочевок. 6. Пушной промысел и рыболовство в хозяйстве самоеда. 7. На какие группы делятся самоеды.

Область тундры обитают—*самоеды каменные и низовые, юраки Обдорской управы и самоеды: хантайские, карасинские, авамские и вадеевские.*

Прежде чем перейти к описанию их жизни и быта, познакомимся вкратце с краем, где они живут, с его географией и природой, поскольку и та, и другая везде, а особенно здесь, определяют направление хозяйственной деятельности человека и оказывают значительное влияние на быт и степень его культурного развития.

Простираясь с запада на восток от Уральских гор до Хатангского залива, область тундры окаймляет побережье Ледовитого океана полосой, ширина которой в среднем равняется 500 клм., достигая местами 800 и даже 1000 клм., а местами суживаясь до 300 клм.

Между Обью и Енисеем тундра является самой низменной частью Западно-Сибирской низменности и в целом представляет бесконечную однообразную равнину.

Между Енисеем и Хатангой поверхность тундры значительно чаще нарушается увалами и горными грядами, являясь более возвышенной и изрезанной.

Область тундры на пространстве до 500 километров прорезается низовьями мощной водной артерии Сибири—Енисея, связующего пустынные широты тундры с населенными и культурными районами юга и являющегося основным водным путем от малоизведанных скалистых гор Урянхая через земледельческую зону Сибири к открытому „Студеному" морю.

К западу от Енисея тундра пересекается реками Гыда и Яра, а по границе с Тобольским округом Уральской области—низовьями рек Таза и Пура.

Обская губа отрезает от тундры Туруханского края тундры полуострова Ямал.

К востоку от Енисея протекает р. Пясино, изрезавшая большую тундру своими притоками. Еще восточнее протекает Таймыр. Между основными водными бассейнами разбросано множество больших и малых озер.

Реки текут здесь по холодным, безлюдным пространствам и впадают в суровый, мало доступный для плавания Ледовитый океан. Краткостью навигационного периода значительно умаляется, а иногда даже и вовсе аннулируется экономическое значение этих водных путей. Енисей свободен от льда (по данным за 18 лет) в Дудинке—138 дней, в устье—150 дней. Климатические условия чрезвычайно суровы. Средняя годовая температура на крайнем севере 12 градусов мороза, в лесотундре—10 градусов и в северной части тайги—6 градусов. Теплое время начинается только с 15-20 июня и продолжается до 1 сентября. В начале сентября начинаются заморозки, которые затем быстро переходят в сильную стужу. С наступлением зимы, с леденящими ветрами и вьюгами солнце исчезает с горизонта и только с половины января показываются первые солнечные лучи. В апреле ночи не бывает совершенно. Однако, солнце греет недостаточно. А продолжающиеся и в это время мятели, пурга и мороз бывают еще чрезвычайно свирепы. Весна наступает быстро и тотчас же начинается буйный рост беднейшего на земле растительного царства тундры.

Животный мир тундры не особенно богат. Самым ценным из пушных зверей является песец, обитающий не только на материке, но и на приполярных островах. Местом гнездования ему служат горные хребты, холмы, крутые берега рек, озер. Осенью песец идет на юг в область лесо-тундры. Отдельные экземпляры заходят иногда довольно глубоко по Тазу и по Енисею в область тайги. Весной песец уходит обратно на север. Передвижение совершает или по течению рек партиями, или в рассыпную по тундре. Кроме песца, в полосе тундр водится в большом количестве дикий олень. Годами в изобилии появляется волк. На самом побережьи Ледовитого океана встречается нередко белый медведь. В Енисейском заливе—тюлень, добываемый даже у Гольчихи. За стадами рыбы, иногда далеко вверх по Енисею, пробирается из океана белуха.

Весною тундра оживляется разнообразнейшими породами прилетных птиц. Гуси, утки, лебеди, гагары, кулики и другие гнездятся в низинах, там где ивняк и ползучая береза, на озерах и в моховой тундре.

Реки, речки и даже самые мелкие озерки изобилуют рыбой.

Таков мир тундры, куда много веков тому назад, пробиваясь через враждебные турецкие и угро-финнские племена, из Саянских предгорий пробрались и расселились самоеды: одни на запад—за Урал, другие на восток—от Ямала до Таймыра. «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди самоеды, зовомые малгонзеи»... *)

В суровых просторах полярных тундр им пришлось пережить исключительно трудный момент приспособления к новым для них условиям существования.

И то, что они не погибли, не превратились в угасающее племя и сумели использовать те своеобразные богатства, которые предоставил им север, говорит уже за их чрезвычайную жизнеспособность.

Характер самоеда, его домашний быт, его форма хозяйствования слагались на фоне тех природных условий тундры, краткая зарисовка которых дана нами выше.

Свойства почвы и климатические условия исключали возможность заниматься земледелием. Скудость растительного покрова, долгие зимы с их снегами и морозами препятствовали развитию скотоводства.

---

*) „Малгонзея", по филологическому толкованию проф. Д. Н. Анучина, по-самоедски означает людей краевых, т.-е. живущих на конце земли.

Здесь, в приполярной зоне, под ледяным дыханием океана, среди обнаженных тундр, вечных снегов и многомесячной тьмы полярных ночей, озаряемых лишь светом луны или трепетом северного сияния,—надо было изыскать способ обеспечить себя пищей, одеждой, удобным жильем, возможностью преодолевать пространство через бесконечные болота и летом и зимой, без пути и дорог.

И эту сложную задачу самоед разрешил путем приручения дикого оленя. Олень не был для самоеда чем-то новым. Он знал его, наверное, на вершинах Саян, где остатки его соплеменников (карагассы, сойоты) и до ныне занимаются оленеводством. Но надо было здесь, на севере, создать мощные оленные стада, приспособиться самим к своеобразным условиям оленного хозяйства и вместе с тем приспособить оленя к потребностям своего быта.

К весне, до разлива рек, речек и озер оленеводу надо успеть угнать свои оленные стада в далекие северные тундры, где летом не мучают оленя комар, овод и гнус, эти губители оленя, и где не бывает тех страшных эпизоотий, которые в короткий срок уничтожают тысячные стада. Там на привольи, в прохладе пасутся олени на возвышенностях или в долинах рек по моховищам, поправляются, тучнеют, набираются сил к голодной и лютой зиме. Когда пастбище выбито,—стадо перегоняется на новое место. А вместе со стадом кочует и самоед, со становища на становище передвигая свой легкий чум, располагая его у речки или озера.

Приходит осень, и страх перед пургой и морозом заставляет спешить на юг. И как только застынут болота, а реки и озера покроются льдом,—самоеды гонят стада обратно, ближе к лесу, где есть топливо, где под защитой деревьев меньше свирепствуют ветра. Однако, и здесь самоед остается на самой грани чистой тундры. Подолгу нельзя стоять на месте: надо искать корм для оленя и через каждые 4-5-10 дней перегонять стада на новое пастбище.

Развитие оленеводства обусловливалось, несомненно, теми исключительно благоприятными условиями естественной среды, которую представляли просторы тундровых полей с их богатыми выпасами, но, кроме того, в те далекие времена, когда еще не было товарообмена, и хозяйство носило характер исключительно натуральный—олень давал возможность туземцу удовлетворить максимум своих потребностей.

Зимой тундра мертва. Кроме белой куропатки, все птицы с осени улетают на юг. В озерах, крепко скованных льдом, трудно достать рыбу. Зверя добудешь не всегда, и единственной пищей служит тогда олень. Его горячая кровь согревает тело и является верным средством предохранения от цынги.

Оленья шкура—лучшая защита от холода: днем в виде искусно сшитой одежды, а ночью в виде мехового мешка, в котором самоед спит спокойно, когда температура чума не теплее самой тундры.

Натянутая на шесты та же шкура дает удобное жилье „чум", который легко и быстро можно переносить с одного становища на другое. А когда надо кочевать („кослать"), олень с одинаково упорной энергией тащит легкую санку зимой по твердому снегу, а летом—по топким лайдам и болотам тундры.

Оленьим молоком и кровью выкармливаются дети. Олений хвост, воздвигнутый на головном уборе, у некоторых групп этой народности служит украшением и отличительным знаком среди других племен.

Из оленьих шкур изготовляется одежда для шайтанов, могущественных покровителей семьи, которых особый священный олень (шайтан-олень) возит на особой священной санке...

И, наконец, олень сопровождает мертвеца в его загадочный посмертный путь.

Проникновение на север тундры русского торгового капитала начало вносить в хозяйство самоеда элемент товарности. Сбор *ясака* и усиленный спрос на пушнину со стороны русских пришельцев толкнули жителей тундры на пушной промысел.

...„А платья носят соболие и оленне, а товар их соболи"... Очевидно, это относится к очень давним временам, быть может, к тем, когда самоеды жестокими набегами вытесняли остяков из богатых зверем урманов с Конды, с низовьев Иртыша. Но давно обратно оттеснены они в пустынные тундры, куда никогда ни заглядывает многоценный соболь, где среди снегов рыщет только сам белый, как снег, серебристый песец.

Песец, главным образом, добывается с ноября-декабря по февраль-март. Тогда туземец ставит на него ловушки или капкан у чума или пасти далеко в тундре.

На высмотр ловушек надо ездить не реже двух раз в месяц и, естественно, что чем больше у туземца оленей, служащих единственным средством передвижения, тем богаче его пушной промысел, тем большее количество товаров мог получить он за свою пушнину. Таким образом, рост товарных отношений неизбежно приводил к дифференциации самоедских хозяйств, к выделению богатых и бедных.

Малооленным хозяйствам также приходится больше заниматься пушным промыслом, чтобы таким путем обеспечить свои потребности. Если оленей в своем хозяйстве не хватает самоед идет к богатому. И тот дает ему оленя:

„вера такая". Однако, на деле эта „вера" сводится к самой обыкновенной ссуде. Получивший оленей обязан, опять-таки по вере, отработать или заплатить пушниной.

Чем шире становились товарные отношения, тем больше потребностей самоеда удовлетворялись *чужими* продуктами. Если раньше натуральное хозяйство доставляло оленеводу решительно все необходимое для существования и дальнейшего ведения хозяйства, то теперь, с началом обмена, в обиход постепенно, но прочно начинают входить такие вещи, как охотничье снаряжение, хлеб, табак, спирт, железо и другие продукты чужеземной культуры.

Рыболовством самоед занимается мало, добывая рыбу только на пропитание себя и семьи. Промышлять рыбу на песках больших рек в целях товарообмена-оленеводу некогда: промышленное рыболовство сломало бы весь уклад привычной жизни самоеда-оленевода и вредно отразилось бы на его хозяйстве, раздвоив рабочие силы последнего.

Вот почему большинство самоедов не занимается рыболовством даже там, где это выгодно, где рыбу легко сбыть, например, в низовьях Енисея. Только небольшая группа самоедов промышляет рыбу в целях товарообмена в низовьях Таза и Пура, на песках и по островам. Однако, оленеводство попрежнему остается основой их хозяйственной жизни, регулирует их кочевание и, как только кончается рыбопромысловый период—самоед, обычной тропой, со своими стадами, продвигается на Обдорск или в близлежащие тундры.

В былое время путь кочевания самоеда определялся исключительно требованиями оленеводства, но впоследствии сюда примешались факторы другого характера.

Наметились экономические центры, куда стал выходить самоед, вначале—для сдачи ясака, позднее—в целях товарообмена, чтобы в обмен на пушнину получить от „друга" (купца) железо, табак, спирт. Такими пунктами экономического тяготения для обдорских самоедов являются и теперь Обдорск, Сургут; для хантайских и карасинских—Караул, Дудинка; для авамских и вадеевских—хатангский тракт, куда исстари выезжали купцы с товарами.

По своему происхождению самоеды принадлежат к ветви саянцев урало-алтайской группы. Некоторые ученые относят самоедов к угро-финнам, но другие определенно утверждают, что по языку самоеды резко от них отличаются. В то же время тип самоеда физически сохранил наиболее ярко черты монгольской расы.

Самоеды и доныне стремятся сохранить свою национальную самобытность, не заключают браков даже со смеж-

но кочующими чуждыми им племенами и, таким образом, в наименьшей степени подверглись процессу метисации.

Этому, несомненно, способствовали те внешние природные условия, среди которых протекала их жизнь. Вероятно, если бы окружающая их обстановка не была так мало доступна для освоения,—пришлый русский элемент или хотя бы иные туземные племена, не преминули распространить свое влияние и на эту народность.

Самоеды разбиваются на следующие группы:

Тобольские—*каменные*, кочующие между Уралом и Обью и на острове Ямал, и *низовые*—кочующие к востоку от Оби.

В эту же группу следует включить ту группу самоедов, которые нередко в современной литературе именуются *„юраками Обдорской управы"*, кочующих между Обью и Енисеем, из которых одни занимаются рыболовством в низовьях Таза и Пура, другие с оленными стадами маячат от Обдорска до Гыда-Яма и Енисея, а некоторые постоянно кочуют в низовьях Енисея и в районе Б. и М. Хеты.

Чрезвычайно характерным для самоедов этой группы (каменных, низовых и юраков Обдорской управы) является общность родовых имен, при чем одни совпадают полностью, а другие несколько отличаются в произношении*).

От этой группы резко отличаются по наречию, по родовым именам, по внешнему виду и мелочам домашнего обихода *самоеды*, называемые *„тавгийцами"* (восточные), подразделяющиеся в свою очередь на две группы—кочующих по Енисею, известных под именем *хантайских и карасинских*, и кочующих от Пясино до Таймыра—*авамских и вадеевских*.

Хантайские и карасинские самоеды определенно носят отпечаток влияния русских и это особенно резко сказывается на характере родовых имен. Родовые имена—Горлашкин, Каплин, Мирный, Силкин, Турдакин, Турутин и др.—ничем не отличаются от обычно встречаемых русских фамилий; в 14% семей члены семьи носят русские имена. Имена же авамских и вадеевских самоедов полностью сохранили свою самобытность—они двухсложные, резкие, отрывистые, с окончанием на гласную.

В отношении вадеевских самоедов в литературе имеется два указания. Одни, на основании преданий самих самоедов, полагают, что данный род происходит от тунгусов и название его производят от тунгусского слова „Вадей"; другие утверждают, что этот род наиболее близок по языку к юракам и что юрацкое название его „Вай".

---

*) Общие имена: Окодетто, Яр, Ядне, Ненянг, или сходные: Нгадер (Адер), Сюгней (Согой), Тешеде (Тезеде), Хороча (Хороля).

Нельзя не указать на следующее очень интересное обстоятельство. Житков при обследовании самоедов полуострова Ямал указывает на наличие среди них типа, напоминающего туземцев группы палеазиатов—резкие черты лица, орлиный нос. Переводчик сообщил ему, что такой тип чаще встречается среди низовых самоедов. Тот же тип—тип североамериканского индейца встречается среди юраков на Енисее и, наконец, среди юраков тазовских.

Следует указать еще на остяцкий род Солиндер, который в количестве 22 семей кочует совместно с самоедами от Обдорска до низовьев Енисея и отличается от них лишь некоторыми традициями домашнего быта. Очевидно, род этот по своему этническому составу принадлежит к нижне-обским остякам, но прикочевал сюда с давних лет.

Обычная внешность самоеда—невысокий рост, черные жесткие волосы, смуглый цвет лица, лоб низкий, лицо плоское с широко выдавшимися скулами. Глаза узкие, черные, маленькие. Рот и уши большие.

Самоеды хантайские и карасинские отличаются от обдорских большим ростом, широтой плеч, высоким лбом и более выразительным взглядом.

Физически это крепкая, здоровая народность, б. м., в связи с употреблением в качестве основного продукта питания—мясной пищи.

По характеру самоеды честны, доверчивы, добродушны, но замкнуты и сдержанны.

Несмотря на всю свою примитивность, самоеды не лишены своеобразной, цельной, самобытной культуры. Весь быт их, весь строй хозяйственной жизни проникнут чрезвычайной способностью приспособления к условиям существования среди суровой природы приполярной зоны. Поразительны их умение ориентироваться, их острота зрения, их зрительная память (способность знать „в лицо“ тысячу-две своих оленей, помнить их приметы, цвет и происхождение). Они обладают удивительно стойкой и определенной внутренней дисциплиной. Наконец, они прекрасные оленеводы. Их оленное хозяйство носит характер организованности, плановости, в нем замечаются определенные, выработанные вековым опытом методы хозяйствования.

Все сказанное дает нам основание считать самоедов за народность, имеющую перед собой широкие перспективы культурного роста с созданием особых, крайне интересных и оригинальных, форм этой культуры с устойчивым, своеобразным типом хозяйственного быта, связанного с оленеводством.

Не подлежит сомнению, что в самом ближайшем будущем, попутно с ростом социалистического строительства во всем

Союзе, в частности и на сибирском севере, оленеводческое хозяйство самоедов получит резкий толчок для дальнейшего развития. Те первые шаги, которые сделала советская власть за четыре года в деле улучшения быта и методов хозяйствования у оленеводов, о чем сказано в последней главе этой книжки, с годами примут систематический, планомерный характер и тем самым подведут культурную базу под многообещающее оленеводческое хозяйство.

2. Лесо-тундра.

1. География и природа лесо-тундры. 2. Насельники западной и восточной части лесо-тундры. 3. Юраки тазовские и береговые и их хозяйственный быт. 4. Район «Затундры» и его насельники (якуты, тунгусы, долгане, самоеды). 5. Крестьяне Затундринского о-ва. 6. Процесс ассимиляции и метисации в «Затундре».

Район лесотундры представляет переходную зону от области чистой тундры к области тайги. Затруднительно указать линию границы, отделяющую промежуточную зону лесотундры от тундры с севера и от тайги с юга, поскольку тундра незаметно переходит в лесо-тундру, а последняя так же незаметно переходит в тайгу. С запада лесо-тундра ограничивается низовьями Оби, с востока Хатангским заливом.

Так же, как и в области тундры, мы находим резкое различие в характере между западной и восточной частью лесотундры, пересеченной Енисеем.

На западе это та же однообразная, низменная равнина с волнистой линией невысоких бугров, усеянная озерами и лайдами. К востоку от Енисея—область лесо-тундры более возвышена и более изрезана, а от области тайги отделяется крутым под'емом Норильского массива, протянувшегося до Хатанги и Анабара.

В район лесо-тундры входит самая богатая в рыбопромысловом отношении часть северных рек—низовья Оби, Пура, Таза, Енисея, с рядом островов, отмелей, с сетью проток и обилием рыбопромысловых песков. Кроме Турухана и Курейки, остальные реки лесо-тундры не имеют экономического значения ни в качестве промысловых угодий, ни в качестве путей сообщения, тем более, что они не служат связью ни с культурными, ни с экономическими центрами и орошают, по существу, бесплодные и безлюдные пространства.

В общем, в отношении температуры, длительности зимы, мрачного однообразия зимней полярной ночи, в отношении общих природных условий—район лесо-тундры немногим отличается от области тундр. И здесь под почвой залегает пласт вечной мерзлоты. И здесь—простирается мертвая бесплодная

тундра: то бугристые равнины торфяников, то лайды покрытые моховищам и то обнаженные каменистые и дресвяные гребни возвышенностей.

Только по низинам, по долинам рек узкой лентой расползается, подымаясь к северу, захудалый, низкорослый, редкий лес. Деревья суховершинны, с бедной листвой, опутаны лишайником, искривлены. Подрост отсутствует. Но все же этот хилый лес дает топливо в лютый мороз и защищает от пурги.

Животный мир лесотундры соединяет в себе представителей тундры (песец, олень, заяц, волк) и тайги (лиса, колонок, медведь, россомаха). Здесь водится также изящный и злой хищник—по преимуществу житель лесо-тундры — горностай.

Туземное население района по своему этническому составу и в хозяйственном отношении резко разграничивается на западное и восточное. На западе, от Пура и Таза до Енисея, обитает племя самоедов—*юраки* (бывшей Тазовской управы), на востоке от Енисея до Анабара, в районе так называемой „Затундры", обитают *якуты, долгане, тунгусы и крестьяне Затундринского общества.*

По мнению некоторых этнографов юраки как Тазовской управы, так и та небольшая группа, которая, отделившись от них, осела на Енисее, в районе Бреховских островов и известна под именем береговых, ни по языку, ни по мелочам домашнего обихода не отличаются от тобольских самоедов. Однако, на основании родовых имен их все же следует выделить в особую группу, так как эти имена не совпадают с именами тобольских и обдорских самоедов*).

Общие природные условия существования, а также, очевидно, и племенное единство с самоедами, повели к созданию у юраков тех же форм хозяйственного быта, которые мы наблюдали в районе тундры—оленеводческое хозяйство.

Обе группы обитают в самом центре рыбопромысловых угодий. Естественно, что в значительной степени они стали строить свое хозяйство на рыбном промысле, тем более, что в отношении массового пушного зверя район, ими обитаемый, не отличается большим богатством. Развитию товарности рыболовного промысла, а также вовлечению юраков в товарообмен способствовало продвижение русских, первоначально обосновавшихся в самом центре обитания юраков (Мангазея), а потом передвинувшихся на Енисей и занявших его течение.

*) Для обеих групп юраков общими именами (родовыми) являются: Пальчин (Чор), Лырмин (Ванна-Ашеде), Мар'ин-Сын'ярский, Ямкин, Яр. Среди береговых сохранились семьи с родовым именем Мокасе, в момент основания Мангазеи, обитавших на Тазу.

Однако, несколько перестроив свое хозяйство под влиянием ряда внешних причин естественно-исторического характера и занимаясь рыбопромышленностью, юраки не стали рыбаками, а сохранили оленеводческую форму хозяйствования. И хотя численность их стад, по сравнению со стадами самоедов, значительно понизилась (очевидно, в связи с изменением формы хозяйства), все же, несмотря на кабальные условия труда и на вековую эксплоатацию их русским торговцем в прошлом, они сохранили живой источник своего хозяйства—свои оленные стада, и вместе с тем и свойственный оленеводам уклад хозяйства. Часть семьи остается в период промысла на песках и неводит за хлеб, за табак и чай, часть уходит с оленями в тундры. А зиму с оленным стадом юрак кочует у лесных порослей, где есть топливо и ягель, и добывает дикого оленя.

Элемент натурального хозяйства сохранен. Рыба служит продуктом товароомбена, но нюк для чума, расшитую искусным узором, мастерски выделанную зимнюю обувь и одежду, наконец, здоровую основу зимней пищи—мясо, жи—дает собственное оленное стадо.

Сырое мясо, горячая кровь—лакомство юрака. Тундра—его мир. Вода—рабочая среда, но не любимая стихия.

У него больше живости, хитрости, чем у самоеда—таково требование жизни. Но в основном тот же своеобразный уклад и замкнутость.

Что касается береговых юраков, то под влиянием процесса метизации и ассимиляции, при тесном соприкосновении с русскими, они утратили свою мощность, как племенной единицы. Приобщение их к культуре со стороны русского торгового капитала сводилось прежде всего к искусственному повышению их несложных вкусов и привычек, к отравлению табаком и спиртом; товарообмен между царскими скупщиками и жителями лесо-тундры вплоть до революции выражался в самой беззастенчивой эксплоатации, основанной на спаивании, надувательстве, а зачастую—и в простом грабеже.

Теперь хозяйство их обнищавшее, обезоленевшее и крайне расшатанное

Только новая национальная политика СССР, основанная на тесном сотрудничестве народов, способна вывести из нищеты это, почти в конец разоренное, вымирающее племя.

Значительное разнообразие в этническом отношении представляет *район Затундры*, лежащий к востоку от Енисея. С востока пришли сюда оттесненные с юга на север представители турецких народов—живое и энергичное племя *якутов*. С юго-востока и с юга выдвинулись теснимые якутами и русскими представители манчжурской ветви монголов—*тунгусы* и *долгане*. С за-

пада, по линии Хатангского тракта продвинулись *русские* — вольные промышленники и казаки, которые разбросали в тундре свои промысловые зимовья. На „край леса", спасаясь от свирепой пурги с севера приходят со своими оленными стадами *самоеды*.

Через таежные дебри, через горные кряжи, через топи болот—эти авангарды народов проложили пути и, встретившись здесь, рассеялись, осели, удивительным образом перемешавшись, ассимилируя друг друга и создавая пестрые национальные сочетания.

Рельеф, климат, характер почвы, растительный мир, все как нельзя более благоприятствовало развитию оленеводства, тем более, что только данная форма хозяйствования отвечала требованиям человека при суровых условиях существования, среди безжизненных тундр, при полной оторванности от культурных центров, а следовательно, и при крайне замедленном переходе к хозяйственным формам, основанным на товарообмене.

И это учел даже русский земледелец, пришедший в дикую, неведомую страну за сказочным богатством.

И племена, различные по происхождению, по физическому складу, по темпераменту, по путям, пройденным их историей, по характеру их культуры—в основу своего хозяйства положили одинаковую форму, продиктованную им одинаковыми условиями существования—оленеводство, а отсюда неразрывно связанные с ним основные моменты хозяйственного быта, отмеченные в сделанном выше очерке истории развития самоедского хозяйства.

Однако, районы кочевок более определенны, чем это мы видели у самоедов, и постепенно с годами устанавливается твердый путь следования—своя тропа; а главное, десятилетиями, из поколения в поколение устанавливаются определенные пункты, где и на летовье, и зимой располагаются становища.

Таким образом, форма непрестанных перекочевок по тундрам сменяется регулярным, как движение маятника, откочевыванием—зимник и летник, зимник и летник. Линия зимника, так называемый теперь Хатангский тракт до революции был оживленным торговым трактом для русских купцов, приходивших с Енисея.

Хозяйство кочевников быстро утратило характер чисто натурального хозяйства.

Приманкой для русского торгового капитала и в этом районе служила, прежде всего, ценная пушнина. А так как к моменту появления купца, леса и тундры изобиловали пушным зверьем, то охотничий промысел, носивший ранее

случайный, подсобный характер, начал принимать значительные размеры. Так создалось смешанное оленно-промысловое хозяйство.

Но новый промысел и рост обмена отнюдь не принесли туземцам выгод. Помимо того, что обмен сводился к почти сплошному надувательству, товары, привозимые купцом, носили исключительно потребительский характер и ни капли не меняли методов хозяйствования туземцев. А такие товары, как спирт и табак, нужда в которых быстро переходила в болезненную страсть, не только не улучшали, но прямо-таки подрывали хозяйство оленевода.

Поэтому, параллельно с ростом обмена, начинают уменьшаться оленьи стада. Промысел отвлекал внимание оленевода от его основного занятия, вызывал небрежное отношение к стадам.

Грубые и примитивные методы хозяйствования, ряд эпизоотий, против которых не принимались да и вряд ли могли приниматься какие-нибудь решительные меры, привели оленеводство к значительному упадку.

И хотя оленное стадо и теперь является основным фондом домашнего обихода затундринского туземца и регулятором его быта, оленеводство все же не является для него самоцелью, а лишь средством для передвижения (в целях пушного промысла), а также средством обеспечить себя зимней одеждой и пищей.

Но в силу целого ряда причин как общего, так и случайного характера, целые группы хозяйств обезоленивают и вместе с тем, лишаясь подвижности, а следовательно, и возможности иметь пастники, нищают и влачат полуголодное существование.

Характерен процесс превращения в чистейших туземцев немногочисленной группы русских—потомков первых русских засельщиков района, известных под именем *крестьян Затундринского общества.*

В этом процессе утраты ими своего лика сыграла роль и та природная среда, которая вынудила их во всех деталях своего обихода, приспособляясь к суровым условиям существования, перенять от туземца все его своеобразные обычаи и привычки.

Пища—сырая рыба, сырое мясо, кровь животных. Одежда—шкура убитого зверя. Жизнь—в грязном, сыром чуме, среди копоти и дыма. Рассеянные чуть ли не по одиночке среди туземцев, не знающих ни слова по-русски, они забыли свой язык. Наконец, путем заключения браков с туземцами, они физически слились с туземным населением и приобрели своеобразный „инородческий“ облик.

Но то туземное население, которое стерло с русского печать высшей культуры, по существу не представляет из себя ничего цельного

Долгане, которые по свидетельству всех этнографов и этнологов, являются об'якученными тунгусами, не могут быть, однако, целиком отнесены ни к той, ни к другой народности и должны быть выделены в особую этническую группу. Хотя долганский язык, как утверждают некоторые исследователи, и есть просто искажение якутского, однако, он своеобразен и вошел в обиход затундринских туземцев. У долган имеется своя особая манера одеваться, особый узор богатых бисерных орнаментов, которыми они украшают свои одежды. Наконец, их физический тип и их характер своеобразны.

Тунгусы тундры, пожалуй, лучше всего могут быть характеризованы потерей своего языка, своего быта, своего характера. В Норильском районе они сливаются с долганами, в восточной части Затундры носят резко выраженную печать об'якучивания.

Даже якуты, эта наиболее устойчивая национальная единица в *хозяйственном* и бытовом отношении, и то уже мало чем отличаются от типа затундринских крестьян, от долган. Но, однако, отдельно сохранившиеся чисто национальные черты характера—живая энергичность, домовитость и определенно выраженное „национальное самосознание"—все же заметно выделяют их из общей массы туземного населения. Этим, собственно, лишний раз подчеркивается крепость и жизненность якутской национальной культуры по сравнению с другими, упомянутыми выше народностями.

Господствующим языком Затундры является долганский—своего рода эсперанто. Имена, фамилии—русские. Есть и туземные, но не в ходу. Официально религия православная, но и она, и шаманизм мирно уживаются рядом и, в общем, авторитет обоих слаб. Браки заключаются свободно между всеми группами, кроме, как это указывалось выше, самоедов, которые вообще резко выделяются среди остальных своей цельной, нетронутой, национальной самобытностью.

В общем же приходится сказать, что процессы метизации и ассимиляции в конце концов привели почти к полному обезличению района в национальном отношении, что в свою очередь сказалось на основах хозяйствования и быта. Развившийся обмен способствовал внедрению в местное туземное население новых навыков и потребностей, значительно изменяющих весь уклад жизни. Замена шестового чума—нартяным, постройка бревенчатых балаганов и изб, употребление железных печей, посуды, белья и даже некоторой упрощенной мебели, замена нарты балками и пр. и т. п.—все это пришло

вместе с иноземцами и вытеснило национальную самобытность; но вместе с тем все эти новшества в домашнем быту служат показателем роста некоторой культурности. Правда, вся политика русского самодержавия сводилась к выкачиванию жизненных соков у этих угнетенных народностей и тем самым тормозила рост культурности. Но сопротивляемость, выказанная туземцами, служит залогом того, что в условиях национальной политики советского правительства, основанной на братском сотрудничестве народов, этот край отныне начнет двигаться вперед по пути экономического и культурного под'ема.

3. Северная тайга.

1. География и природа северной тайги (к западу и востоку от р. Енисея). 2. Население западной части: остяки и остяко-самоеды; места их обитания. 3. Быт остяков и остяко-самоедов. 4. Лесные самоеды (хандеяры). 5. Енисейцы (Кето). 6. Русское население по берегам Оби и Енисея. 7 Насельники восточной части северной тайги: тунгусы, природные условия, быт, культура, склонность к ассимиляции. 8. Тунгусы западной части тайги („наволошные") и на восток от Илимпии. 9. Якуты.

Переходим к последней части рассматриваемой нами северной (промысловой) зоны—северной тайге.

Тайга опоясала Сибирский край от Оби и Иртыша до Анабара и Вилюя и южнее—до Бодайбинских приисков, на севере незаметно сливаясь с лесо-тундрой, а на юге, также незаметно, переходя в лесостепь.

Резкой, отчетливой линией отсекает Енисей восток этой полосы от запада, давая два разных мира.

На западе: бескрайные низины, недвижная ленивая гладь сонных озер, медленное течение вод между пологих берегов. Едва намечаются водоразделы крупных бассейнов. Чаще водораздельные низины образуют удобные волока. И лишь в верховьях рек—слабая линия песчаных увалов.

На востоке: суровое нагромождение камня: то крутые, одинокие сопки, то надколотые столбы с плоской вершиной. Как стены древних крепостей—обрывисты отвесы гор. Всюду резкость очертаний, обнажение камня. Снег на вершинах, ниже галька, груды обломков и россыпей скал. Мох и лишайник. Все дико и угрюмо. Бурный шум стремнин. Пена и брызги несущихся горных потоков.

Растительный мир, в связи с характером почвы, с рельефом и орошением—чрезвычайно разнообразен.

Смешанные леса юго-запада района Тавды и Конды—береза, осина, ива, черемуха, ольха, рябина, сменяются по направлению к северо-востоку мрачным урманом на гривах

водоразделов, где только кедровник, сосна да кочкарник болот. В районе Ваха, Тыма и дальше на Таз—величавые сосновые бора—богатейшие охотничьи угодья. Кое-где ельник, пихта. В низинах береза, ель, осина.

За Енисеем—по горам—топкие, гладкие болота тундр, багульник, кривая малорослая береза. Ниже по склонам—сплошь лиственница и только южнее, к Нижней Тунгуске и по левому ее побережью, тайга разнообразится кедром, елью, а местами и сосной. Лес крупный, мощный. Но и на западе и на востоке, среди непроходимых таежных дебрей, прорывы на сотни и тысячи километров мертвой зоны—гари. На западе нередко встречаются богатые покосы, хотя травы водянисты и мало питательны. На востоке среди камня и тундр—редко где, разве по займищам рек да по еланям, зазеленеет трава.

Животный мир тайги очень разнообразен, но основным зверем, добываемым в больших количествах и служащим главным предметом промысла туземного населения, является белка. Из остальных назовем — колонка, горностая, лису, зайца, волка, медведя, выдру, россомаху; изредка, к югу, в каменистых районах, покажется соболь; местами водится лось, дикий олень. Редко—отдельными экземплярами встречается песец. В изобилии добывается здесь птица, а озера и реки богаты рыбой. Однако, рыбопромысловые угодия Оби, Енисея, Таза в среднем течении менее богаты рыбой, чем в низовьях.

Туземное население западной и восточной частей таежной зоны также различно.

В западной части тайги живут *остяки*, частью смешиваясь, частью ассимилируясь в северо-восточном углу с ответвлениями самоедов, образуя особую группу так называемых *остяко-самоедов*.

К востоку от Енисея в таежной зоне бродят исключительно *тунгусы*.

Остяки и остяко-самоеды. Аборигенами западной тайги являются *остяки*, угрофиннская ветвь урало-алтайцев. В истории наших летописей они упоминались под именем древней югры, платившей дань новгородцам звериными шкурами и моржовыми клыками. В незапамятные времена сквозь племя югры пробились самоеды, вытесненные из Саянских предгорий турецкими народами. Часть самоедских племен рассеялась и осела на землях, освоенных югрой, часть продвинулась на север, и часть на восток—к Енисею.

В XV-XVI в. с юга подошли татары, которые впоследствии вернулись обратно в степи, оставив небольшие группы по Иртышу, Томи и Чулыму.

В конце XV века и в XVI веке решительное продвижение русских окончательно закрепило за ними прежние земли югры.

В настоящее время *остяки* обитают по р. р. Демьянке, Конде и Васьюгану, дальше на север, в Березовском и Обдорском районах, по р. р. Сосве, Сыну, Полую, Куновату, Казыму; в Сургутском районе—по р. р. Агану, Тром-Югану, Лямину, Салыму и Куль-Югану и, наконец, по Ваху, Нарымского края.

Смежно с ними, на запад—к Уралу, обитают родственные им *вогулы*, а к востоку народность, которую одни называют самоедами, а другие *остяко-самоедами*. Они занимают течение Оби от устья Чулыма, до устья Тыма, нижнее течение Васьюгана до р. Чижапки, течение Чан, Парабели, Тыма и Кети, откуда часть их ушла на Елогуй и Таз и заняла весь район до Турухана и Енисея. Вероятно, мы имеем здесь и осамоедившихся остяков, подобно роду Солингер, и обостячившихся самоедов и группы, образовавшиеся от взаимной ассимиляции этих двух, по существу различных ветвей.

И чистые, так называемые угорские остяки, и нарымские, и енисейские остяко-самоеды, отчасти, в силу одинаковых природных условий, среди которых им приходится жить, отчасти, в силу тесного соприкосновения между собой, а отчасти, быть может, и в силу племенного родства—имеют между собой много общего.

Тайга (лес, дерево)—вот один из основных моментов, на котором строится вся жизнь остяка, весь его домашний быт.

Юрта сооружается из бревен. Для чума требуются тонкие колья и береста. На полу—циновки из травы и камыша. Вся посуда и домашняя утварь или выдолблена из дерева, или выделана из бересты. Вместо полотенца служат деревянные стружки. Чесаная трава употребляется вместо онучей. Для тепла в обувь кладут гнилушки. Сани, нарты, лодки, лыжи, лук, морды—делаются из дерева. Только за последнее время заменяются деревянные гвозди железными, покупаются веревки. Раньше веревками служила черемуховая и кедровая сорга, таловое лыко или осока. Из крапивы, называемой „коноплей", остяки изготовляли пряжу для неводов и даже ткали холст. Из корня кедра плели сети; корень кас и сарану употребляли в пищу, из березовой древесины делали чай. Через старую дуплистую лиственницу сносились с подземным (загробным) миром.

Вторым, таким же основным, моментом в жизни остяка является вода.

С ранней весны вода, выступая из берегов, полонит всю низину обских притоков, затопляя и луга, и болота, и озера, и лес, порой бушуя волнами, порой застыв в ленивом стоячем покое. Иногда до августа стоит высокая вода. Спадет вода—кругом топкие зыби болот и трясины.

Мудрено ли, что вода, непобедимая в своей стихийной силе, стала родной стихией остяка? Не даром он так хорошо умеет править лодкой и веслом и не знает других путей среди непроходимых зарослей тайги, как извивы рек да озер, по которым на переметке (ветке) пробирается он через протоки и волока. И не даром только по гривам побережий ставит он свои юрты.

По причинам климатического и общего природного характера туземное население Приобского и Тазовского районов земледелием заниматься не могло.

Несмотря на обилие трав, условия для развития скотоводства также неблагоприятны, так как разливы рек мешают покосам и требуют запасов сена не только на долгую зиму, но и на период затяжной весны, а кормовые средства трав низки. Вместе с тем наличие естественных богатств окружающей природы—пушной зверь в урманах и обилие рыбы многочисленных водоемов, обусловливали развитие пушного и рыбного промыслов. Так создался промысловый тип туземного хозяйства остяцких и остяко-самоедских племен.

На севере (вероятно, не без влияния соседства с богатыми оленеводами-самоедами) укрепилось и доныне сохранилось (хотя и не особенно мощным) оленное хозяйство. Мы находим его в Березовском районе, частью в Сургутском и в верховьях Ваха.

Оленеводство для остяка имеет, по преимуществу, значение транспортное; в северной части оно обеспечивает хозяйство и сырьем, но на Югане и на Вахе сырье обычно закупается.

У тазовских остяко-самоедов (особенно в верховьях Таза) и у остяков по Казыму оленеводство имеет более устойчивую форму, а самое хозяйство туземца еще не вполне утратило натуральный тип.

У групп, обитающих по течению Оби, по среднему течению Таза, там, где рыболовство имеет товарное значение, бюджет туземного хозяйства строится на рыбном промысле. Но и там, где имеются менее благоприятные условия сбыта (р.р. Кеть, Васьюган), и даже там, где оно совершенно не имеет товарного значения—по озерам Тазовской тундры, по Елогую и Баншихе—рыболовство является основным источником существования остяцкого и остяко-самоедского хо-

зяйства. Ни одна народность не обеспечивает себя в таком количестве, как остяки и остяко-самоеды, запасами рыбы на зимнее время, когда мерзлая, сушеная и вяленая рыба, да дичь являются почти единственной пищей этих племен.

Предметом товарообмена служит, главным образом, пушнина—обычно белка, изредка соболь.

В поисках за белкой остяку приходится бродить по отдельным глухим местам. С ноября по декабрь и с января по март бродит он „звериной" тропой, на Тазу—с семьей, в Приобском районе—один. С весны до октября остяк едет на озеро или к берегам рек, ставит летний чум, следуя за спадом воды, переносит его с отмели на отмель и добывает рыбу.

Вода и рыба, тайга и белка—круг жизни остяка и остяко-самоеда.

На Тазу, где еще уцелели прежние формы хозяйствования, уклад хозяйственного быта регламентируется требованиями оленеводства. Но там, где нет оленеводства, а пушной промысел падает и где рыболовство не в состоянии покрывать всех нужд туземного хозяйства, совершается перелом—оседание туземца. Он ставит не юрту, а избу, чувал заменяет печью, заводит лошадь для извоза и безмолочную, никуда негодную корову.

Так начинает формироваться новый тип остяцкого хозяйства.

Остяк невысок ростом и физически слаб, может быть, в связи с недостаточно питательной пищей и общим хроническим истощеним организма. Сонное тупое лицо, длинные пряди нечесаных волос, узкие глаза и выдающиеся скулы—его внешний вид. По характеру он флегматичен, неподвижен, безучастен.

Отрицать наличие своеобразной культуры у остяка нельзя. Его умение приспосабливать богатства окружающей природы к своим потребностям—бесспорно. При рыбном и пушном промысле остяк проявляет удивительную способность учитывать направление ветра, влияние температуры, состояние снега (его глубину, рыхлость) и даже влияние фаз луны.

Остяк способен и к мелким, кропотливым работам и наделен художественным чутьем. Но, в общем, культура угрофиннских племен бедна оригинальными чертами.

Там, где обрусение проявляется резче,—быстрым темпом идет процесс ассимилиции и перспектива культурного и хозяйственного развития указанных групп, как *самобытных племенных единиц*, чрезвычайно слаба.

В районах, более отдаленных, где меньше проявлялась эксплоатация, где вместе с тем больше зверя в тайге и где

сохраняется оленное хозяйство, где, наконец, быть может, сильнее и расовое влияние самоедов (на Югане, Вахе, Казыме и у тазовских остяко-самоедов), физический тип крепче, характер делается более живым, сильным и культура, более самобытная и устойчивая, несомненно, имеет будущее.

Между Казымом, Пуром и верховьями Тром-Югана обитает рыбацкий народ, известный под именем *нях-сомар-ох, пиано-хазово,хан-деяр, или лесных самоедов*. Они оленеводы, но, подобно тазовским юракам, угоняют оленей не к океану, а на возвышенные точки водоразделов. По диалекту они отличаются от самоедов, но как будто близки к юракам. По некоторым данным, в их культуре имеется сходство с казымскими остяками. Эта любопытная народность еще недостаточно изучена.

Родовые группы среди тазовских остяко-самоедов можно считать достаточно выявленными, но они носят русские фамилии (Агичев, Корчагов, Сайготин), имена же встречаются наряду с русскими и свои—самобытные.

Енисейцы (Кето). Смежно с группой тазовских остяко-самоедов, по линии Енисея, осела группа древних аборигенов края—енисейцев (Кето), которые по своему происхождению и языку стоят совершенно особняком не только между своими ближайшими соседями, но и среди всех вообще народов Сибири.

Прежде в южной Сибири жили родственные им племена—ассаны, аринцы, котты*), но они давно уже вымерли и утратили свою национальность, и потому у енисейцев нет родственных племен.

Несколько отдельных семей енисейцев обитает в районе рек Каса-Дубчеса, но основная группа занимает побережье Енисея от станков Ворогово и Осиновское до ст. Карасино, проникая на 80 клм. (до Черного острова) вверх по Подкаменной Тунгуске, а также по р.р. Бахте, Имбаку, Елогую, Сургутихе и др.

От остяко-самоедов енисейцы резко отличаются и по языку, и своим внешним видом. Небольшая по численности, рассеянная среди русского приенисейского населения, эта группа за последние десятки лет совершенно утратила свою самобытность.

Енисейцы свободно говорят по-русски, носят обычную крестьянскую одежду, вступают в браки с русскими, в зимнее холодное время, когда нет никакого промысла, живут на рус-

*) Ассанов, пословам Георги, в 1799 г. оставалось лишь 10-12 семей. В 1740 г. умер последний аринец, знавший свой язык. Коттовцев в 1847 г. в Агульском улусе (Канского округа) оставалось лишь 6 челов.

ских станках в землянках-балаганах, зовутся русскими именами.

В своем большинстве, енисейцы, имевшие когда-то крупные оленные стада, в настоящее время совершенно обезоленили. Сырье, нужное для зимней одежды, они покупают у оленных туземцев. Основными занятиями енисейцев являются рыболовство и охота. В октябре енисейцы идут „на угор"—на промысел белки и промышлают, обычно „по наволоке" (на левом берегу Енисея). Кроме белки, добывают горностая, колонка, лису, редко (в районе Подкаменной Тунгуски) соболя. Идут на лыжах, а нарту со скудным „припасом" тащит исхудалый, голодный пес. Летом в качестве средства передвижения енисейцы пользуются разного рода лодками—веткой, долбленкой или илимкой—крытой лодкой-домом, в которой енисеец всей семьей раз'езжает на сотни километров. С весны енисейцы уходят на речки, на озера, на острова „под угор" и под яром, в чаще тальника, у отмели ставят свой чум, крытый берестой. Ловят рыбу пущальней, переметом, реже самоловом. Обычно, рыба добывается второсортная, больше себе на еду. Енисейцы питаются, главным образом, рыбой сырой, вяленой, сушеной, во всех видах. Покупают и хлеб, вернее муку, из которой у огня (очага) пекут пресные лепешки.

Енисейцы, как и остяки, способны к мелкой, кропотливой работе—искусно подбирают и выделывают меха, делают берестяную посуду, умеют резать по дереву, но у них нет ни энергии, ни стремления к живому труду. Им свойственна та ленивая бездеятельность, которой они предаются летом, когда „сидят" чумом на песке, пока рыба „сама" ловится пущальней или мордой, и эта сонная бездеятельность, граничащая с безмятежностью созерцательного покоя, даже гармонирует с общим фоном недвижного величавого безмолвия пустынных берегов Енисея.

Близкое соприкосновение с русским населением крайне неблагоприятно отразилось на енисейцах. Местное крестьянство относится к „азиату" с поразительным пренебрежением и в дореволюционные годы все в целом занималось „тунгусничаньем", т.-е. эксплоатацией и обирательством туземца, и прежде всего енисейца, в самой грубой беззастенчивой форме. Не удивительно, что енисеец оказался в конец разоренным. Вместе с тем его приучали ко всякого рода излишествам, к азартным играм и соблазнам, выманивая от него драгоценную пушнину спиртом, табаком и целым ассортиментом по существу бесполезных побрякушек или предметов городского обихода, которые, однако, сбывались ему по высокой цене.

Уже перед революцией эта группа, хозяйственно совершенно обнищавшая, утратила свой национальный характер, обезличилась вконец и стала на грани определенно выраженного вымирания, а в отдельных, лучших случаях—ассимиляции.

Прежде чем перейти к туземным группам, обитающим в области тайги к востоку от Енисея, остановимся несколько на русском населении Оби и Енисея.

Русское население севера. Русская колонизация приняла планомерный характер с XVI века. Двигателем ее являлось стремление завладеть богатым рынком, дававшим в сказочных размерах пушнину и золото.

Прежде всего с Европейского севера, через Ямал, Обскую и Тазовскую губу в Туруханский край и через Урал по Ишиму и Тоболу в Нарым пробирались „охочие люди"—гости торговые. За ними продвигались сначала „государевы люди", а затем военная сила—казачество, покорявшее и об'ясачивавшее туземное население.

Это было время бесправия, жестокой эксплоатации и широкого авантюризма. Русские принесли с собой одно только оружие и больше ничего. Они вытесняли туземцев с их исконных земель, облагали их ясаком, брали их в рабство, но им не давали ничего.

Восстания туземных племен жестоко подавлялись.

При своем продвижении с севера на восток до Анабара и на юг по Оби, по Енисею, по Лене—русские основали ряд острогов, своего рода крепостей.

В целях окончательного закрепления „освоенных" завоеванных земель, начался процесс их искусственной колонизации. Вольные поселенцы-промышленники, искавшие земли, золота, пушнины, и беглые, спасавшиеся от крепостничества, расселялись по зимовьям.

Рядом с ними сажают „ямщиков", целыми партиями пригоняют ссыльных—заводское население, сектантов, уголовных преступников.

Постепенно и первые—вольные поселенцы и те, что были водворены позднее—силою приказа, осев по течению рек, привыкают к условиям жизни, приспосабливаются к ним, ассимилируются с тем местным туземным населением, которое с ним соприкасается.

Наблюдается интереснейший процесс взаимной ассимиляции.

Туземное население утрачивает цельность своей первобытной культуры, чистоту языка; русские утрачивают свой физический тип в силу заключения частых браков с туземцами, утрачивают чистоту выговора, пускают в обиход тузем-

ные словечки, а то и совсем начинают говорить по-якутски или по-юрацки.

Хозяйство русского поселенца принимает чисто промысловый характер. Зимой он уходит „на угор" и промышляет белку по хребтам (правда, больше не ружьем, а плашкой), летом „сидит" на песках, поставив, как и туземец, чум, окуривается дымом от комара, рыбачит. Он перенял от туземца его знания зверя, хода рыбы, его замысловатые ловушки; он оделся в ту же одежду из звериных шкур, что и туземец. Он привык есть мясо белки, питаться сырой рыбой и лакомиться черемшой. Он приспосабляет собаку для езды и нередко держит оленей. На звериных тропах и в пургу, в безлюдье тундры он ориентируется по тем же хитрым приметам, которые знает туземец, и, вероятно, в глухом и жутком безмолвии тайги он суеверно блюдет обычай туземца-зверолова.

И в то время, как туземец усваивает ряд новых навыков, перенимая их от русских,—русский, ушедший на север, упрощает свой домашний быт.

Выше нами уже указывалось на любопытный факт превращения группы русских крестьян „Затундринского общества" в чистейших туземцев. Аналогичное явление, хотя, быть может, и менее резко выраженное, мы находим в Сургутском крае, в Киренском и Иркутском округах, в Забайкалье, в Якутии и на Дальнем Востоке.

Интересно отметить еще одну характерную черту обычного русского хозяйства сибирских окраин (побережья Оби, Енисея)—это его сравнительную усложненность.

Не отказываясь вполне от привычных отраслей сельского хозяйства, хотя бы в форме чахлого огорода, да пары лошадей с телушкой, русский поселенец в покос урывает время высмотреть „завод" или с'ездить на неводьбу, а в пору белкования успевает, в обиду „азиату", „опромыслить" и наволоку, и каменную (правую) сторону реки.

Тунгусы. Перейдем теперь к единственным насельникам восточной части тайги, лежащей направо от Енисея,—тунгусам.

Тунгусы—потомки манчжуров, одной из ветвей монголов. Древней родиной тунгусов был бассейн р. Лены, откуда их вытеснили якуты. Разрозненные племена тунгусов, разбросанные к тому же отдельными семьями, под постоянным напором южных пришельцев, которые подвигались компактной массой, вынуждены были отступить. При этом часть из них продвинулась на северо-запад к Енисею, часть в Забайкалье, а другие к берегам Великого океана и на Амур. И тех, что пошли на Енисей, все дальше на северо-запад или в горы теснили буряты, русские, якуты и, наконец, загнали

их в такой угол нашего Сибирского края, на который, кажется, никто уже не позарится.

Там, где возможно скотоводство, земледелие, — оттуда тунгусы ушли. Там, где они обитают, не приходится говорить ни о скотоводстве ни о земледелии. Снега, морозы, дикий голый камень. Лиственница и лишайники тундр. Горы, болота и глухая мрачная тайга.

Таков основной тон Илимпии, одного из главных районов обитания тунгусов Сибирского края.

Чем глуше тайга, тем богаче она зверем; чем выше „камень", тем вернее его прохлада спасает оленя от мошки, комара и овода; чем больше ягельных пространств, тем сытнее и сильнее олень.

Унылый и мрачный характер окружающей тунгуса природы, повидимому, нисколько не угнетает его и не отражается отрицательно на его характере.

Оленным стадам самоеда нужен простор безграничных тундр, остяку—сонный покой водной шири. Тунгус не оленевод, не рыбак. Он—зверолов. Но и зверя—белку, соболя, сохатого и „дикого"—надо искать по уступам скал, по заносам снегов, сквозь непролазную чащу тайги. А для этого нужен олень. Олень нужен тунгусу не только для того, чтобы передвигаться. Его чум покрыт шкурой оленя. Из тех же шкур сшиты сумки для муки и имущества, зимняя и летняя одежда и обувь. Но крупных оленных стад у тунгуса все же нет. Его быт не приспособлен к формам чисто оленеводческого хозяйства. Он держит оленя для основного своего промысла—звероловства.

Тунгус не любит кочевать в определенных, известных направлениях, не приурочивает своих перекочевок ни к определенным временам года, ни к определенным районам. Он предпочитает чувствовать себя свободным. Всюду для него открыт путь—через горы и болота, через тайгу и порожистый поток. Ему одному ведомы звериные тропы и язык тайги. Не только оседлая жизнь, но и пребывание на одном месте тунгусу в массе невыносимы. И, вероятно, именно эта его страсть к бродячей жизни выработала из него поразительно ловкого зверолова. Из всех народностей тунгус выделяется по качеству и количеству добываемой им пушнины. „Наша вера велит нам жить и умирать в лесу",—говорит тунгус.

Весь уклад домашней жизни тунгуса, все мелочи его обихода, его промысловые сноровки, его нрав и даже его физическая структура—все приспособлено для неустанного бродяжничества.

Жилище — чум, ураса, — без затруднения, моментально свертывается, навьючивается на оленя, а через два-три аргиша (перехода) ставится на новом стойбище. Домашняя утварь легка и примитивна. Одежда плотно облекает тело тунгуса, не стесняя его движений: все пригнано, прилажено. Обувь из ровдуги*) — легка, непроницаема для воды, удобна своей мягкостью. Пища тунгуса — мясо оленя (сохатого, белки), рыба и дичь. Редко и мало он употребляет хлеба: муку возить тяжело.

Тунгус тонок сложением, сухощав, руки и ноги у него малы. Он смугл, ловок, строен, гибок, его движения мягки и легки. В период промысла он вынослив и неприхотлив — ест мало, спит в снегу под деревом, не боится ни мороза, ни пурги. Его взгляд зорок, выстрел меток. У него веселый, ровный характер, с большим темпераментом. Беззаботная удаль, страстная любовь к новым впечатлениям, пытливый, тонкий, насмешливый ум...

С весны тунгус идет на озеро, на реку. Зверя в это время нет, запасы выходят — голодное время. Как только вскроется лед — тунгус принимается пущальней добывать рыбу. На озере „сидит" семьей. Больше двух-трех чумов „в куче" не бывает. Если надо перебраться через речку, пользуется берестяной веткой; редко делает плот из трухлявой лиственницы и тут же его бросает.

С осени идет „на гору" белковать. Пока недалеко — у чума. Но с января идет „в большую дорогу" и тогда со страстью отдается своей склонности в погоне за белкой и новизной — бродяжить по горам и тайге. Плашкой, пастью он не склонен промышлять — они прикрепляют к месту. Ему нужно только ружье да, пожалуй, капкан и чиркан. Он мастерски выделывает шкуру зверя, его ровдуга не уступит замше, он украшает свою одежду своеобразной вышивкой бисера и искусным узором из подобранных мехов, но в общем кропотливых работ не любит.

Вообще тунгус непостоянен, неуравновешен, неустойчив и легкомыслен. И эти качества прежде всего сказываются отрицательно на его хозяйстве. Его оленные стада уменьшаются с неуклонной быстротой. Помимо причин общего характера, здесь имеет значение его небрежное отношение к оленю, его беззаботность, отсутствие системы, плана. Тунгус легко поддается влиянию и хорошему, и дурному. Это имеет для него двоякое значение.

С одной стороны, ни одна народность не ассимилируется с такой быстротой и легкостью, с другой — ни одна не про-

*) Ровдуга — оленья кожа, выделанная под замшу.

являет такой благоприятной способности к переходу к новым формам хозяйствования. Мы находим ряд об'якученных тунгусов, отдельные роды на озере Ессее в Туруханском крае, долгане (которые по существу являются родом тунгусов), наконец, все группы затундринских тунгусов, утративших свои бытовые особенности, свой язык и перешедшие к формам хозяйствования обитателей тундры—оленеводов. Обитая среди бурят, тунгусы быстро утрачивают даже свой физический тип, переходят к успешному занятию земледелием, скотоводством. В Тазовском районе, на Елогуе, среди остяко-самоедов обитает группа тунгусов, по характеру быта превратившаяся в чистейших остяко-самоедов—рыбаков и утратившая даже язык. Тунгусы Приангарья (р. Каменка, Киренского округа), кутские, казаченские и Верхоленского района (тутуро-очеульские), обитая бок о бок с русскими крестьянами, начинают русеть, петь русские частушки, играть на гармошке и носить „галифе", заводят корову и лошадь, ведут упорную борьбу за покосы и начинают посевы размером хотя бы в несколько метров.

В целях товарообмена, тунгус добывает белку. А белка ему очень нужна, потому что вся никому не нужная заваль обязательно найдет сбыт у тунгуса. Побрякушки, погремушки, перстеньки самоцветные, любая цветистая, а особенно шелковая тряпка, душистое мыло, часы, хотя бы совсем без завода, сушка, масло, пряники—все это для тунгуса „предметы первой необходимости".

Культура тунгуса своеобразна и характерна, она налагает свой отпечаток и на его изобразительное искусство и на предметы его домашнего обихода, на формы его промысла, на его бытовые черты и на его правовые устои. Несомненно, эта культура обладает некоторой устойчивостью, и было бы совершенно ошибочно не стремиться изучить ее, понять и сохранить.

„Наволошные" и восточные тунгусы. С каменной восточной стороны Енисея лишь тремя небольшими ответвлениями перешли тунгусы на „наволоку" и разбросались небольшими группами в 15-20 семей: одна в полосе лесо-тундры, на озерах Момчик, Вангор, другие — в тайге, среди остяко-самоедов—на Елогуе и в верховьях Таза (откуда выходят они на Тым) и южнее на Сыму. С Сыма отдельные семьи по Кети пробрались в Васьюганье, одни осели на Чижапке, другие, гонимые своей неугомонной непоседливостью, бродят где-то уже по Демьянке.

У этих „наволошных" тунгусов характер национальной культуры выражен значительно слабее, и родовые об'единения утратили цельность.

От Илимпии район кочевания тунгусов простирается на восток, на Вилюй и дальше в область Якутской республики, где они обитают, вкрапленные в якутское население, кое-где отдельными семьями, а кое-где и компактной значительной группой.

Группы тунгусов, обитающие на юго-востоке, в верховьях Нижней Тунгуски (в Киренском округе), по Витиму и Жуе (в Бодайбинском районе), по существу ничем не отличаются от туруханских тунгусов, кроме, разве, диалекта.

На тунгусах тутуро-очеульского рода Верхоленского района сказалось влияние русского населения, и у них заметен переход к новым формам хозяйствования с уклоном на сельское хозяйство и с полной утратой самобытности.

На забайкальских тунгусах еще более резко отразилось влияние бурят; оно нашло свое отражение и на мелочах домашнего уклада тунгуса, на его диалекте и особенно на формах его хозяйствования, переходящих на земледелие и скотоводство при оседлом образе жизни.

Якуты. Прежде чем закончить настоящее описание туземных племен северной части Сибири, мы должны сказать хотя бы несколько слов об интересном и многочисленном племени якутов, этих единственных представителей турецкой ветви на крайнем севере.

Отделившись от турецких групп в очень отдаленное время, якуты жили изолированно от других турецких племен и подпали под влияние монгольских и тунгусских племен.

Место их происхождения недостаточно выяснено. Предполагают, что они вышли из предгорий Алтая и Саян, от верховья Енисея, спустились по Енисею и по Нижней Тунгуске, Вилюю и Лене ушли на северо-восток, где и распространились. Возможно также, что путь их был через Забайкалье, откуда их вытеснили буряты.

В настоящее время они образуют Якутскую республику, отграниченную Охотским морем, Дальне-Восточной областью, Сибирским краем и Ледовитым океаном. Часть якутов (весьма незначительная) проживает в восточной части Туруханского края. Язык якутов среди турецких языков занимает особое положение: в основу его, очевидно, лег какой-то неизвестный турецкий диалект.

Живут они в деревянных балаганах с крышей с двумя скатами, со стенами, сложенными из наклонно поставленных бревен, с очагом посредине.

Зимняя одежда у них из шкур и мехов. Средством передвижения на севере служит собака, даже у скотоводов.

Якутам хорошо знакомы кузнечное и гончарное ремесло. Они строят свое хозяйство в зависимости от условий

окружающей природы, занимаясь то земледелием, то скотоводством, то оленеводством, то промыслами—охотничьим и рыболовным.

Энергия и предприимчивость якутов, их способность подчинять своей культуре смежно обитающие племена (ассимилируя их) является лучшим доказательством их долговечности, как исторического народа.

В заключение для характеристики промысловой мощности хозяйств северной зоны приводим нижеследующую таблицу.

Таблица промысловой мощности хозяйств по народностям северной (промысловой) зоны

Ест. ист. зоны	Округа и их части	Группы туземцев	Количество оленей в средн на 1 хоз.	Колич. пастей в среднем на 1 хозяйство	Добывается в среднем на 1 хозяйство: Песца	Белки
Тундра	Туруханский край, Краснояр. окр.	Самоеды Авамские и Вадеевские	100-120	25-30	12	—
		Самоеды Хантайские и Карасинские	70	»	10	
		Самоеды Обдорские (Приенисейские	70-80	»	10	—
Лесотундра		Юраки Тазовские	35	20-30	3-6	—
		Якуты	68	68		—
		Долгане (Район затундры)	60 65	74	20	—
		Крестьяне Затундринского общества (Район затундры)	75	80		—
		Тунгусы (Район затундры)	45	70		—
Тайга	Нарымский край Томского округа	Остяки Александро-Ваховские	7-10	—	—	400
		Остяки Васьюганские	»	—	—	150-250
		Остяко-самоеды Нарымск.	»	—	—	350 400
	Туруханский край Красноярск. округа	Остяко-самоеды Тымско-Караконские	12-18	—	—	400-500
		Остяко самоеды Баишенск.	7	—		300 400
		Енисейцы	—			300-400
		Тунгусы Илимпийские	10-15-25	—	—	500-800
	Киренский округ	Тунгусы Ербогаченские	15	—	—	450

III. Средняя (земледельческая) зона.

1. Состав. 2. Природные условия юго-западной и северо-восточной частей зоны. 3. Русская народность, как главнейшая этническая группа земледельческой зоны. 4. Колонизация—основной фактор истории хозяйственной жизни Сибирая и ее перспективы. 5. Население зоны: туземное и русское. 6. Иртышские татары и сибирские бухарцы. 7. Барабинские, томские и чулымские татары. 8. Численное соотношение туземного и русского населения. 9. Сибирские старожилы, семейские, „поляки", каменщики. 10. Хозяйство старожилов. 11. Переселенцы; взаимоотношения со старожилами. 12. Культ.-хоз. характеристика земледельческой зоны и перспективы ее хоз. развития.

Если север Сибири, и в частности Сибирского края, в хозяйственном отношении представляет промысловую зону; если юг Сибирского края является по преимуществу зоной полупримитивного скотоводства (Ойротия, Хакасский округ), то лежащая между ними широкой полосой средняя зона основой своего хозяйства имеет земледелие.

В состав средней (земледельческой) зоны нами включаются *южные пределы северной тайги и южная подзона тайги* (Тарский и Томский округа, север Ачинского, Красноярского, Канского, Тулуновского и Иркутского округов, юг Киренского округа) *лесо-степная полоса* (округа: Омский, северная половина Барабинского, Новосибирский, северная половина Кузнецкого, южная половина Ачинского и Канского, Минусинский и средняя и южная часть Красноярского) и *западно-сибирские степи*: Кулундинская, Барабинская, Барнаульская и Бийская (округа: Славгородский, южная половина Барабинского, Каменский, Рубцовский, Барнаульский и Бийский).

Территория эта включает 1.321.995 кв. клм. с населением в 8.398.986 чел.

Преобладающей этнической группой населения средней зоны Сибирского края является русская народность, составляющая свыше 80% всего ее населения. Это она в процессе колонизации Сибири, начавшемся с XVII века и далеко

еще не завершенном по настоящее время, принесла сюда и укрепила здесь земледельческое хозяйство. Шаг за шагом, в теченне XVII и XVIII веков, русский колонизатор — земледелец постепенно занял среднюю Сибирь, оттеснив туземное население частью на юг, в сухие, бедно орошенные степи и в предгорья Алтая и Саян, частью к северу, в пределы холодной и мрачной тайги, и предоставив первым заниматься скотоводством, а вторым — оленеводством, звероловством и охотой.

Климатические и почвенные условия земледельческой зоны в общем вполне благоприятствуют основному занятию ее населения — земледелию. В северных районах зоны, на окраинах тайги, сумма летнего тепла достигает 2000°, а в южных 2500° против 1000—1200° северно-таежной промысловой зоны. Количиство годовых осадков — в среднем от 325 до 425 м.м.

Продолжительность вегетационного периода колеблется от 140 дней в северных районах зоны до 168 дней на юге и 154 дней в центральной ее части.

Почвенный покров зоны разнообразится в зависимости от широтного положения. В северных районах он представлен подзолистыми образованиями, в центральных—деградированными и тучными черноземами, а на юге каштановыми почвами, требующими для земледелия искусственного орошения; наконец, в предгорьях Алтая, Алатау и Саян преобладают серые лесные земли.

Здесь необходимо сказать, что северо-восточная часть земледельческой полосы Сибирского края значительно разнится по устройсту поверхности и по климату от юго-западной. Последняя лежит в пределах западно-сибирской низменности, представлена равнинным ландшафтом, тогда как первая представляет средне-сибирское плоскогорье, предгорья Саян и первичного поднятия Азии с расчлененным, гористым рельефом. Второе различие западной части от восточной заключается в том, что если на западе пахотная площадь значительно удалена от таежной и горно-таежной зон, то на востоке зональная тайга с севера и горная тайга с юга тесным кольцом охватили лесо-степные пространства, представляющие, таким образом, как бы земледельческие оазисы среди тайги. Поэтому, восточная часть представляется значительно труднее для земледельческой колонизации, требует от земледельца больших усилий для освоения и меньше гарантирует его сельское хозяйство от всяких климатических невзгод.

Отсюда понятно, что в первую очередь стала заселяться юго-западная Сибирь, что дальнейший процесс колонизации совершался преимущественно за счет ее равнинных черноземных пространств и что, поэтому, здесь в результате постоянного притока новых насельников получилось значительно более уплотненное население, чем в северо-восточной части Сибирского края.

Северо восточная часть, более лесная и более холодная, стала заметно заселяться только со второй половины XIX века. Так, немного более 100 лет тому назад, а именно в 1823 году, в Енисейской губернии (ныне округа: Красноярский с Туруханским краем, Канский, Ачинский, Минусинский, Хакасский) на пространстве свыше 2.500.000 клм. жило всего-на-всего 154.000 человек, или немного меньше современного Омска.

По переписи 1897 года, или только 30 лет тому назад, русское население Енисейской и Иркутской губерний равнялось 870.753 чел., составляя около ¼ (22 проц.) всего населения 4-х сибирских губерний: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, тогда как русское население Тобольской и Томской губ. исчислялось уже тогда в 3.072.325 ч., составляя, таким образом, более ¾ (78 проц.) населения этих 4-х губерний.

Даже по последней переписи 1926 года население юго-западной части Сибирского края (б. б. Тобольской и Томской губ. губ.) составляет ⅗ населения всего Сибирского края, а население северо-восточной части ⅖.

Колонизация—основной фактор истории хозяйственной жизни Сибирского края с момента военного овладения Сибирью в конце XVI века и до наших дней. Пашенные слободы первых насельников края вокруг острожков и крепостей, образуемые вслед за продвижением военных отрядов в глубь Сибири, ямские слободы, поселения бежавших из России от помещичьего гнета „крепостных“, позднее—ссылка в сибирские города „провинившихся людей“, из которых едва ли не первыми были сосланы в 1593 году для заселения пелымского острога 300 человек из Углича после убийства царевича Дмитрия...

Ссылка занимала особое и видное место в начавшейся колонизации Сибири. В Сибирь пошли многие сотни казаков Степана Разина, а во второй половине XVII века тысячи украинских казаков и поселян, недовольных присоединением Украины. Сюда ссылались позднее стрельцы, раскольники, шведские пленные, польские конфедераты.

Наряду с политической ссылкой во второй половине XVIII века введена и уголовная. Высылаемые устраивались

на пашни, верстались на службу, уголовные причислялись к постепенно образовывавшимся казенным и частным заводам, фабрикам, рудникам или поселялись в пограничных крепостях для местных работ и устраивались на пашни. В период с 1824 по 1827 год переведено в Сибирь 10.000 заключенных из крепостей Европейской России; туда же направлялись „бродяги" и маловажные уголовные преступники. В тридцатых годах XIX века в Сибирь отправлено несколько тысяч политических ссыльных поляков, а в 60-х годах 18½ тысяч польских „повстанцев" и не меньше того русских крестьян за аграрные восстания. В Якутскую область ссылались скопцы и другие сектанты. В начале сороковых-пятидесятых годов в сибирские губернии переводились из Европейской России государственные крестьяне.

Одновременно с правительственной, земледельческой и штрафной колонизацией шла, значительно преобладая над правительственной, вольно-народная колонизация. За последние 70 лет, по данным официальной статистики, в Сибирь (в ее старых границах от Урала до Великого океана) переселилось свыше 5½ миллионов душ обоего пола. За этот период волны переселенцев то нарастали, то уменьшались в своем об'еме. Так, за 25 лет (с 1861 по 1885 год) в Сибирь переселилось 300.000 душ; в следующие 20 лет (1885—1905 г.)—1½ миллиона; в период с 1905 по 1914 год переселенческая волна достигла своего зенита, дав 3 миллиона душ. Империалистическая и гражданская войны значительно ослабили переселенческий поток и за десятилетие с 1915 по 1924 г. в Сибирь переселилось только ½ миллиона человек. В 1925-1926 г. г. число переселившихся выражается в 150.000 чел. При этом, за тридцатилетие с 1885 по 1914 год на территорию Сибирского края из 4½ миллионов направилось 66 проц. всех переселившихся за Урал, на территорию Казакской республики—25 проц. и на Дальний Восток—всего 9 проц.

Выше уже было отмечено, что процесс колонизации Сибири, и в частности Сибирского края, еще далеко не завершился. Правда, лесо-степную и степную зоны Западной Сибири надо считать использованными для переселения, а лесостепь и степь восточной половины Сибирского края—почти использованными. Но и на западе, и на востоке остаются еще громадные таежные массивы, представляющие значительный фонд для заселения и ожидающие приложения человеческого труда для использования лесных и почвенных богатств края. Овладение таежными пространствами представит значительные трудности, потребует от советского государства миллионных затрат на приспособление их к жизни человека, на

устройство железно-дорожных путей, которые связали бы эти пространства с Сибирской ж. д. и тем самым приблизили насельников тайги к экономическим и культурным центрам средней Сибири и дали бы доступный и дешевый выход для продукции таежных районов. Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края в предстоящие 15 лет проектирует вселение в край 2 миллионов переселенцев, из которых 400 тысяч душ Сибирский край примет в первое пятилетие, около 600 тысяч во второе и около одного миллиона с четвертью—в третье. Районами колонизации намечены полуобжитые и совсем необжитые таежные и горно-таежные пространства Тарского, Томского, Барабинского, Новосибирского, Кузнецкого, Ачинского, Красноярского, Канского, Тулуновского, Киренского и Иркутского округов. На исследование колонизационных фондов, на землеотводные и землеустроительные, дорожные, мелиоративные, лесорасчистительные и строительные работы, а также на обслуживание переселенцев в пути и на местах водворения потребуется в течение 15 лет без малого 600 миллионов рублей.

Но возвратимся к населению средней земледельческой зоны Сибирского края, представляющему чрезвычайно пеструю картину. По берегам Тобола и Иртыша и их притоков (Тюменский, Тобольский и Тарский округа) мы находим остатки тюркских племен, населявших Сибирь с XIII века *(тобольские и иртышские татары)* и обедневших *бухарцев,* выходцев из Бухары, когда-то игравших важную роль в торговле Сибири. Далее, на юго-восток, в пределах Барабинского округа, живут остатки Кучумовой орды, известные под именем *барабинских татар.* В пределах Томского округа проживают потомки *еуштинских татар* и т. н. *чатские татары,* жившие прежде по р. Оми, а затем переселившиеся ближе к р. Оби. В Ачинском округе проживают *чулымские татары,* в Канском—последние остатки *камасинцев* (или *калмажей),* в Иркутском округе — часть *бурятского* населения, оставшегося за границами выделенных в Бурято-Монгольскую республику бурятских владений.

Поселения и земли этих аборигенов Сибири со всех сторон окружены старожильческими поселениями; в свою очередь в земли старожилов вклинились позднее занятые земли переселенческих участков с переселенческими поселками, селами и деревнями, образованными в разное время и очень часто заселенными выходцами из нескольких губерний Европейской России. Среди переселенцев мы встречаем не мало и национальных

меньшинств как то: украинцев, немцев, латышей, эстонцев, мордву и чувашей.

Остановимся подробнее на каждой из основных групп населения средней, земледельческой зоны, и сначала скажем о *татарах и бухарцах*, живущих и по сейчас частью в Уральской области (округа—Тобольский и Тюменский), частью в Сибирском крае (Тарский округ) среди коренного и переселенческого населения. В пределах Уральской области татар числится до 40.000 и бухарцев—до 10.000; в пределах Сибирского края: первых—10-12 тыс., вторых—около 5 тыс. человек.

В соответствии с прежним административным делением Западной Сибири эти татары и бухарцы носят в литературе название тобольских (или иртышских) и должны быть отнесены к тюркским племенам, населявшим Сибирь с XIII века. В XVI веке русские застали здесь вполне благоустроенное татарское государство с городами и населением, занимающимся скотоводством. К концу XVIII века тобольские татары достигли значительного благосостояния, благодаря близкому участию в оживленной тогда джунгарской и средне-азиатской торговле. Но с падением этой торговли, после разорения Джунгарии китайцами (1765 г.), и с приливом в Сибирь русского населения благосостояние татар стало падать. Во второй половине XIX века татары приспособляются к новым формам оседлого земледельческого быта, которым они живут и в настоящее время, занимаясь, кроме земледелия, лесными промыслами, рыболовством, местами охотой и извозом. Земледелие не носит у татар рыночного характера и имеет потребительное значение. Примитивная неумелая обработка полей, низкие сорта хлебов и сравнительно низкие урожаи—отличительные черты этого земледелия. При первой к тому возможности татарин между заботами о пашне урывает время заняться рыболовством или лесными промыслами.

Живут татары в селениях, сохранивших название древнего кочевого периода их жизни „юрты". Селения эти—с неправильными кривыми и грязными улицами, преимущественно, с двухэтажными домами. Среди селения—мечеть с минаретом; за селением—заботливо охраняемая роща на месте кладбища. Дома, как сказано, большей частью двухэтажные с плоскими крышами, неуклюжие (высота не соответствует небольшой площади основания) и неуютные. Нижний этаж предназначается для зимнего жилья, верхний—для лета; во второй этаж ведет б. ч. снаружи крутая лестница, оканчивающаяся площадкой без перил. Окна маленькие и расположены высоко.

В состав современного татарского населения входят: 1) потомки древних обитателей края, 2) татары-пришельцы из губерний: Казанской (н. Татреспублики), Симбирской (ныне Ульяновской) и Уфимской (н. Башкирской республики).

Естественный прирост татарского населения не велик. Для периода с 1858 года по 1908 год годичный прирост установлен в 1,02 проц. и д. б. признан весьма низким (при средних по Сибири 2 проц.), если принять еще во внимание, что некоторая часть этого прироста д. б. отнесена за счет прилива татар из Европейской части СССР.

Бухарцы также, как и татары, принадлежат к тюркскому племени и д. б. причислены к коренному населению. Еще до появления русских они вели торговые сношения с Сибирью и в широких размерах снабжали население тогдашней Сибири средне-азиатскими товарами. Занимаясь преимущественно торговлей, бухарцы насаждали в крае ремесла и промышленность: им, между прочим, приписывают начало кожевенного производства в Тюмени. Преимущественным занятием бухарцев и теперь является торговля, а потом уже земледелие, извоз и другие промыслы. Живут бухарцы или обособленными от татар селениями, или же вместе с татарами; в последнем случае от 2-5 семей в селении. Бухарский тип сохранился в крупных юртах, где живет одно бухарское население. Здесь можно встретить красивые средне-азиатские типы с правильными чертами лица и черными волосами. В общем же, живя в продолжении столетий бок-о-бок с татарами, бухарцы мало-по-малу утратили свои племенные особенности и окончательно позабыли свое родное наречие. Взаимоотношения двух этих народностей, живущих рядом, не совсем дружелюбны. Бухарцы свысока смотрят на татар, как на народность менее культурную, и еще до сих пор называют себя „почетными“, вспоминая те привилегии в торговле, которыми они пользовались в XVIII веке. Не малое влияние (до революции) на характер этих взаимоотношений оказывала неурегулированность земельных отношений между этими народностями: как правило, бухарцы, проживающие в татарских селениях, не имели права на земельный надел и могли пользоваться землею только на правах аренды.

Барабинские татары проживают в Барабинском округе и представляют собой остатки Кучумовой орды. Несмотря на переход в подданство России, они до половины XVIII века подчинялись джунгарскому хану и платили дань калмыкам. Это подчинение сказалось на физическом типе барабинцев, напоминающих калмыков: плоское лицо, малые продолговатые глаза, большие уши и черные волосы. С при-

ливом русского населения в Барабинскую степь, барабинцы постепенно теряли свои обширные угодья между Иртышем и Обью и значительно обеднели. В настоящее время барабинцы живут оседло, небольшими аулами в 10-12 дворов, разбросанными на далеких расстояниях друг от друга, и занимаются в небольших размерах земледелием, а также рыболовством, ловлей пиявок и сплавом леса. Замечается уменьшение их численности. Сейчас их насчитывается немного более 4.000 душ об. п.

Томские татары представляют смесь разных элементов. Около Томска проживают потомки эуштинских татар, около Томска же находятся и чатские татары, жившие прежде по р. Оми, в соседнем Каинском (н. Барабинском округе, а затем переселившиеся на Обь; наконец, сюда же переселились бухарцы и татары из разных мест Сибири Все эти группы в достаточно сильной мере ассимилировались друг с другом, известны под именем томских татар и говорят на одном языке. Занимаются они земледелием и скотоводством. Кузнецкие, бийские и барабинские татары значительно обрусели, занимаются земледелием.

Чулымские татары занимают систему среднего течения р. Чулыма (Ачинский округ). Главным занятием их является звериный промысел, рыболовство, сбор кедрового ореха; только весьма немногие из них занимаются земледелием и скотоводством. К этой группе относятся и так называемые *мелецкие татары*, проживающие по р. Чулыму в пределах северной части Ачинского округа, в числе около 1.400 душ об. п. Впрочем, этнографически сохранились из них лишь проживающие в Бирилюсском районе от ул. Елдовского вниз по р. Чулыму (9 улусов, 77 хозяйств, 457 душ об. п.). Живущие вверх от этого улуса, по мере приближения к Ачинску, все более и более утрачивают свои национальные черты, а в некоторых улусах и совсем ассимилировались с окружающим их русским населением, причем даже название улуса уже заменилось названием деревни (Кумырская, Айдаши и др.).

Подсчитывая численность туземного населении в пределах средней земледельческой зоны, мы видим, что она не превышает, примерно, 50.000 чел., тогда как общая численность населения этой зоны исчисляется, примерно же, в 8 200.000 чел. Таким образом, туземное население в этой зоне составляет менее одного процента (0,6), а 99,4 проц. составляют *индо-европейские народности*, из которых 90% принадлежит народности *русской*.

Мы уже знаем, что русская народность не представляет здесь однородного целого. В ее состав входят две крупных

хозяйственно-бытовых группы: старожилы и переселенцы; переселенцы, в свою очередь, делятся на более мелкие группировки как по времени заселения, так, особенно, по местам выхода из Европейской части СССР, с характерными бытовыми чертами своих родных мест.

Сибирские старожилы являются частью потомками тех казаков землеискателей, которые еще в половине XVII века пробрались в северо-восточную Сибирь; частью потомками зверопромышленников, которые, преимущественно, из северной России двинулись в Сибирь за землеискателями, затем, потомками вольных и невольных переселенпев в Сибирь в XVII и XVIII в. в., помещичьих крестьян, бежавших от крепостного права, религиозных сектантов, бежавших от преследований церкви, а также пашенных крестьян, переселявшихся московским правительством целыми деревнями для занятия земледелием, чтобы обеспечить хлебом военные отряды и служилых людей; потомками вольных колонизаторов края и разного рода ссыльных (стрельцов, староверов, польских повстанцев, а также и уголовной ссылки и проч.) и, наконец, потомками переселенцев первой половины XIX века.

Если в настоящее время в земледельческой зоне Сибирского края туземцы составляют менее одного процента ко всему ее населению, то в XVII веке и даже в первой половине XVIII века соотношение русских и туземцев было обратное: русские являлись тогда весьма незначительной группой среди массы туземного населения, окружавшей их со всех сторон.

Если теперь значительная площадь земледельческой зоны представляет полуоткрытые и открытые пространства лесо-степи и степи, то 200-300 лет тому назад эти пространства были заняты туземными племенами, а русским приходилось большей частью селиться по опушкам и прогалинам тайги, да и в самой тайге, и расчищать пашню из-под леса. Там, где были основаны в то время первые русские поселения, нет теперь и помину тайге: громадные лесные пространства, благодаря упорному труду целого ряда поколений, уступили место таким же громадным пространствам пашни.

Пашня мало обеспечивала первых насельников Сибири, и, кроме земледелия, они занимались охотой на пушного зверя: благо, тайга была под руками. Охота в темных дебрях тайги, сопряженная с большими опасностями и лишениями, окружающая суровая природа, и борьба с нею, борьба с туземными племенами, внезапно нападавшими на русские поселения, создали характерные черты сибиряка-старожила: предприимчивость, практичность, большую наблюдательность, на-

ходчивость, ловкость, смелость, отважность, неустрашимость и решительность.

В то время, как за Уралом беспредельно царил помещичий, полицейский и церковный гнет, здесь в Сибири помещиков не было, администрация было немногочислена, а дальность расстояний городских центров XVII и XVIII и даже первой половины XIX века от сельских поселений в значительной мере аннулировала для них влияние административного гнета.

Судя по тому, что еще во второй половине XIX века нередко администрация открывала в таежных дебрях или горных лощинах давным давно существующие селения, которые до того не были никому известны, надо думать, что в те давние времена число таких неведомых селений было несравненно больше. Сибирь очень мало ощущала и церковный гнет. При редкости селений, при редкости церквей, при громадных пространствах, приходившихся на служителя культа, население отвыкало от церкви и становилось мало религиозным. Отсутствие помешичьего и сравнительная слабость административного и церковного гнета создали в сибиряке-старожиле самостоятельность, независимость и большое равнодушие к религии.

Необходимость уживаться с соседями туземцами, иметь дело с администрацией, которая росла численно одновременно с ростом самого населения, создали в характере сибиряка—скрытность, недоверчивость, те черты, которые принято называть „себе на уме“.

Физический тип сибиряка-старожила и в западной и в восточной части Сибирского края значительно отличается от от славяно-русского типа позднейших насельников. Первые колонисты, и особенно казаки, в значительной своей части переселялись сюда без семей, и, поселившись, брали себе в жены туземных женщин. Начавшееся таким путем физическое смешение вскоре приняло такие размеры, что еще в начале XVII века обратило на себя внимание московского духовенства. Поднятый им по этому поводу протест был, однако, безуспешен и даже значительно позже (в XVIII в.) тобольские митрополиты напрасно протестовали против смешения русских с вогульскими, остяцкими, татарскими, калмыкскими и киргизскими женщинами. То же явление происходило и на Алтае, в Присаяньи, в Приангарьи и в Забайкальи, и сейчас в районах, смежных с туземными поселениями, мы часто встречаем у старожилов облик соседних тюрков или монголов: смуглое лицо, черные волосы, раскосые глаза, широкие скулы и плоский нос.

Но сохранился среди старожилов и чистый русско-славянский тип, даже в большей чистоте и неприкосновенности, чем в Европейской части Союза, а именно: у старожил Южного Алтая и в Забайкальи. На Алтае у „каменщиков“ и „поляков“, а в Забайкальи у „семейских“.

„Семейские“ являются потомками тех старообрядцев, которые во второй половине XVIII века (1764 г.) были переселены в Забайкалье из присоединенных польских областей (Подолия), куда они бежали из соловецких скитов, после их разорения, от преследований за веру. Их насчитывается до 50.000 чел. Они не смешиваются не только с бурятами, но и с окружающим русским населением и отличаются большой приверженностью к старообрядчеству: среди них с большим трудом распространяется даже грамотность. Живут они крупными селениями и очень зажиточно.

Другой, столь же обособленной этнографической группой среди окружающего их населения (на южном Алтае), являтся т. наз. „поляки“, великорусские староверы, сосланные сюда (как и семейские в Забайкалье) в 1764 году также из Подолии. Ученый Паллас, посетивший Алтай в 1770 году, уже застал здесь „польские“ поселения: Старо-Алейское, Екатерининку, Шемонаиху и др. Их насчитывается в настоящее время, примерно, около 40.000 чел. „Поляки“ имеют красивую стройную фигуру с мягкими чертами лица, часто волнистыми или вьющимися русыми волосами, широким и прямым лбом, большими глазами, прямым носом и правильным овалом лица и этим типом довольно резко отличаются от другого сибирского населения. У них сохранились старинные наряды, старинные песни, прежняя простота и суровость нравов; они отважны, ловки, жизнь ведут трезвую и трудолюбивую. Живут зажиточно.

„Каменщики“—это те же „поляки“, но только бежавшие на Бухтарму за „Камень“ (Алтайские горы) в поисках за волей, когда „поляки“ были приписаны к горным заводам. „Каменщики“ также зажиточны, отличаются простотой нравов, гостеприимством, смелостью и ловкостью. Занимаются земледелием, скотоводством, охотой, звероловством, мараловодством и пчеловодством.

Но вернемся к старожилам-сибирякам. До сравнительно недавнего времени они жили большими семьями, включавшими иногда до трех и даже четырех поколений. Нам попалась фотографическая группа, снятая с семьи одного из крестьян-старожилов Томского округа, и мы насчитали в этой группе 43 человека. Учащение и развитие семейных разделов для с.-в. части Сибирского края совпадает с моментом земельного утеснения, связанного, в свою очередь. с приливом коло

низационной волны, примерно, в начале XX века. Надо думать, что в юго-западной части края этот процесс мельчания семьи начался значительно раньше, поскольку раньше произошло здесь уплотнение населения. В сев.-вост. части Сибирского края наличие большой неразделенной семьи давало возможность обрабатывать большие пахотные площади силами своей семьи, не прибегая к наемному труду, который никогда здесь, вследствие малонаселенности, не был дешев, а с проведением Сибирской магистрали из года в год стал определенно дорожать. Так, нередки были случаи еще перед проведением Сибирской магистрали, когда запашка одного хозяйства достигала 100-120 десятин.

Но с истощением земель, а также с сокращением площади запашки в связи с отрезами от старожильского землепользования излишков под переселенческие участки, в больших семьях образовалась избыточная рабочая сила, которая направлялась на временные отхожие заработки (на Олекму, Витим, Бодайбо, на постройку Амурской ж. д. и проч.), или в города, что и влекло за собою последующие семейные разделы и мельчание старожильческих хозяйств.

В других случаях к этому же моменту стало наблюдаться стремление старожилов уйти от наступившего земельного утеснения туда, где имеется еще земельный простор, к которому он так привык. Отсюда начались переселения в степи, в Урянхайский край и на Амур.

До кризиса земледельческого хозяйства, старожил при наличии большой семьи успевал и обрабатывать значительные площади земли, и заниматься излюбленным делом—извозом, и находить еще время для охоты на пушного зверя там, где тайга была недалеко. Большим подсобьем в хозяйстве притаежных старожильческих районов являлись лесные промысла: заготовка леса для городских построек, заготовка дров для пароходов или на винокуренные заводы, позднее—заготовки шпал для железной дороги.

В последнее время перед революцией кризис земельного утеснения (несмотря на 12-15 дес. надела на 1 душу муж. пола или от 5-7 дес. на едока), существующий до сих пор, заставил старожила пересмотреть систему хозяйства. В юго-западной части Сибирского края этот пересмотр был сделан значительно раньше, и центр тяжести был перенесен там на молочное животноводство, параллельно с широко развивавшимся движением по организации маслодельных артелей. Достаточно вспомнить, что уже в 1915 году Западная Сибирь вывозила из своих пределов св. 5 миллионов пудов экспортного масла, а союз сибирских маслодельных артелей насчитывал в своем составе свыше 2.000 артелей, при чем в 1917 го-

ду годовой оборот союза достиг 73½ миллионов рублей. В настоящее время, в силу кризиса залежной системы, полеводство западно-сибирского старожила уже перестраивается на паротравопольную систему.

Старожил северо-восточной части края только накануне революции стал пересматривать систему хозяйства и, так как агрономическая помощь была весьма незначительной, его хозяйственной предусмотрительности надо приписать стремление перенести центр тяжести в хозяйстве на развитие молочного и мясного животноводства, а в области полеводства—на усиление технических культур (конопли, льна). Для старожильческого населения всего Сибирского края характерным представляется широкое и достаточно интенсивное развитие кооперативного движения по линии потребительской, сельско-хозяйственной, кредитной и промыслово-охотничьей, а для западной части, и маслодельной кооперации.

Старожильческие селения расположены преимущественно по берегам больших судоходных и сплавных рек и по старым почтовым трактам в степной и лесо-степной зонах. Некоторые из сел достигают значительных размеров, особенно притрактовые и приречные. Ряды широких улиц, в центре каменная или деревянная церковь за оградой, базарная площадь с торговыми балаганами, волостные и сельские учреждения, школа. В центре же старинной и более новой постройки деревянные и каменные дома, двух'этажные, основательные,—как бы вросшие в землю,—с палисадниками, с крашеными ставнями, с целым садом цветов на окнах; при домах—широкие и просторные, крытые деревом (лиственницей и даже кедром) дворы с хозяйственными постройками: навесом, амбарами и амбарушками, хлевами, подвалом и, обязательно, баней; на задах—огороды. На околицах—новые дома выделившихся сыновей и принятых по приговорам новоселов, уже не такие большие и не такие основательные, как в центре; новосельские дома—попроще, иногда без крыши, иногда мазанки, глинобитные: поскуднее, победнее. Кругом селения—просторный выгон, опоясанный изгородью—„поскотиной", то забирающейся в горы, то спускающейся в лога, то остановившейся около речки или у оврага. За поскотиной—бесконечные пестрые ковры пашен среди перелесков и светло-зеленые заливные луга по займищам живых речек, убегающих в зеленые просторы лугов и полей.

Плотность старожильческих селений очень не велика и изменяется в зависимости от окружающих естественно-исторических условий. Для иллюстрации приведем составленную нами небольшую сравнительную табличку плотности и вели-

чины старожильческих и переселенческих селений по 4 округам Приенисейского края (по данным 1917 года).

	Округа	Старожилы		Переселенцы	
		на 100 кв. клм.	Хоз.на 1 сел.	На 100 кв. клм.	Хоз.на 1 сел.
Тайга	1. Красноярский:				
	Сев. часть (б. Енис. у.)	2.91	29.4	5.61	36.3
Л.-степь	Южная часть	1.94	97.8	5.74	53.0
Л.-степь	2. Канский	1.51	125.8	2.56	66.3
Л.-ст. и степь	3. Ачинский	1.46	130.3	3.63	77.7
Л.-ст. и степь	4. Минусинский	1.36	148.9	2.62	145.4

То-есть плотность селений старожильческих значительно меньше (вдвое, а иногда и втрое) плотности селений переселенческих. Но плотность тех и других уменьшается от севера к югу, от тайги—к степи. Характерно также, что большей плотности селений соответствует меньшая их величина, и наоборот, меньшей их плотности—большая величина; последняя зависимость распространяется и на переселенческие селения и определяется географическими условиями.

За этими рядами цифр таится целая история хозяйственного быта старожильческого и переселенческого населения и грустная повесть о первых трудных шагах новых засельщиков таежной зоны.

Старожилы, заселяя край, избегали тесноты: им нужен был земельный простор, и они селились возможно дальше друг от друга, особенно там, где это позволяла природная обстановка. Кто знает Сибирь до переселенческого движения в начале XX века, а особенно до проведения железной дороги, тот помнит, что расстояния между селениями достигали 30 и 40 верст.

Но прошла железнодорожная магистраль. Сначала, как бы робко и медленно, а потом смело и быстро хлынули на сибирские просторы волны переселенцев, и в широких промежутках между старыми селами, как из земли выросли иногда по одному, иногда по два и по три, новые заселки с нестройным рядом маленьких землянок, изб и мазанок, с редкой изгородью из жердей или даже без всякой изгороди, без дворов, без палисадников, с слепыми окнами из бычьих пузырей, а то и из слюды.

Поскотин—не видать, пашни—редкие, покосы—в дубровах, да по залежам.

Но это еще баловни судьбы, поскольку нашлись для новых засельщиков свободные пространства в лесо-степной и степной частях земледельческой зоны.

Иначе судила судьба для переселенцев последних 10-12 лет перед революцией.

Если для некоторой, и весьма незначительной, их части еще нашлись такие же обрезки из старожильческого землепользования в степных и лесо-степных районах, то для подавляющего большинства более поздних пришельцев участки отводились уже не только на периферии старожильческого землепользования, но и главным образом в весьма значительном удалении от него,—на опушках тайги и в глубине самой тайги.

И вот на долю переселенцев пришлись леса и горы, водоразделы, ручьи, ключики, колодцы, самая доподлинная тайга.

Суровая, холодная, неуютная тайга: выбора нет, назад не поедешь, „податься“ и расшириться—некуда и приходится тесниться, ютиться у темной, мрачной тайги с ее холодом, сыростью и туманами; иногда—за много верст до старожильческого жилья, рядом с такими же несчастливцами, поближе к ним, потеснее: „все не так страшно!“

В интересной книжке „Правда о нашей деревне“, составленной 28 переселенцами д. Покровки, Ирбейского района, Канского округа под редакцией крестьянина Доронина*) имеется характерный рассказ кр. Буравченко, наглядно иллюстрирующий высказанные нами мысли.

„От города Канска, восемьдесят верст, ехали степью на лошадях. Ехали весело, оглядываясь на зеленые бугры, завидуя на распаханные десятины. А потом пошла тайга, урман, начали попадаться болота. Дорога потерялась. Охотничьими тропами пробрались к речке Тоненькой, где был отведен участок под деревню. У последнего болота остановились. Лошади, увязая по брюхо, через болото не пошли. Пришлось мужикам весь скарб, баб и ребятишек перетаскивать через болото на себе. Оттого и пришли в слезах—умыкались на переправе бабы и мужики. Самых смелых охватывало грустью, страхом в незнакомой тайге... К тому же в Ирбее (теперь районное село) нас запугали старожилы: „Пропадете вы там, в тайге! Зверь вас с'ест, гнус. Ворочайтесь назад“... Но ехать было некуда. Денег—ни гроша, хлеба также. Поневоле начали устраиваться на новом месте. Вырыли землянки, шалаши понаделали. Начали расчищать землю под пашню“.

Малая величина подтаежных и таежных переселенческих поселков обусловливается, конечно, и их молодостью. Но несомненно также, что они всегда будут уступать по своей величине степным и лесо-степным селениям (таежные ста-

*) Изд. Сибкрайиздата. 1927 г.

рожильческие селения севера Красноярского округа, как это видно из приведенной выше таблицы, значительно меньше старожильческих селений степной и лесо-степной зоны Минусинского округа). Их расширению положены пределы: и ограниченностью свободной от леса площади, и ограниченностью водных источников, и малым контингентом земель, пригодных для пашни, и суровыми условиями таежной зоны. Таежные селения не привлекут к себе насельников так легко, как привлекали и привлекают их степные и лесостепные селения старожилов.

Переселенцы—вторая основная группа населения земледельческой зоны Сибирского края. За последние годы учета переселенческого населения не производилось, почему мы не можем дать более или менее точной цифры как численности переселенцев, так и численного соотношения их и старожилов в западной и восточной частях края. Приблизительно, однако, можно сказать, что в восточной части переселенцы составляют от $^1/_2$ до $^3/_5$ населения, а в западной до $^3/_4$.

Состав переселенческого населения чрезвычайно разнообразен. Мы имеем здесь представителей почти всех губерний и областей Европейской части Союза, но наиболее сильно представлены: средне-черноземные (Орловская, Тамбовская, Курская г.г.), юго-степные (Черниговская, Киевская, Херсонская, Екатеринославская), северо-западные (Могилевская), северные (Вятская, Архангельская, Вологодская) и поволжские.

Представляя большое разнообразие по местам выхода, переселенцы различаются еще и по времени прихода в Сибирь, и по местам водворения.

Различие по времени заселения, прежде всего, сказывается на степени хозяйственного обрастания переселенческой семьи; обеспеченность жилищем, количество живого и мертвого с.-х. инвентаря, площадь запашки, покосов, соотношение в бюджете доходов от промыслов и заработков к доходам от полеводства и животноводства—все это видоизменяется в зависимости от числа лет хозяйствования на месте водворения. Хозяйственное обрастание идет быстрее в степи и лесостепи и чрезвычайно замедлено в таежных районах. Более скорым темпом оно идет, при прочих равных условиях, когда переселенец водворился в степном или лесо-степном старожильческом селении.

Для иллюстрации этого положения приведем небольшую табличку, показывающую разницу в состоянии хозяйства: 1) старожилов, 2) переселенцев, водворившихся в старожильческих селениях и 3) переселенцев, обосновавшихся по пре-

имуществу в таежных участках, составленную нами по Приенисейскому краю, по данным с.-х. переписи 1917 года, так как позднейшие переписи специально переселенческие хозяйства, к сожалению, не выделяли.

На одно хозяйство приходится:

	Запашка	В т. ч. посев	Покос	Лошад.	Рог. ск.	Мелк. ск.
Старожилы . . .	8.4	5.2	6.6	4.4	5.1	9.8
Перес. в стар. сел. .	6.9	4.4	4.9	3.4	3.9	7.8
Перес. в перес. пос.	6.1	4.3	4.4	3.1	3.5	8.1

Табличка эта, надо думать, может характеризовать соотношение мощности хозяйств указанных групп населения и для остальных районов Сибирского края: для отдельных районов изменяются только цифровые показатели в сторону уменьшения или в сторону увеличения, в зависимости от ряда местных условий.

Различие по местам водворения является результатом разного направления переселенческого потока, о чем мы говорили выше. Значительное большинство переселенцев поселилось на отведенных для них переселенческих участках, образованных переселенческими партиями или из излишков старожильческого землепользования (в степи или лесо-степи) или (а таких участков несравненно больше) из государственных лесных дач в подтаежной и таежной зонах. Частью, переселенческий поток осел в старожильческих селениях по приемным договорам или путем доприселения на излишки, оставшиеся в старожильческих наделах после землеустройства.

Поселившись на новых местах, выходцы из разных мест европейской части Союза в течение долгих лет сохраняют бытовые особенности мест выхода и в жилище, и в одежде, и в домашней утвари, и в способах хозяйствования. Ассимиляция с бытом местного населения совершается чрезвычайно медленно—даже в том случае, если переселенцы поселились в одном селении со старожилами. Очень часто переселенцы селились в старожильческом селе отдельными улицами. Взаимное непонимание, разница в привычках, потребностях, традициях обостряли взаимоотношения. Переселенец свысока смотрел на сибиряка, считал его менее культурным; старожил, в свою очередь, также свысока и покровительственно относился к переселенцу, считая его мало приспособленным к трудным условиям хозяйствования в Сибири. В корне же этих взаимоотношений лежал, несомненно, земельный вопрос. Старожил косился на переселенца, вспоминая о прежних земельных просторах, и обратно, переселенец—на старожила, учитывая, что сибиряки захватили и си-

дят на лучших землях, а им, переселенцам, достались горы, леса да болота.

Но несмотря на эти взаимоотношения новоселы не могли не использовать в новых для них условиях хозяйствования вековой опыт старожилов, прекрасно ориентирующихся в особенностях местного климата, пригодности и способа возделывания пашни на разных почвах, хозяйственной кон'юнктуре и проч. В свою очередь, старожил от переселенца узнал о новых системах полеводства, улучшенных семенах, с.-х. машинах, культуре технических растений, улучшенных породах скота, молочном хозяйстве, плодоводстве, кустарных промыслах, об интенсификации хозяйства вообще. Особенную роль в последнем отношении сыграли такие показательно-культурные хозяйства, как хозяйства немецких, латышских и эстонских поселков, представляющих из себя исключительное явление в смысле энергии и культурности.

Из первой главы этой книжки читатель уже знает, что средняя земледельческая зона по плотности населения стоит на первом месте среди остальных зон Сибири, имея в среднем на 1 кв. клм.—около 6½ чел. Уплотнение населения на территории приводит, с одной стороны, к необходимости повышать технику хозяйствования, с другой стороны, разнообразить формы хозяйства, дифференцируя его на отдельные виды и отрасли.

Избыточное население оставляет сельское хозяйство, переселяясь в города в качестве наемной рабочей силы или в качестве мелких и средних торговых посредников, или же, наконец, в качестве самостоятельных ремесленников.

Все города Сибирского края расположены именно в средней земледельческой зоне: их нет ни на полярном промысловом севере, ни на скотоводческом юге, поскольку примитивное хозяйство первого и полупримитивное—второго в условиях чрезвычайно низкой плотности населения не создали и не могли создать города, как экономического центра, как сложное производное экономического порядка.

С развитием сельско-хозяйственной продукции, с развитием и усилением рыночных взаимоотношений с соседними областями, а затем и с вовлечением Сибири в мировой товарообмен возникают и другие виды хозяйства: промышленность по переработке сельско-хозяйственных продуктов и расширяются торгово-посреднические занятия.

На смену переживающей кризис золотопромышленности с проведением Сибирской магистрали появляется и начинает широко развиваться горная промышленность—добыча и обра-

ботка железной руды, добыча каменного угля, слюды, меди, асбеста, полиметаллических руд и проч.

Проведение жел. дорог: Семипалатинской с веткой на Бийск, Кулундинской, Кольчугинской, Ачинско-Минусинской влечет за собою создание на перевалочных пунктах и в др. более или менее крупных экономических центрах жел. дор. мастерских, создавая тем самым пролетарские центры, как очаги пролетарской культуры. В последние два года закладывается крупнейший пролетарский центр в Сибири—Тельбес, долженствующий сыграть громадную роль не только политического и экономического, но и культурного значения.

На смену сельско-хозяйственной Сибири—идет Сибирь, в которой наряду с сельским хозяйством будет развиваться и индустриальная промышленность.

В связи с задачами развития сибирской индустрии поставлена и решается проблема заселения таежных пространств, вызывающая необходимость проведения колонизационных жел.-дор. путей, которые в свою очередь будут содействовать вовлечению громадных территорий северной части земледельческой зоны Сибирского края в сферу воздействия человеческого труда и пробуждению их дремлющих производительных сил.

IV. Южная (скотоводческая) зона.

1. Население зоны и распределение его по территории. 2. Алтайцы. 3. Теленгиты. 4. Телеуты и телесы. 5. Черневые татары. 6. Куминдинцы и лебединцы. 7. Шорцы. 8. Хакасы (кизыльцы, кайбалы, качинцы, сагаи и бельтиры). 9. Камасинцы. 10. Карагассы. 11. Сойоты 12. Буряты. 13. Казаки (киргизы).

Южная (скотоводческая) зона в границах Сибирского края занимает территорию в 144.830 кв. клм., с населением в 188.686 чел. (Ойротская автономная область и Хакасский округ). Попутно, в виду близкого территориального соседства и родственности населяющих эти смежные территории народностей, мы описываем население горно-таежных районов—Алтая, кузнецкого Алатау и Восточных Саян, которое занимается главным образом охотой, звероловством и лесными промыслами, и только в небольшой степени примитивным земледелием. Кроме того, мы считаем необходимым познакомить читателя хотя бы и кратко, с народностями, живущими за пределами Сибирского края, но в близком с ним соседстве, основным занятием которых является, как у алтайцев и хакасов, скотводство.

Алтай (Ойротскую автономую область) населяют: алтайцы, теленгиты, телеуты и телесы; севернее, на западных склонах Кузнецкого Алатау, проживают черневые татары, кумандинцы, лебединцы и шорцы. За Кузнецким Алатау, на его восточных склонах и в Минусинской котловине живут хакасы (бельтиры, сагайцы, качинцы, кайбалы и кизыльцы). На северных склонах Восточных Саян оседло живет исчезающее племя камасинцев (калмажей), а за ними—тоже небольшое племя кочевников-оленеводов—карагассов.

За пределами Сибирского края, к западу от алтайских народностей живут казаки (киргизы); к востоку от карагассов—буряты, а к югу от карагассов—сойоты.

Алтайцы (Алтай-кижи) когда-то были мощным племенем, входили в состав Джунгарского ханства, а после его распадения, пришли на Алтай. Обитают в западной части современной Ойротии, по правому и левому берегу р. Катуни. Они занимают долины: Чарышскую, Уймоно-Коксинскую, Ка-

тунскую, Урсульскую, с их боковыми разветвлениями, с урочищами по верховьям рек и ключей. В район их обитания входят населенные пункты —Улала, Чемал, Усть-Кан, Ануй и др.

В этой части Алтая очертания гор округлы, скал мало, отлогие склоны покрыты лесами и пересекаются широкими открытыми долинами.

По долинам небольшими группками расположились аулы алтайцев.

Основным и привычным занятием алтайцев является скотоводство. Развитию его чрезвычайно благоприятствуют травянистые склоны гор, цветущие долины, плоские возвышенности, покрытые альпийскими лугами.

Алтайцы кочевники, но в характере их кочевания нет ни суетливой неугомонности тунгуса, ни сурового закона передвижений по тундре, которым повинуются самоеды и их стада оленей. Здесь—свободное приволье степей и безмятежный покой цветущих лугов, замкнутых грядами сверкающих снегом вершин, влекут кочевника к вольным переходам, не утомляющим его, не изнуряющим его стад и табунов.

Впрочем, так было в давние времена.

Климат бассейна Катуни мягче, чем в остальной части Ойротии, а речные долины и горные склоны этого района наиболее удобны для оседлого поселения и, естественно, именно в этой части Алтая всего раньше появились русские поселки и заимки.

Первоначально приход русских лишь отодвинул алтайцев в горы и заставил их несколько сократить размах своих кочевий. Близость пастбищ и лугов позволила это сделать без большого ущерба для хозяйства. Но по мере того, как увеличивалась численность новых русских пришельцев и лучшие земли отходили в их пользование,—алтайцам становилось труднее.

Хозяйственный уклад алтайца постепенно изменяется,—местами он начинает заниматься земледелием и переходит к оседлому образу жизни.

Уплотнение населения, связанное с колонизацией, заставляет алтайцев отступать все выше в горы, где климат более суров, почва значительно хуже, и условия для земледелия менее благоприятны. Но все же, поскольку и почва, и климатические условия даже и там позволяют заниматься земледелием, оно начинает играть все более значительную роль в хозяйстве алтайца.

Пашни алтайца, обычно, очень невелики по своим размерам. Удобных земель мало. Он сеет ячмень, хлеба потребляет мало и поэтому даже незначительных посевов ему хватает.

Первоначально, не обладая еще навыками, необходимыми для занятия земледелием, обработку земли алтайцы производили чрезвычайно примитивно; но постепенно они перенимают методы хозяйствования от русских, которые заселяют северо-западную часть Алтая все в большем количестве.

Однако, и теперь еще значительная часть алтайцев продолжает вести кочевой образ жизни и занимается по преимуществу скотоводством, предпочитая разводить крупный рогатый скот.

Вот несколько цифровых данных, характеризующих район.

По данным 1924 года в основном районе обитания алтай-кижи, туземное население составляет 42%. Остальные 58% составляют русские переселенцы.

Туземцам принадлежит 36% посевов, 43% лошадей, 47% крупного рогатого скота, 41% овец, 25% свиней.

В высоко-горном районе Усть-Кана туземных хозяйств 61%, посевов у них только 17%, но зато 84% лошадей, 75% крупного рогатого скота и 83% овец.

В качестве подсобного заработка алтайцы промышляют белку, маральи рога, а также занимаются мараловодством.

Алтай-кижи—народность турецкого племени, с определенными признаками монгольского на них влияния, сказавшимися отчасти на их физическом типе, а главное на характере их внешней культуры*). В основе их диалекта лежит турецкий язык с некоторой примесью монгольского и угро-финского элемента.

Это здоровый, крепкий народ. Среднего роста, сухопарый, смуглый, с приплюснутым носом, с глубоко сидящими глазами, с черными жесткими волосами и скудной растительностью на лице. Они сутуловаты и кривоноги от привычки ездить верхом на коротких стременах.

Типичным для них жильем является корьевая юрта—конусообразный шалаш, по типу северо-сибирских чумов, крытый вместо оленьих шкур—корой лиственницы. Нередко сооружается многоугольная бревенчатая юрта с конусообразной (пирамидальной, многогранной, иногда усеченной) крышей из той же коры. По словам алтайцев, корьевая юрта, служившая им жильем, отличается прочностью и теплее встречающихся кочемных. Понятно, что такого рода громоздкое, тяжелое жилье не располагает туземца к передвижению. За последнее время у оседлых алтайцев появляется нередко и обычная русская изба. Посреди юрты очаг. Раньше—три

*) Этим об'ясняется неправильное наименование алтайцев калмыками (народом монгольского племени), данное им русскими.

камня, теперь—треногий таган. Но огонь, как хранитель рода, строго почитается и с ним связан целый ряд сложных обрядов.

Слева от очага—место мужчин, где находится принадлежащая им одежда, утварь, седла, оружие и пр. Справа—место женщин. Тут среди предметов домашнего обихода находятся предметы молочного хозяйства и в частности кожаный мешок, для хранения опьяняющего напитка—араки.

Монгольское влияние особенно сказалось на одежде алтайцев, их пище и разного рода мелочах. В прежнее время одежда их нередко выделывалась из китайских тканей (даба). Покрой халатов, обувь без каблуков, своеобразный костюм женщин—чегедек, формы головных уборов—все это напоминает Монголию. Еще два-три десятка лет тому назад среди алтайцев имела большое распространение одежда из лошадиных и козьих шкур.

Основная пища алтайцев—проквашенное молоко, прокопченный творог, мясо, особенно конина, напитки, изготовляемые из молока (кумыс, арака) и кирпичный чай.

Алтайцы, в связи с продвижением русских переселенцев на север Ойротии, в значительной степени поддаются обрусению и утрачивают свою самобытность в хозяйственном и в культурном отношении.

Теленгиты. Смежно с алтайцами живут *чуйские теленгиты*, с которыми алтайцы имеют много общего и по диалекту, и по соокам (родовым именам). Некоторыми исследователями обе эти группы даже об'единялись воедино.

Теленгиты проживают в юго-восточной части Алтая, и обычно располагаются небольшими группками по 2, по 3 семьи, по долинам рек Чулышмана, Башкауса, Чуи, по Архыту с Каракемом и по Катуни (между Архытом и Чуей).

Характер природы здесь совершенно иной. Нет пышных, цветущих лугов. Долины каменисты, пустынны. В нагорных степях—камни, песок, бедная растительность, полувысохшие травы, серый фон раскаленной почвы. Только местами золотистый кустарник алтын-агаса, да у побережья рек—лиственница, тополь. Большинство гор безлесно.

Степи замкнуты горными хребтами, почва покрыта щебнем. Местами встречаются так называемые каменные болота, растительность которых особенно скудна.

Все эти степи—Чуйская, Курайская, Сарлымайская, Улаганское плоскогорие—крайне неблагоприятны для земледелия и по почвенным и по климатическим условиям.

Долины Чулымшана и Башкауса менее лесисты, чем Уймонская, зато расположены выше, в связи с чем и климат их более суров.

Однако, местное туземное население, хотя и в чрезвычайно небольших размерах, все же занимается земледелием. Местами производится искусственное орошение скудной влагою каменистой почвы, при чем в этих целях в некоторых местах (например, в Чуйской долине) используются оросительные сооружения, оставленные ранее обитавшими здесь племенами (китайцами и каким-то другим племенем). Но даже при условии искусственного орошения—результаты достигаются слабые. Только по Башкаусу и Чулымшану имеются пашни, да и то небольшими клочками (нередко круглыми), похожими больше на маленькие огородики.

Суровые условия—неприступные горы, скалы, порожистые реки в ущельях, трудные перевалы, сухие неплодородные степи, непригодные для земледелия,—все обусловливало замкнутый характер района и отсутствие в нем русских поселков. А отсюда, конечно, понятно, почему до самого последнего времени именно здесь сохранились способы наиболее примитивной обработки земли.

Для разрыхления почвы—обыл—железная лопата—на ручке из изогнутого корня, для ручной обработки, андазын—сошник,—также железка, насаженная на изогнутый корень и пр. Еще недавно жали руками или срезали хлеб ножом. Зерна выбивали на растянутой коже ударами корня. Отвеивали зерно, пересыпая его в корытце на ветру.

Но если для земледелия общие условия этого района неблагоприятны, они зато особенно благоприятны для развития скотоводства.

В степях—солончаки и низкие травы, которые для скота являются лучшим кормом, чем высокотравие черни. Зимы малоснежны, и скот в течение целого года может оставаться на подножном корму по склонам, где снег сдувается ветрами. Летом из сухих, каменистых долин скот угоняется в горы, где нет мошки, где влажнее и лучше корм. Там в горах расположены и „летники“.

В связи с сказанным, основной формой хозяйствования теленгитов является скотоводство. Они разводят лошадей, коров, но главным образом—овец и коз. Особенно большие стада овец разводят в верховьях Чулышмана и Башкауса. По Чуе и Улагану есть и верблюды, которые используются в транспортных целях, а также выведенные из Китая яки (сарлыки). Заготовка сена для скота (которая стала, собственно, больше практиковаться за последние годы) раньше производилась своеобразным и очень примитивным способом: срезанная трава свивалась в жгуты и развешивалась по деревьям.

Из общего количества хозяйств здесь только 3% русских; 97% составляют туземцы, которым принадлежит 92 % пашен, 93% лошадей, 96% крупного рогатого скота и 95% овец.

Кроме указанных отраслей хозяйства, теленгиты занимаются охотничьим промыслом (рыболовство у них не развито совсем) и отчасти мараловодством.

Больше всего добывают белки. Раньше добывали много и соболя, теперь промысел его значительно упал. Добывают горных баранов, козлов, лося. Но особенно много добывают сурка (тарбагана), обитающего между камней. Весной ходят на промысел маральих рогов.

Теленгиты ведут кочевой образ жизни, который у них в связи с скотоводством, как основным занятием, сохраняется в большей степени, чем у алтайцев. Здесь перекочевки являются прямым требованием скотоводческого хозяйства, неразрывно с ним связаны. Характерно, что даже первоначальные формы земледельческой отрасли хозяйства были у алтайских горных племен связаны с перекочеванием. Они переходили на новые места в поисках новых пашен, находить которые было нелегко при отсутствии удобных земель, а также практиковали своеобразную форму удобрения полей, путем использования под них площадей из-под летних и из под зимних стоянок скота, что также способствовало сохранению кочевого быта.

Впрочем, размах их кочеваний невелик. Это об'ясняется прежде всего трудностью передвижения по хребтам и обитанием в замкнутых нагорьях.

Летним жилищем теленгиту служит войлочная конусообразная юрта монгольского типа. Зимним—или войлочная кибитка (которая теперь встречается очень редко), или четырехугольная бревенчатая юрта, на подобие русской избы. Нередко для жилья и на летнее, и на зимнее время служит войлочная (кочемная) круглая или бревенчатая многоугольная юрта со срезанным или конусообразным верхом. В отличие от монгол, у теленгитов, как обычно у турок, вход в юрту обращен на восток. Внутреннее убранство и размещение утвари такое же, как у монгол и сойот.

В связи с занятием скотоводством, основным питанием служит мясо (конина, баранина) и молочные продукты. На изготовлении сыра, масла, напитков (кумыса, чегеня, арака) сказывается монгольское влияние. Хлеба употребляется теленгитами мало. Зерна ржи, ячменя, пшеницы перетираются между рубчатых дощечек по мере надобности, и из муки с молоком делается толкушка.

Еще более сказалось монгольское влияние на одежде теленгитов. Своеобразный характер костюма особенно сохра-

нился у чуйских и башкаус-улаганских горцев: овчинные шубы, монгольского покроя халаты, типичная монгольская безрукавка женщин—чегедек, местами, монгольского образца обувь. На Чулышмане и Башкаусе мужчины стригут волосы, а на Чуе бреют, но оставляют на маковке пучок, который заплетают в косу. На конце косы повязывается шнурок с шелковой кистью, бисер, пуговицы или даже пробка от графина, как о том свидетельствует один из очевидцев. Женщины плетут несколько кос, украшают их также бисером, монетами, пуговицами.

У каждого теленгита имеется обязательно трубка, трут, огниво, нож.

Утварь выделывается из кожи (сумы, мешки, решета), из кошмы (шубы, головные уборы, чулки) и из дерева (чашки, корытца), в частности—из корней березы.

Монгольское влияние не только отразилось на характере культуры теленгита, но и на его внешнем облике.

Теленгиты в прошлые времена были подданными монгольских князей и обитали по Кемчику. Впоследствии они передвинулись к Алтаю и были вынуждены платить дань и китайцам, и русским.

В октябре, в Бийске они вносили 160 маральих рогов и на 200 руб. лосиных шкур, а в феврале Китаю —по два соболя с теленгита. Поэтому их стали называть двоеданцами. Когда пришли русские, они тотчас же отметили их монгольский тип и стали называть их калмыками, но горными, в отличие от алтайцев.

В литературе имеется указание, что чуйских теленгитов называли иногда и урянхайцами. Сами себя они называют теленгитами и улаганами.

Во внешнем их облике и в лингвистическом отношении у них много общего с саянской ветвью народностей—кайбалами и сойотами, но в основе язык теленгит—турецкий.

Телеуты и телесы, К группе теленгит (чуйских и чулышманских) можно отнести телеутов и телесов*).

Телеуты прикочевали после распада Джунгарского царства с Енисея и Иртыша, через Алей—на Томь, в Бочатскую степь (Кузнецкий округ). Во время перекочевок они утратили свой язык и цельность национальной культуры.

Уже много десятков лет как они обрусели, живут оседло, имеют лошадей, занимаются земледелием. Совместно с ними

*) В старой литературе существует указание, что телеуты сами себя называют теленгитами. Некоторыми местными работниками также высказывается мнение, что телеуты и теленгиты и по языку, и по типу представляют из себя одну народность.

осели так называемые ашкыштымы, также совершенно обрусевшие.

Небольшие группы телеут осели (в районе Искитима) в нескольких поселках Кузнецкого округа, среди шорцев. Небольшими группами вкраплены они и среди алтайцев по Катуни и в Бийском округе.

Телесы, обитавшие издревле на Алтае и давшие свое имя Телецкому озеру, в XVI в. переходили к телеутам на Бочатскую степь, потом вернулись, но часть их ушла на Саяны.

Черневые татары (табуляры, туба-кижи или инш-кижи*), как они сами себя называют) расположились к востоку и северо-востоку от алтайцев и теленгитов, в черневом районе Алтая, по долинам притоков Катуни—Б.-Ише, Найме, Кокше, по правым притокам Бии—Турачаку, Туле и Тандошке и в северо-восточной и северо-западной части Телецкого озера.

В северной части черневого района, в долинах, между отлогих гор,—топи, болота, дикие непроходимые трущобы. По склонам—темная зелень кедров, горные поросли пихты, елей. Кое-где осина. Местами светлеет береза. Едва приметные следы зверя, да охотничьи тропы. Иногда попадаются прорывы гарей.

На запад от Катуни сухие склоны гор безлесны, на влажных—сосна, лиственница, ель, пихта. Сосна не заходит далеко в горы, сменяясь на северных склонах лиственницей.

По побережью рек—ива, тополь, кустарники черемухи, калины, малины, жимолости.

Лесная растительность выше переходит в альпийские луга.

Особенностью черневого района является исполинский рост трав в теснинах долин, по верховьям рек и на лесных полянах.

Телецкое озеро отличается своей дикой красотой и мрачностью. В связи с холодной температурой воды, его не оживляют, по словам наблюдателей, ни всплески рыбы, ни пение птиц. Его обнаженные скалистые берега безлюдны.

Черневые татары располагаются группами от 4 до 30 семей по долинам, где имеется чистая площадь для выгона, для покоса и под пашню.

Высокотравие, глубокие снега, небольшие выгоны,—все это препятствует развитию скотоводства. Зима длится 8 месяцев, и прокормить большое количество скота в течение этого долгого времени не представляется возможным. По-

---

*) Под словом инш—туземцы Алтая понимают чернь—лес, состоящий из кедра и пихты.

этому тубаляры держат лошадей и коров понемногу, а мелкого скота и совсем не держат. Сена они совсем почти не запасают, предоставляя скоту в течение зимы выкапывать корм из-под снега по склонам гор.

Лошадь является для них совершенно необходимой при передвижениях, особенно летом, когда только верхом и можно пробраться через трущобы, скалы и топи.

Черневые татары занимаются земледелием, но пашни их разбросаны клочками, так как удобных для земледелия мест в черни чрезвычайно мало. Для разрыхления земли на головокружительных кручах южных каменистых склонов они употребляют абыл*). В долинах посевов нет, так как там влажно, а по вечерам бывает настолько холодно, что выпадающий часто иней губит молодые побеги хлеба. Сеют пшеницу, изредка ячмень и коноплю.

За посевами ухаживают тщательно, даже выпалывают их. При уборке хлеб выдергивают и вывешивают пучками для просушки.

За последние годы в районе черни замечается чрезвычайно большой наплыв русских переселенцев. В настоящее время туземных хозяйств здесь насчитывается только 20-25%. Русским переселенцам принадлежит 81% всех посевов, 75% лошадей, 77% коров, 90% овец и 93% свиней. Указанные цифры наглядно говорят о хозяйственном положении черневых татар.

Осенью на лыжах, небольшими группами, они уходят в горы, в тайгу на промысел. Звероловство в бюджете их хозяйства занимает очень значительное место. На лыжах они ходят отлично, могут пробежать в погоне за зверем 100-150 километров**). Того, кто не имеет лыж, называют „пешим". Как стрелы, несутся они по крутизне, лавируя между деревьями и делая крутые и ловкие повороты. При этом опираются на коек, который вместе с тем служит им на охоте для расчистки снега. На месте промысла сооружают временный балаган из пихтовых веток. Живут здесь 1½-2 месяца. Добывают белку, медведя, горного барана, горного козла, лося, марала. Пользуются ружьем и разного рода ловушками. Иногда уходят на промысел до Монгольской границы.

Рыболовство, поскольку сбыта для рыбы нет, не имеет для бюджета черневых татар большого значения; к тому же реки черни камечисты, неглубоки и не отличаются богатством

*) Лопатка, насаженная на корень.

**) Между улусами зимой сообщение также на лыжах.

рыбы; но для себя, на пропитание семьи, рыбы добывается достаточно.

Занимаются они отчасти и мараловодством; значительно в большей степени, однако, среди них развиты пчеловодство и кедровый промысел.

Жилищем черневых татар служит балаган, обложенный кругом берестой, с двухскатной крышей из бересты, же, с дверью и дымовым отверстием; иногда конический шалаш (род чума), крытый берестой. Чаще, однако, здесь встречается многоугольная (или четырехугольная) бревенчатая юрта с чувалом. Встречается и типичная русская изба с печью и потолком. Внутреннее убранство приблизительно то же, что у теленгит и алтайцев. Впрочем, иногда в юрте устраиваются кругом широкие нары, крытые берестой. Справа у очага—место хозяев. В переднем углу помещаются ручные жернова для перемола хлебных зерен. Рядом с избой нередко стоит юрта, в которой предпочитают жить сами хозяева.

Одежда утратила типичный характер. Имеются кошомные шапки, шубы. Чегедек уже не встречается у женщин. Головные уборы женщин также совершенно иного характера. Черневые татары очень любят всякого рода побрякушки. Костюмы вышивают бисером, женщины на руках носят множество колец, в ушах серьги, иногда даже из утиного пуха; косы украшают бисером, раковинами, пуговицами, а бывает—бубенчиками и колокольчиками. Еще не особенно давно одежда выделывалась нередко из конских кож и шкур зверей. Мех не в употреблении, но овчины и конские кожи и теперь в ходу.

Отличительной чертой хозяйства черневых татар является выделка из кендыря плотного, почти непромокаемого холста, которым они кроют шубы, из которого делают женскую нижнюю одежду, голяшки к сапогам, летние шапки.

Утварь делается частью из кожи (мешок, сумки), частью из бересты и из дерева.

Основной пищей служат молочные продукты, сыр, квашеное молоко.

Мясо и хлеб потребляются в небольших количествах. Перетирают зерна на ручных жерновах, делают из муки пресные лепешки и толкушку, перемешивая муку с медом или водой.

Весной и летом пищей служат коренья сараны и кандыка. Кумыс не пьют: его здесь заменяет арыка; в ходу кирпичный чай.

В сравнительно недавние годы в мелочах домашнего быта сказывалось влияние монгольской и китайской культуры (в некоторых мелочах костюма и в сортах тканей); однако, за последнее время это влияние быстро вытесняется русским.

Одежда, утварь, орудия промысла и производства перенимаются чернью от русских. Так, например, очень оригинальный способ тканья холста из кендыря уже заменяется обычными крестьянскими „кроснами".

Образ жизни черневых татар можно определить, как полуоседлый. Даже летник и зимник во многих хозяйствах не требует передвижения.

Перекочевывают они только в случае крайней необходимости.

По характеру черневые татары, вероятно, в связи с природными условиями, замкнуты, сдержанны, необщительны и не склонны к коллективной жизни.

Происхождение их не совсем ясно. Предполагают, однако, что это отуреченные самоеды, и что они родственны койбалам, карагассам и сойотам.

По типу они отличаются от теленгит и алтайцев. По диалекту, язык их близок к диалекту алтай-кижи, но все же своеобразен. Есть основание предполагать, что группа инш-кижи представляет из себя нечто цельное в национальном отношении, хотя и утратившее резко выраженную своеобразность.

Кумандинцы. К северу от черневых татар, по северным склонам гор, по Бие, Ише, Коже, Чепше, в маленьких деревушках по 5-10 домов обитают кумандинцы. Они ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием. Процесс обрусения прошел у них особенно легко, незаметно и безболезненно.

Прежде они были кочевниками, жили в землянках и в юртах из неотесанных бревен и имели национальный костюм.

Теперь они совершенно утратили все своеобразие своей национальности и только сохранили еще свой язык.

Зимовье они превратили в постоянное обиталище, обзавелись лошадьми, коровами, овцами, и самые методы хозяйствования перенимаются ими у русских.

Их хижины опрятны, одежда перенята от русских, и они производят впечатление развитой народности. К сожалению, пришлое русское население, вытесняя их с земель, находившихся в их исконном пользовании, отнимало у них лучшие угодья и вконец их разоряло.

Кумандинцы подразделяются на верхних и нижних. Они, как-будто бы, одного происхождения с алтайцами (алтай-кижи), но в наречии у них больше примеси финского элемента.

По р. р. Лебедю и Нене обитает группа *шелганцев* или *лебединцев (ку-кижи),** имеющих только два рода—якши и шелган. Они почти ничем не отличаются от кумандинцев и

*) Ку—лебедь, кижи—человек.

сходны с ними в лингвистическом отношении. От черневых татар наречием они отличаются, но с шорцами у них есть общий соок, и часть лебединцев своим языком называют шорский.

Жилье их представляет из себя четырехугольную деревянную юрту и сходно с жилищами шорцев.

Заканчивая характеристику народностей, обитающих в области Ойротии, прежде чем перейти к обитающей смежно с ними группе шорцев, остановимся несколько на общей характеристике алтайских туземцев.

В связи с различным характером природных условий освоенных ими районов, алтайские туземцы подразделяются на три основных группы, которые различны и по типу своего хозяйствования, и в этническом отношении.

1. *Собственно алтайцы,* у которых есть все данные для перехода к более высокой культуре, для выработки устойчивых форм оседлого, скотоводческо-земледельческого хозяйства.

2. *Теленгиты,* повидимому, самое крепкое в физическом отношении из алтайских племен, закаленные в суровых условиях горной жизни, имеющие твердые перспективы, в связи с созданием интенсивного скотоводческого хозяйства, с широкой его товарностью.

3. *Черневые татары,* в дебрях черневой тайги пытающиеся изыскать способ использовать со всей интенсивностью окружающий их мир. В упорной борьбе за существование они то копают дикие корни, как и в древние времена, то, вспоминая старинку, бродят по охотничьим тропам в тщетных поисках зверя, то пытаются заводить ульи последней системы, то с надеждой взирают на тщательно прополотые клочки пашен на неприступных каменистых обрывах...

Турецкий, самоедский, финский и даже палеазиатский элементы.

Монгольское влияние в одежде, в головном уборе, в мелочах домашнего уклада, в пище и даже в попытках ввести ламаизм.

Русское (дореволюционное) влияние, с вытеснением туземцев на горные высоты, в ущелья каменных хребтов, с обращением в православие, с обычными спутниками русской „культуры" дореволюционного времени: угнетением, эксплоатацией, обманом, которые, в конечном счете, приводили туземное население на юге, как это было и на севере, к острому экономическому кризису, к хищническому хозяйствованию, к упадку промыслов.

И, наконец—свое, самобытное: в корне общий всем алтайским племенам турецкий язык, общие сооки, общее для

всех народностей Алтая почитание родового начала и родовой уклад, общий культ (шаманизм) и, наконец, богатейшая поэзия—песни, связанные с культом, и эпические сказания о богатырях.

Шорцы. Смежно с лебединцами, к востоку от них, по Мрассе, Кобырзе, Кондоме, Пызасу и по верховьям Томи обитают шорцы, которые, в сущности, не имеют национального имени и называют себя по системе рек, на которых они обитают: томь-кижи, мрасс-кижи. Однако, „инш-кижи" черневыми они себя не называют и, очевидно, в их понимании, в национальном отношении они не составляют единого целого с группой черневых татар. Поэтому присоединять их к последним (как это делается нередко в существующей литературе) ошибочно.

Район их обитания в природном отношении (в южной части) ничем не отличается от черни: тот же мрачный лес на камнях, топи, болота, трущобы, горные, порожистые, шумные речки.

Хозяйство шорца на первый взгляд кажется разносторонним и усложненным.

Он промышляет белку и соболя, которого, впрочем, за последнее время добывается очень мало. Занимается рыболовством, пчеловодством, кедровым промыслом и, наконец, земледелием. Но все эти занятия находятся в состоянии такой примитивности, что едва-едва дают шорцу возможность влачить жалкое полуголодное существование.

Охотничьи угодья до последней степени истощены.

Рыбу ловит он только для собственного потребления.

Для развития пчеловодства условия достаточно благоприятны, но шорец с большим успехом и с гораздо большей охотой бродит в тайге в поисках диких пчел. Земледелие выражается в том, что на крутых обрывах он взрыхляет землю ручным способом, лопаткой, насаженной на корень, и бросает несколько зерен ячменя или ржи.

Неудивительно, что, при всем разнообразии своих занятий, шорец, в целях пропитания, вырывает дикие корни, а вместо того, чтобы на белку выменять ткани, одевается в грубый домотканный холст из кендыря...

Недостаток лугов, глубокие снега мешают привиться скотоводству. Развитию земледелия мешают почва и условия местности: камень, кручи, обрывы, ущелья.

Хищничество истощает запасы кедрового ореха, как истощило пушные ценные богатства.

Шорец ведет полуоседлый образ жизни, перебираясь с пашни на озеро, с озера—на зимник.

Живут в аилах, в бревенчатых юртах, иногда в шалашах из досок или бересты, устланных пихтовыми ветками. В юртах пол глиняный, огонь раскладывается прямо на полу—на земле. Иногда делаются широкие нары—лавки, крытые берестой. По Кондоме и Мрассе встречаются шестиугольные юрты. За последние годы увеличивается число обычных русских изб.

Одежда—русская. Пищей служит больше всего рыба, перемолотые хлебные зерна, из которых пекутся пресные лепешки, корни сараны, кандыка и другие луковичные растения, которые иногда разваривают в молоке. Кандык даже заготовляют впрок—сушат и нанизывают его на нитки. Из него же делают опьяняющий напиток—„абыртка".

Обстановку юрты составляет березовый лист, которым устилается пол. Утварь делается из бересты, из кореньев березы. Иногда пользуются шкурами животных—барсука, коз. Из них делают мешки, решета и пр.

В прежние времена шорцы знали хорошо кузнечное ремесло и сбывали алтайцам свои примитивные изделия в обмен на кожи, шубы, лошадей и пр. Теперь вся их обстановка поражающе бедна, и трудно говорить об их хозяйственных перспективах.

По физическому своему типу шорцы довольно разнохарактерны. Одни похожи на русских, другие—на монголов. Встречаются светловолосые. Здоровым и крепким народом назвать их ни в коем случае нельзя. Организм их, подорванный хроническим недостатком в питании, не может противостоять болезням, свившим прочное гнездо в антисанитарной обстановке их примитивных грязных жилищ.

Происхождение их недостаточно выяснено. Есть версия, что некоторые сооки (карга и кабын) пришли на Кондому и Мрассу с Бирюсы. Название „шор" является, собственно, именем лишь одного из многих сооков, обитающих по Мрассе и Кондоме.

В лингвистическом отношении язык их приближается к языку абаканских татар, особенно, вероятно, к наречию племени бельтир, поскольку это племя географически к ним ближе. Сооки шорцев соответствуют соокам бельтир, ето также свидетельствует об их родстве. В диалекте шорцев есть сходство с диалектом теленгитов и койбалов.

Некоторые группы так называемых шорцев, особенно по Томи, совершенно обрусели, живут в избах, одеваются совсем как русские, занимаются земледелием и только еще сохраняют свой язык. Скота, особенно лошадей, у них мало.

Хакасы. К востоку от шорцев, через Кузнецкий Алатау, обитают хакасы. Кузнецкий Алатау является мощным водоразделом для систем Оби и Енисея. К западу с него в Кузнецкую котловину стекают р. Томь и ее притоки Мрас-су, Кондома и др.; к востоку—в Минусинскую котловину—Абакан с притоками: Таштыпом, Есью, Теей, Аскызом и Уйбатом. Входящий в систему р. Оби Чулым берет начало на восточных склонах Алатау (Сарала, Черный и Белый Юсы) и пересекают с юга на север западную часть Минусинской котловины, чтобы затем, уже из северных пределов Ачинского округа, направиться в Томский, где и влиться в р. Обь. Западные таежные предгорья Алатау, как мы только что видели, населяют шорцы и кумандинцы; у восточных предгорий его и в западной части степной Минусинской котловины, раскинувшейся от этих предгорий до р. Енисея, по течениям Юсов, составляющих реку Чулым, и по Абакану с его притоками,—расселились пять небольших народностей: *кизыльцы, бельтиры, сагаи, качинцы и койбалы,* получившие уже во время революции об'единенное наименование: *хакасы.* Из них кизыльцы, бельтиры, сагаи и качинцы относятся к туркам и составляют турко-саянскую подгруппу, а койбалов, небольшое племя, живущее по правому берегу р. Абакана, в его нижнем течении, относят к самоедской ветви. Продолжительная совместная жизнь в значительной мере стерла племенные особенности каждой из этих отдельных групп, и в настоящее время они пользуются одним наречием, различаясь разве только по говорам. Ни в жилище, ни в одежде разницы нет, разница сохранилась лишь в физическом типе. Наиболее сохранившими родовые признаки являются качинцы, пришедшие сюда, после удаления киргиз (в начале XVIII века) из-под Красноярска, с реки Качи, где они до того кочевали.

Известный американский писатель Кеннан, посетивший с. Усть-Абаканское и окрестные улусы в 80-х годах прошлого века (т.-е. 40 лет тому назад), описывает впечатление, произведенное на него качинцами. Высокие, статные, с черной шапкой густых блестящих волос, с бронзовым цветом лица, с красивым орлиным взглядом, ловкие джигиты, они поразили его большим сходством с индейцами Северной Америки.

Почти также хорошо сохранился тип сагайцев и бельтир, хуже—тип кизыльцев и койбалов.

Кизыльцы уже почти 100 лет живут в близком соседстве с русскими; развитие золотопромышленности по системам Белого, Черного и Желтого Юсов в 40-х годах прошлого века лишило их в значительной мере охотничьих угодий, и хозяйство их стало падать; тесное общение с русскими, тяжелый труд на золотых промыслах, алкоголь и отчасти

сифилис не могли не отразиться отрицательно на чистоте их физического типа и на их хозяйстве.

Койбалы также давно оказались в близком соседстве с русскими и также в значительной мере утрачивают племенные черты. В самом большом их селении Утах, в 30 клм. от Аскыза (через Абакан), значительную часть их трудно отличить от русских. Лучше сохранился тип в небольших улусах, где они живут рядом с качинцами и сагаями.

Качинцы занимают Абаканские степи левой стороны Енисея, по левому берегу Абакана, по рч. рч. Уйбату, Бидже, Узунджулу и др. Территория, ими занимаемая, ограничивается с юга нижним течением р. Абакана до р. Камышты, на западе—р. Белым Юсом, на севере—р. Чулымом и на востоке р. Енисеем и границами Новоселовского района.

Сагаи (сагайцы), по преданиям, жили раньше на р. Бирюсе, но около второй половины XVIII в. (1740 г.) часть их расположилась по р. р. Таштыпу, Тее, Сее, Еси, Аскызу, Нене, Немиру и по Сырам, а часть на берегах р. р. Мрассу и Кондомы. В настоящее время они живут в системе реки Абакана, вверх от р. Камышты и особенно по левым притокам Абакана, до р. Матура.

Бельтиры живут по р.р. Киндырле, Табату, лев. берегу Абакана от д. Монок и по р. р. Таштыпу, Тее, Еси, Сосу и др. Есть основание полагать, что часть их родственна сойотам и вышла из Урянхайской земли, часть пришла из Кузнецкого округа, часть является остатками кара-киргиз, ушедших отсюда в Монголию.

Нигде, может быть, хозяйство населения не сложилось в такой тесной зависимости от окружающих природных условий, как в Хакасии.

Горные массивы Западных Саян на юге и Кузнецкого Алатау на юго-западе и западе, покрытые девственной тайгой, изобилующей пушным зверем, придают хозяйству живущего в ближайших к ним предгорьях кизыльца и бельтира промысловый уклон.

Черноземные и каштановые почвы ближайших к предгорьям Тейского, Есинского, Аскысского, Базинского, Уйбатского и Абаканского приречных районов дают возможность бельтиру и сагайцу наряду со скотоводством заниматься в большей или меньшей степени земледелием.

Сухие щебневатые пространства Качинской ковыльно-кипцеватой степи со времен седой древности служат прекрасными пастбищами для конских табунов, гуртов рогатого скота и отар овец и создали здесь в свое время и сохранили до нас экстенсивное скотоводство, как основу хозяйства качинца.

Но и в Качинской степи имеются по долинам речек оазисы почв, годных (при условии искусственного орошения) для земледельческой культуры, и там, где такие почвы налицо, мы имеем смешанный скотоводческо-земледельческий тип хозяйства. Таких оазисов здесь немного, и они-то теперь, когда экстенсивное скотоводство значительно сократилось, дают качинцу возможность, в целях восстановления основного занятия—скотоводства, заниматься и земледелием. Здесь оно всегда носило и будет носить характер потребительный, и было бы неправильно думать, что хакасы-качинцы уже переживают переходный период от скотоводства к земледелию. Скотоводство всегда было и надолго еще останется основой хозяйства местного населения.

Хакасы (сагаи, качинцы, бельтиры, составляющие более $^3/_4$ хакасского населения)—чрезвычайно жизнеспособная и жизнедеятельная народность. Изучение движения населения за период в 50 лет дает совершенно нормальный процент естественного прироста, мало отличающийся по своей высоте (16 человек на тысячу) от прироста смежного русского населения Минусинского округа. Таким образом, раздававшиеся и еще сейчас иногда раздающиеся голоса о вымирании хакасов являются не более, как плодом досужей фантазии людей, не дающих себе труда более внимательно изучить это сложное явление и исходящих в своих построениях из общего взгляда на туземца, который обязательно почему-то должен вымирать.

Жизнедеятельность народности еще более очевидна и наглядна. Надо удивляться, что в чрезвычайно неблагоприятных условиях окружающей природы, при некоторой культурной отсталости, при невысоких материальных рессурсах, экономически теснимые и угнетаемые соседним и пришлым русским населением,—хакасы нашли и сейчас находят в себе достаточно сил и средств для того, чтобы изживать временный упадок хозяйства и находить пути и средства к его восстановлению. Кооперация разных видов явилась и является для них могучим средством избавления от вековечной кабалы торгового капитала и перехода к новым формам хозяйственной жизни.

Кредитная и потребительская кооперации дореволюционного периода быстро начали развиваться (с начала 1910-х годов) и количественно и качественно, не отставая в росте от кооперации русских районов Минусинского округа. Союзное строительство обоих видов кооперации нашло в хакасском районе живой отклик и солидную хозяйственную основу, как поставщика скота и продуктов животноводства, с одной стороны, и как достаточно емкий рынок для фабрично-заводских това-

ров—с другой. В районе стал быстро распространяться и сейчас распространяется улучшенный с.-х. инвентарь.

В скотоводческих районах, в связи с падением цен на лошадей, табунное коневодство стало падать еще до войны и на его место, по инициативе самого населения, в разных концах появились конные заводы (Кангаровский, Сукинский, Чарковский и др.), где хозяева задавались целью улучшить местную породу или „в самой себе", или путем примеси орловской и даже английской крови.

С 1925 года начинают организовываться овцеводные товарищества, работающие с киргизской курдючной овцой, а теперь перешедшие и на мериносовых овец. Одновременно зарождаются маслодельные и сыроваренные артели, интерес к которым захватывает все большие и большие районы и будущее которых рисуется в самых радужных перспективах.

Существовавшее еще до войны в самом зародышевом состоянии (и исключительно у зажиточных хозяев) стремление к искусственному орошению сухих пространств для покосов и отчасти для пашни развертывается, уже при советской власти, в целое народное движение и дает начало возникновению до 20 мелиоративных товариществ в разных районах округа. Этот вид кооперации даст в ближайшие годы свыше 20.000 десятин целинной пашни и покосов. Особый интерес в этом отношении представляет Аскызское мелиоративное товарищество „Хакас", использовавшее энергию р. Аскыза для устройства оросительной канавы, длиною св. 20 клм., турбинной мельницы для размола зерна, лесопилки и электростанции, которая зажгла уже на улицах с. Аскызского и в домах его жителей электрический свет. Орошаемые поля обрабатываются 4-мя тракторами системы „Фордзон", из которых 2 собственных и 2 арендованных; имеются также одна тракторная сеялка, две тракторных сноповязалки, одна тракторная молотилка „Ланца" с производительностью до 1200 пудов зерна в день и куколеотборник. Членов в товариществе—113, из которых зажиточных—8 чел., а остальные бедняки и средняки—поровну. Не вовлечено еще около 20 хозяйств Аскызского земельного об-ва. Для вовлечения бедняцких хозяйств создан особый фонд около 3000 рублей.

Потребительские кооперативы об'единены в Хакасский союз потреб. о-в; сельско-хозяйственные товарищества входят в состав Минусинского Селькредсоюза.

Таков хозяйственный уклад хакасов, таковы хозяйственные достижения наиболее энергичных и культурных слоев хакасского населения.

Селения хакасов—улусы, разбросаны в широких просторах Абаканской, Уйбатской и Юсской степей, по течению

рек, речек и ключиков, то группами, то в одиночку и всегда на более или менее значительном расстоянии друг от друга. Чаще всего юрты и дома представляют одну улицу, за которой на далекое пространство тянутся пригоны и дворовые постройки. Только немногие, наиболее крупные селения, главным образом, районные центры (Аскыз, Чарков, Чебаки) имеют характер русской деревни, распланированной в одну или несколько улиц. Средняя величина селений—25 дворов.

Процесс расселения по территории можно считать законченным, что же касается периодических перемещений, или кочевок, то с сокращением размеров скотоводства в степи число их значительно сократилось, а процесс исчезновения заметно ускорил свой темп. Хакасы в целом перешли к оседлому быту: зимники и летники сохранились лишь в небольшом числе районов.

Усадьба состоит из дома русского типа, одной или двух юрт, расположенных в том же дворе, пригонов для скота и овец и небольшой амбарушки. В подтаежных селениях, в непосредственной близости от пригонов, ставят небольшой лабаз, на котором ночами стерегут овец от волков.

В домах живут зимой, а с весны перебираются в юрту, в которой проводят все теплое время до поздней осени. Юрта восьмигранной формы с полукруглой крышей, покрытой лиственной корой; чтобы кору не разнесло ветром, кладут на нее камни. Лиственничное корье заменяется (пока еще довольно редко) тесом. Юрта ставится дверью на восток и представляет внутри круглую просторную комнату от 3 до 4 метров вышиною посередине. Правая сторона представляет женскую половину и занята исключительно предметами домашнего и специально молочного хозяйства: кадки с айраном, или творогом; на полках расставлены в известной последовательности стеклянная, фарфоровая, медная посуда; обращает внимание длинный ряд пустых бутылок. Левая половина—мужская. Здесь у входа разложены или развешаны предметы охоты, рыболовства, сбруя. Затем вдоль стен тянутся в один или два ряда сундуки разной величины. Против входа, между мужской и женской половиной, находится широкое ложе с набросанными шкурами и шубами, с подушками по обеим сторонам. Ложе закрывается занавеской.

Посредине юрты—очаг с хранящимися под золой горячими угольями, и в любой момент хакаска разводит на нем огонь.

Обстановка зимней избы мало чем отличается от обстановки русской избы. Обстановка зажиточных хакасов иногда значительно превосходит убранством дома сибирских старожилов.

Одежда хакасов, лет 30 тому назад сохранявшая национальные особенности, в настоящее время подвергается значительному влиянию русского населения. Широкая рубаха с рукавами, ластовицы которых доходят до самого пояса, с широким отложным воротником, мало-по-малу заменяется обыкновенной русской рубахой с стоячим воротником. У женщин сохраняется длинная широкая рубаха; в праздники они наряжаются в расшитые шелком и парчей яркие сикпэны и чегедеки; на голове—платок. Нагольную шубу весной и осенью сменили покупной азям, однорядка и шабур; зимней одеждой до сих пор служит широкополая шуба, у женшин—с вышивкой по подолу и бортам. Обувью служат летние кожаные сапоги с высокими голенищами, завязываемыми ремнем, а иногда просто русские чирки, сагиры, бродни.

Пищей служат хлеб, мясо, молоко и молочные продукты: сыр (курут), творог (арчы); чай часто заменяют суррогаты (бадан, цветы шиповника, белоголовика, листья смородины и проч.); хмельные напитки—айран и арака.

Перейдем к восточной, присаянской, группе народностей, обитающих в южной части Сибирского края и в смежных с нею республиках—Танну-Тува и Бурято-Монгольской.

Камасинцы, живущие на юге Канского округа (Агинский район), в настоящее время являются малочисленным, совершенно обрусевшим и исчезающим племенем, когда-то кочевавшим по притокам Кана, Маны, в предгорьях Саян.

Горная река Мана течет среди гор, покрытых хвойным лесом, и образует то широкую долину, покрытую роскошной растительностью, то ущелия со скалистыми обрывами. В нижнем ее течении, по широким логам—сосна, лиственница, но в верховьях природный характер более дик и мрачен.

Камасинцы, или, вернее, калмажи („калмажи-ил", как называют они себя), вели кочевой образ жизни, имели оленей и бродили по Саянским хребтам. Перекочевывали по 2-3 семьи. Олень (саянский) был у них крупный, сильный, и они свободно ездили на нем верхом. Больших стад не имели, так как основным их занятием было звероловство, и оленей, повидимому, держали больше для передвижения.

Добывали белку, соболя, маралов, диких оленей, коз, горностаев, колонков.

Теперь они живут в бывших улусах, называемых деревнями. Те, что называют себя „таежными",—бывшие оленеводы—живут в деревне Абалаковой (на рч. Ильбиной), а те, что называют себя „степными" („Джозе-джон"),—в д. Пьянковой, по притоку р. Маны рч. Мине (б. улус Угумаковский).

Селения их имеют вид обычных деревушек, однако, крыши старых построек покрыты берестой, придавленной сверху жердями. Двор огорожен кое-как, иногда его и совсем не бывает. Зимой ходят на лыжах. Летом ездят на лошадях. Кони копытят осенью снег и достают корм. На промысле наскоро делают балаган под защитой большого дерева—односторонку; огонь раскладывают с открытой стороны.

Груз возят с собою зимой на ручной нарточке или на шкуре козлихи, стянутой веревкой.

Раньше делали одежду из кож и теперь часть зимней одежды делается из козьих шкур. Обувь—из камыса изюбрей. Одежду в старину украшали бисером, стеклярусом, цветными нитями.

Язык „таежных" калмажей определенно указывает на их принадлежность к группе самоедов, но они в очень сильной степени подверглись влиянию турецких народностей, и это влияние прежде всего сказалось на их языке. Теперь они совершенно забыли свой язык и обрусели. Родовое начало также забыто, но в былое время они имели сооки общие с койбалами.

Внешний вид калмажей напоминает монгольский тип: узкий разрез глаз, нос приплюснутый, редкая растительность у мужчин, волосы черные, цвет лица смуглый.

Они общительны, доверчивы, непосредственны в отношениях.

Охотничьим промыслом занимаются и теперь, но добывают мало. Живут в избах. Убранство, одежда—русские. Часто заключают браки с русскими засельщиками.

Занимаются и земледелием. Зимовье обратили постепенно в постоянное жилище, а на пашне ставят чум, но крытый просто корой, и внутри делают нары. Олени—одни погибли от эпизоотий, а уцелевших, с отказом от кочевого быта, отпустили в горы.

К земле привязала необходимость в добывании хлеба. Лошадь нужна для передвижения, но для нее надо заготовить сено.

Постепенно протекает процесс полной ассимиляции с русскими.

„Степные" калмажи, также совершенно обрусевшие, по типу сходны с качинцами, называют себя „татар-лар" и говорят на турецком наречии, которое, впрочем, сменяется теперь русским языком. Оленеводством они не занимались. Жили в остроконечных, непереносных юртах, крытых берестой, имели лошадей и коров, для которых заготовляли сено. Овец и коз не держали, чтобы не заготовлять много сена. Добывали диких коз, водившихся кру-

гом в изобилии. Шкуры их употребляли на одежду. Ездили верхом на конях, но конины не ели. Промышляли соболей. Потом на еланях стали разделывать пашни и породнились с „таежными".

А. Я. Тугаринов, посетивший их в 1925 г., полагает, что эта группа принадлежит также к калмажам, к самоедской народности, издревле обитавшей на предгорьях Саян, но что впоследствии оно подверглось влиянию качинских татар, ушедших в свое время из-под Красноярска в район обитания калмажей.

Карагассы. К юго-востоку от прежнего района обитания калмажей кочует небольшое племя карагасс.

Они занимают долины рек Гутары и Туманшета, Б. Бирюсы, Уды, Ии, Оки и отроги Саян.

Окружающие их природные условия значительно более суровы и дики, чем в районе обитания калмажей.

Карагассы и доныне сохранили оленеводство, ведут кочевой образ жизни и занимаются звероловством.

Эти две основные отрасли хозяйства регулируют весь годовой цикл их хозяйственного быта.

Олень—главное богатство карагасса, поскольку он дает ему материал для изготовления обуви, одежды, для оборудования и убранства чума, дает ему пищу—мясо и молоко, а главное—дает ему возможность передвижения через неприступные горные хребты и таежные трущобы в поисках зверя.

Карагасский олень отличается своим ростом и крепостью. Ездят на нем верхом, а имущество перевозят вьюком.

Охотничьим промыслом занимаются не только взрослые мужчины, но и старики, дети и женщины. Теперь, с падением оленеводства, с невозможностью обеспечить себя всем необходимым исключительно за счет оленя, приходится приобретать хлеб, ткань, чай, огнеприпасы в обмен на пушнину.

Добывают медведя, изюбря, кабаргу, россомаху, волка, сохатых, но главное—белку и соболя. Однако, соболя за последнее время добывается все меньше, да и промысел белки заметно падает в связи с хищническим истреблением пушнины в течение нескольких сотен лет и русским пришлым населением, и туземцами.

В летнее время карагассы уходят со своими стадами в высокогорные луга, где только мох, ягель да карликовая береза. Выше над ними—обнаженные вершины, щебень, вечный снег.

В сыром и мрачном закрытом ущелье, где лучше ягель и где удобнее наблюдать за стадом, располагает карагасс свое кочевье—в 3-5 юрт.

Климат Саянских предгорий суров и переменчив, часты дожди и ненастье, и жизнь в такого рода ущельях, лишенных солнца, должна вредно отражаться на здоровьи карагасс, а особенно их детей.

Жилье карагасса — юрта, иначе — чум. Зимой конусообразный остов из жердей покрывается шкурами оленя, летом—полотнами из бересты. Вверху оставляется отверстие для дыма. Посредине раскладывается огонь. Справа—место мужчин. Там же лежат седла, упряжь, оружие. Слева—место женщин. Там хранится домашняя утварь.

Одежда—русского образца. Зимняя изготовляется из оленьих шкур.

Пища скудна. Хлеба употребляют мало, и то только в виде полусырых, испеченных в золе лепешек. Мясо едят редко,—когда на охоте попадется дичь. Обычная пища—бесконечный чай. Те, у кого есть оленухи, пьют молоко. Раньше, когда оленей было много, из молока делали творог, а зимой замораживали в кишках животных. Иногда подспорьем к хлебу служат истолченные в жидкую кашицу кедровые орехи. В былые времена копали дикие коренья, сушили, толкли и варили их в молоке.

В общем обстановка карагасса до последней степени бедна и безотрадна. Вот как образно изображает ее последний исследователь карагасс, профессор Петри:

„В высокогорных долинах, где свищет ветер, где облака ползут почти по земле, цепляясь мохнатыми лапами за деревья и обдавая мелким дождем со снегом, дрогнут (карагассы) в своей берестяной юрте. Полуголые, иззябшие ребятишки жмутся к костру. Сквозь дырявые тосы (берестяная покрышка жилья) сочится вода, и отсыревшая одежда не греет".

Происхождение карагасс еще не совсем выяснено. Одни считают их турецкой народностью, но другие, в частности Паллас, полагают, что они относятся к самоедскому племени, хотя в их наречии, наряду с самоедским, есть элемент турецкого языка.

Сами себя карагассы называют „туба", что указывает на их принадлежность к группе саянских народностей—сойот, койбалов, камасинцев.

Они свободно об'ясняются с окинскими сойотами („олений народ"), утверждая, что язык сойот с их языком „совсем сходно, только маленько мимо". С ними они поддерживают постоянную деловую связь.

Общность в сооках у них имеется с сойотами, качинцами, камасинцами, бурятами.

Между прочим, по данным последних лет, в крови карагасс есть много примеси чужой крови. Встречаются типы евреев, бурят, русских. По внешнему виду они приземисты, малосильны. Волосы у них черные, прямые, глаза узкие, нос приплюснутый, лоб низкий, цвет лица смуглый.

Они наблюдательны, зорки, хорошо ориентируются, легко разбираются в географических картах; дети проявляют хорошие способности и любознательны.

В обыденной жизни они робки, малоподвижны, но в тайге, на охоте—смелы, ловки, решительны и чрезвычайно настойчивы и выносливы.

По религии они шаманисты. Народная поэзия их богата—много сказок, былин, песен о храбрых богатырях, могущественных шаманах и о раздолье былых дней.

За последние годы у них заметна некоторая склонность изменить формы своего быта—обзавестись лошадьми, коровами, осесть, поселившись в теплых избах, в которых семья могла бы оставаться на период промысла, когда охотник вынужден бродить по тайге.

Возможно, что этот маленький народ сумеет создать особую форму хозяйственного быта, приспособиться к новым условиям существования, хотя, быть может, вместе с тем он и утратит оригинальные черты своей национальной самобытности.

Сойоты. Перейдем к последней народности, которую по происхождению относят к самоедскому племени—сойотам, обитающим в республике Танну-Тува, от истоков Кобдо, по Кемчику, по системе Большого и Малого Енисея (Бейкем'а и Хакем'а) до Косонгола и восточнее, в пределах Бурято-Монгольской республики до Тункинских степей и верховьев рек Оки и Иркута.

Самые восточные, наиболее близкие к карагассам, Окинская и Тункинская группы сойот являются ответвлением от основной группы. Вкрапленные в массу бурят, они утратили свой язык, свой быт, свой культ и свою культуру и ассимилировались постепенно с бурятами.

Раньше тункинские сойоты были оленеводами. Теперь оленеводством занимается всего несколько семей в истоках реки Белой, откочевывающих на летние месяцы к гольцам. Остальная часть перешла к земледелию. Более мощной в экономическом отношении и наиболее крепкой физически является группа сойот района р. Оки (до 500 чел.), которая, сохраняя оленеводство и звероловство в качестве подсобного

промысла, переходит к скотоводству и даже земледелию и именно на этих отраслях своего хозяйства основывает свое существование.

Совершенно иную картину мы наблюдаем у сойот Танну-Тувы.

Тоджинская группа, обитающая по долине Бей-Кема, занимается оленеводством и звероловством.

В широких долинах и по приозерным котловинам, среди стройных лиственниц, разбросаны небольшими стойбищами их остроконечные юрты—„алачики", крытые берестой или шкурой оленя.

Они добывают сохатого, диких козлов, но больше всего белку и соболя. Их охотничьи угодья так же, как и у карагасс, строго распределены между родами, и у них имеются даже небольшие заповедники, что несколько сохраняет ценного зверя.

В остальной части Танну-Тувы оленей нет. Сойоты, главным образом, занимаются скотоводством, а за последние десятилетия под влиянием русских колонистов, раскинувших свои заимки по долинам рек, начинают возделывать пашни. Там, где влаги недостаточно, они так же, как и русские, проводят искусственное орошение, иногда используя для этого оросительные сооружения, оставшиеся памятником от племен, обитавших здесь в древние времена.

В скотоводческих районах алачик сменяется круглой войлочной юртой. Пол устилается кошмой. Посреди юрты—очаг. На нем таган и об'емистый котел, в котором беспрестанно варится зеленый чай.

Обязательная принадлежность каждой юрты—прибор для перегонки араки.

Типичной одеждой танну-тувинцев является длинный синий халат из талембы.

Мужчины бреют голову, но оставляют пук волос и заплетают их в косу.

В своем быту танну-тувинец довольно подвижен.

Зимой он держит скот по склонам гор, где сдувается снег и больше корма. К весне спешит в долину—оросить пашню и посеять. Потом от комара, мошки надо снова уйти со стадом выше, где, к тому же, прохладнее и лучше травы. А к осени—опять в долины убирать хлеб и снова к зиме—на склоны гор.

Таков цикл жизни.

Близость к монголам, несомненно, отразилась на их культуре, но за последнее время сказывается на ней и русское влияние.

Буряты. Буряты расселились на запад от р. р. Оки и Ии, на восток от р. Ангары, по среднему течению р. Иркута, по р. Киренге и верховьям Лены, в Качугском районе, по озеру Байкалу—с юга и по восточному его побережью и дальше к востоку —по р. р. Селенге, Ингоде до р. Онона, по притокам р. Шилки и по верховьям р. Аргуни.

Они подразделяются на иркутских и забайкальских, сохранивших за собою название монголо-бурят.

Буряты обитали в Прибайкалье уже в XVII веке, когда с запада продвинулись сюда первые казачьи отряды. Многие историки считают их местными аборигенами.

Основным занятием бурят является скотоводство. В прежнее время для них подсобным заработком служило звероловство. Но с приходом русских в западной части они постепенно начинают заниматься и земледелием. Вероятно, это в значительной степени явилось следствием беззастенчивого захвата лучших бурятских земель нахлынувшей волной русской колонизации.

В восточной части буряты сохраняют скотоводческую форму хозяйствования и кочевой быт. Летом идут со стадами туда, где прохладнее, на открытое место, где меньше мошки, комара. Осенью—на выкошенные луга для пастьбы скота. Весной—туда, где раньше стает снег, а зимой—где его сдувает и где легче найти скоту корм. Однако, перекочевки производятся не на далекое расстояние—2-3 километра, а иногда откочевывает со стадом лишь часть семьи, так что, по существу, образ жизни их полуоседлый.

Буряты по своему происхождению являются одним из монгольских племен; наречие их—бурято-монгольское.

Они среднего роста, широкоплечи, вид имеют увальней, пока не окажутся на коне,—тогда они ловки и стройны.

Цвет кожи желтовато-смуглый, тело темнее. Лицо широкое, плоское, нос приплюснутый, уши большие, глаза черные, раскосые, губы толстые, волосы жесткие, черные, на лице скудная растительность. Среди женщин встречаются красивые, с менее резко выраженным типом.

В общем, буряты—народ сильный, крепкий физически, вероятно, в связи с обилием питательной пищи—мяса, жиров.

Они живут в улусах по 10-20 юрт. Юрта—многоугольный сруб, сверху прикрытый дерном, с отверстием для дыма, с дверью на юг, с очагом (деревянным ящиком, вымазанным глиной) посредине.

По стенам—широкие лавки, служащие и постелями и складочным местом. Теперь юрты все чаще сменяются русской избой со скудной крестьянской обстановкой.

Переход к оседлости с налетом руссификации заметнее в западной части; в восточной—самобытный характер сохранен в большей степени.

По религии буряты частью ламаисты, частью буддисты.

В заключение необходимо указать на чрезвычайно развитую среди них сплоченность, на сложный по своим формам, до ныне сохраненный, родовой уклад, их практический ум при некоторого рода склонности к созерцательности, граничащей с флегматичностью, и на богатый, оригинальный и очень красивый эпос.

Казаки (киргизы) обитают от устья Волги до хребта Тарбогатая, от Сыр-Аму-Дарьи до Иртыша и Оби.

Они являются остатком древнейших турецких народов, но не имеют единства, цельности происхождения. В этническом и антропологическом отношениях они представляют из себя смешение различных племен—финских, самоедских, монгольских. Общие с ними сооки мы встречаем и у алтайских народностей, и у хакасов, и у сойот, и монголов.

Но общие условия кочевания, общие природные условия, их окружающие: однообразие степных равнин, общие формы хозяйствования—сцементировали их, в конечном счете, в сплоченную массу, с одним общим наречием, с одинаковыми обычаями, верованиями, хозяйственным укладом, с одинаковыми свойствами характера и общим физическим типом, с ярко выраженным национальным самосознанием.

Основа их хозяйства, в связи с естественными условиями района их обитания,— скотоводство. Им принадлежат богатейшие табуны лошадей, стада овец, коз, рогатого скота. Имеются у них и верблюды. Они перекочевывают в привольи степей крупными группами, об'единяемыми крепким родовым укладом.

В связи с уменьшением земель, находящихся в их пользовании, в течение последнего периода они переходят местами к земледелию и даже производят искусственное орошение пашен.

Киргиз-казаки стройны, хотя ноги слегка выгнуты от верховой езды. Цвет лица желтовато-бледный, волосы черные, прямые, густые, нос расширенный, скулы выдаются, глаза карие, брови черные.

Они выносливы, закалены условиями своей неприхотливой, примитивной жизни. У них чрезвычайно развиты слух и зрение, а также память на обыденные явления окружающей обстановки, но к отвлеченному мышлению они менее способны.

По темпераменту это довольно общительный, живой народ.

Их юрта имеет своеобразное устройство—искусное сплетение решетки, покрываемой ими самой лучшей белой кошмой. Посредине костер. Дверь—на северо-восток от господствующих здесь южных ветров. Внутри—ковры, одеяла, занавеси, ширмы из камыша, цветные вышивки.

Направо—почетное место хозяев. С понятием об очаге (огне) связано, как у алтайцев и шорцев представление о благополучии семьи (рода).

Над очагом—треножник, с об'емистым котлом, в котором варится кирпичный чай с солью, молоком, салом. Пищей служит бараний сыр, кумыс, айран, пресные лепешки, но главным образом мясо, особенно баранина.

Одежда—с пестрым, ярким, узорчатым мотивом. Войлочные шубы, халаты с длинными рукавами, кошомные чулки, меховые шапки с наушниками, овчинные штаны. Все толстое, неуклюжее. В связи с занятием скотоводством, среди них развита выделка кож, шерсти, кошмы, овчины, но в общем в их хозяйстве, как и в хозяйстве крупного оленевода севера, несомненен характер натурального хозяйства.

Одежду, пищу, утварь, жилье, предметы сбыта и даже топливо—все дает им собственное стадо.

Их своеобразная культура нашла свое выражение в создании богатой народной литературы: бытовых и лирических песен и эпоса, которые поются под акомпанимент оригинальных музыкальных инструментов. Отпечаток той же культуры мы находим и в живописи: в рисунках узорчатых тканей, в орнаменте посуды, утвари и даже на дверях юрты.

Несомненно, киргиз-казаки, составляющие в настоящее время самостоятельную республику, имеют перед собой твердые хозяйственные и культурные перспективы, с ярко выраженным отпечатком своей своеобразной национальности.

V. Туземный вопрос в Сибирском крае.

1. Жизнеспособность туземных племен. 2. Условия жизни туземцев до революции. 3. Октябрьская революция и туземцы. 4. Поднятие туземного хозяйства, как необходимое условие для дальнейшего существования туземцев. 5. Что сделала советская власть для туземного хозяйства. 6. Туземцы, колонизация и индустриализация 7. Мероприятия по здравоохранению. 8. Советизация в туземных районах. 9 Кооперация. 10. Задачи просвещения туземцев. 11. Исследование хозяйства и быта туземцев. 12. Заключение.

Русская колонизация Сибири, промысловая, военная и земледельческая, правительственная и вольно-народная, непрерывно продолжавшаяся в течение 350 лет и далеко не завершенная по настоящее время, оттеснила из средней земледельческой зоны значительную часть аборигенов края: одних на север, в тайгу, других—на юг, в степи и в горы.

В средней земледельческой зоне Сибирского края их осталось до 50.000 чел., что по отношению к общему числу населения этой зоны составит около 1%; во всем Сибирском крае их насчитывается в настоящее время около 200 тысяч, или немного меньше 2½ процентов ко всему населению края. Но, оттесненные на окраины и оставшиеся среди русских, туземцы, за весьма и весьма немногими исключениями, сохранили до наших дней свою национальную самобытность, и, вопреки очень распространенному, ходячему у нас мнению о неизбежном их вымирании, продолжают не только жить, но и увеличивать свою численность путем естественного прироста, или, иными словами, путем превышения числа рождающихся над числом умирающих.

Ряд специальных исследований с совершенной очевидностью показал, что подавляющее большинство туземных народностей Сибирского края жизнеспособны и по своей жизнедеятельности нисколько не уступают смежно с ним живущему русскому населению. Пока что, уменьшающимися в числе признаны небольшие народности: барабинские татары, мелецкие татары, камасинцы и койбалы, а на севере — небольшая группа палеазиатов: кето (енисейские остяки). Даже такая маленькая по численности группа, как карагассы, ко-

торых насчитывается до 400 душ об. пола, не выявляет никаких признаков уменьшения.

Правда, некоторые группы (часть томско-кузнецких татар, телеуты, барнаульские татары) и физически, и в отношении материального быта подверглись весьма значительной ассимиляции с русским населением. Но эти группы численно чрезвычайно малы, и эта ассимиляция является исключительным явлением, а не правилом.

В подавляющем большинстве своем туземные народности сохранили свою национальную самобытность и жизнеспособность, несмотря на исключительно неблагоприятные условия, в которых они жили в течение более трех веков.

Кто не знает, какой чудовищной эксплоатации торгового капитала подвергались туземные народности северных и южных окраин? Кто не слыхал, как в течение целых столетий спаивались они спиртом и водкой, как в течение столетий их обманывали, грабили и просто убивали? Мрачная холодная тайга и суровая беспредельная тундра до сих пор хранят в своей памяти предсмертные стоны жертв самой разнузданной и, увы, безнаказанной вакханалии преступных торгашей, скупщиков за бесценок дорогой пушнины. Туземец в их понятии и на их языке—„тварь".

„Ее, тварь, как не обирай, все равно обрастет!"—такова была мораль их отношений к туземцам севера, детям тайги и тундры.

Великая Октябрьская революция провела резкую грань между старым и новым, освободив угнетенных, разорвав раз навсегда цепи рабства, издевательства, обмана и неизбывной кабалы.

Разорвав эти цепи, она открыла свободную дорогу и для туземных народностей: к национальному самоопределению, к свободному развитию материальных и духовных сил, к строительству новой жизни на началах братского союза всех народностей, населяющих первую в мире Республику трудящихся. Разорвав эти цепи, она вплотную подошла к расстроенному, падающему хозяйству туземцев, к их культурной отсталости, с тем, чтобы поднять то и другое, с тем, чтобы помочь туземцу выбраться на новую дорогу и научить его самодеятельно строить свою жизнь.

И если, как мы видели выше, большинство наших туземных народностей в прежних условиях сумели и смогли сохраниться физически, то теперь, при организации медицинской помощи, при новом устройстве быта, при восстановлении хозяйства и создании лучших условий для его ведения,—их жизнеспособность не может не возрасти.

Пламенный защитник туземного населения, сибирский публицист Н. М. Ядринцев, еще в 80-х годах прошлого века высказывал совершенно правильную мысль, что причина вымирания некоторых народностей кроется в экономических условиях, а не в том, что они нежизнеспособны.

Отсюда, на основе выявленных уже нужд туземного хозяйства в разных районах края, необходимы практические мероприятия, имеющие своей задачей либо восстановление той или иной отрасли хозяйства, либо предупреждение ее упадка, либо ее дальнейшее развитие.

Конкретно, оленеводческому хозяйству северных туземных племен в одних районах необходимо придать товарное значение (поставка сырья на рынок, снабжение оленями других районов), в других поставить улучшение породы измельчавшего оленя, в третьих—развитие кустарных промыслов на основе оленеводства, с созданием замшевых заводов и т. д., и везде—предупреждение эпизоотий и борьба с ними.

За последние годы в области изучения оленеводства и практических мероприятий, имеющих целью сохранить и развить его, сделано довольно много.

В результате специальных исследований собраны ценные материалы о различных видах оленя, о формах использования оленей туземцами, о болезнях и районах распространения эпизоотий, о методах борьбы с этими эпизоотиями, предупреждения заболеваний и способами их лечения.

Организованы ветеринарные пункты в Нарымском крае (Лариатский на Вахе), в Туруханском крае: на Яновом стане, в Дудинке, на Аваме и на Туре, в Киренском округе—в Ербогаченах.

Особую ценность представляют организация в Дудинке и на Туре бактериологических лабораторий и организация на Туре и на Аваме зоотехнических опорных пунктов, с созданием опытных оленных стад и оленных питомников—рассадников для снабжения туземных хозяйств племенным материалом.

Для изучения южного оленеводства к карагассам отправлена в составе крупных специалистов зоотехническо-ветеринарная экспедиция.

В области пушного промысла необходим переход от хищнического истребления пушного зверя к рационализации охоты и звероводству.

В области рыболовного промысла—регулирование водопользования, распределение рыболовных угодий, рационализация лова, а в ряде районов, может быть, и переход от рыболовства к рыбоводству.

В тесной связи с этими вопросами стоят такие сложные вопросы, как своевременное снабжение туземцев севера хлебом, продуктами первой необходимости, огне-припасами и орудиями лова и охоты, организация производительного кредита, кооперирования.

Не менее многочисленны и сложны хозяйственные мероприятия среди южных туземцев.

Если на далеком севере вопросы хозяйственного устройства не осложняются пока вопросами колонизации и индустриализации, то для юга эти последние являются весьма актуальными и предопределяют срочность решения целого ряда задач хозяйственного порядка. Сюда относятся вопросы определения земельных норм для районов экстенсивного скотоводства, скотоводческо-земледельческих и земледельческо-промысловых; вопросы интенсификации животноводства и организации маслодельных артелей; вопросы мелиорации и оросительных сооружений в связи с развивающимся земледелием; вопросы регулирования землепользования туземного и смежного с ним русского населения, вопросы заселения некоторых районов; вопросы коллективизации и кооперирования; вопросы усовершенствования и развития второстепенных отраслей хозяйства (пчеловодство, лесные промыслы, охота, мараловодство и пр.).

Одновременно с мерами восстановления, упрочения и развития туземного хозяйства и создания благоприятных для этого условий стоит задача организации здравоохранения туземцев, особенно сложная в условиях севера. За время советской власти в этом отношении сделаны крупные шаги.

Врачебными отрядами Красного Креста проведена и проводится большая исследовательская работа по изучению туземцев со стороны их физической крепости и жизнеспособности. Если прежде медицинская помощь, в лучшем случае, была случайной, а в худшем (и этот худший случай был больше правилом, чем исключением) и совершенно отсутствовала, то в настоящее время в целом ряде отдаленных туземных районов уже организованы врачебные пункты. Такие пункты имеются в Нарымском крае: на Вахе, Тыму, Кети и в Васьюганье; в Туруханском крае: в низовьях Енисея (Толстый нос), на Хатанге, на Аваме, на Яновом стане, на Туре, на Подкаменной Тунгузке и на Чуне; в Киренском округе: в Ербогаченах, на р. Непе и в Анкаче; у карагасс—в Алыджере; в Иркутском округе—у тутур-очеульских тунгусов и в Кузнецком округе—у шорцев.

Кроме того, особенно южным туземцам (хакасам, ойротам и др.), оказывается помощь специальными глазными

отрядами Красного Креста в целях борьбы с весьма распространенной и очень запущенной здесь болезнью глаз—трахомой.

Врачебные пункты и отряды за короткое время успели завоевать популярность и доверие туземного населения не только на юге, среди более культурных племен, но и на севере, где, казалось бы, значительно менее культурная масса должна была, на основе практики печальной памяти прежних фельдшеров, с недоверием отнестись и к новым лекарям.

Умелый подход к туземцу дал положительные результаты и здесь.

В дальнейшем стоит задача—распространить знания о предупреждении болезней, повести борьбу с антисанитарными и антигигиеническими условиями жилища, одежды и приготовления пищи туземца.

Мероприятия в области восстановления, укрепления и развития туземного хозяйства,с одной стороны, и в области здравоохранения туземцев—с другой, дадут в своем результате решение основной задачи туземного вопроса: сохранение туземного населения, повышение его естественного прироста и возможности для его дальнейшего культурного развития.

Третьей основной задачей в туземном вопросе является вовлечение туземных масс в советское, в том числе и в кооперативное, строительство, а туземного актива—в органы советского управления и советской кооперации. Процесс советизации охватил все туземные районы.

Если решение этой задачи менее трудно для туземцев юга, то для северных туземцев оно представляет значительные трудности. И, тем не менее, работа по советизации тундры и тайги уже ведется. В северных районах созданы родовые советы. В Туруханском крае их имеется 34, в Нарымском создается 4-6; в Киренском округе есть уже 2-3; у карагасс—1; у тутуро-очеульских тунгусов—1. Там, где туземное население вкраплено в русскую массу, оно об'единяется в сельсоветы. Туземные советы ведут целый ряд дел: учет населения, регистрацию рождений, смертей и выполняют предписания органов управления вышестоящих; они же разбирают все споры, возникающие между членами рода. В настоящее время они наделяются функциями судебной власти (на основах обычного права). В своей работе они проявляют инициативу, активность и самодеятельность.

Для об'единения работы родовых советов имеются, хотя еще и не везде, туземные РИК'и. В Туруханском крае их создано 3.

Дальнейшей задачей является—наполнить содержанием работу этих советов, активизировать туземцев и воспитать низовых советских работников из самих же туземцев.

Туземная кооперация сделала на севере значительные реальные завоевания. Особенное распространение она получила на Туруханском севере, где на 1-е января 1926 года, в результате работы Енисейского союза п. о-в, числилось 6 туземных о-в и 8 русских. Последние, наряду с обслуживанием русского населения, ведут операции и с туземцами, обитающими в районе их действий и выходящими из тайги и тундры на ярмарки и для обмена пушнины на необходимые туземцу товары, перед отправлением на промысел и по окончании его.

Эта сеть (вместе с предполагавшимися к открытию в 1926 г. еще 4 о-вами) будет обслуживать уже до 2400 хоз. и до 15.000 душ, или, примерно, 80 процентов всего населения края.

Кооперация распространяется и среди тунгусов Киренского округа (Ербогаченское о-во п-лей) и среди остяко-самоедов Нарымского края и среди охотников-карагассов.

У южных туземцев она появилась еще до войны, и если на севере первичная ячейка является интегральной, на юге возникают и развиваются отдельные виды: сел.-хоз. и кредитные т-ва, общества потребителей, мелиоративные т-ва, овцеводческие т-ва, маслодельные артели и пр. В Хакасском округе потреб. о-ва об'единены в союз, сельско-хозяйственные, мелиоративные, производственные и др. состоят членами Минусинского Селькредсоюза. В Ойротии все кооперативы входят в состав интегрального Ойротского областного союза кооперативов. За последнее время поставлен вопрос об образовании ряда самостоятельных союзов. В Горно-Шорцевском районе, у шорцев, кооперация появилась недавно.

Но и советское строительство, и кооперация и на далеком севере, и на юге требуют подготовленных работников из среды самих туземцев, требуют повышения общего культурного уровня всего туземного населения.

Отсюда, встает новая задача, возникает целый ряд новых вопросов о народном образовании в туземных районах. И здесь, как и в других областях хозяйственного и культурного строительства, север значительно отстает от юга. Советская власть не нашла в северных районах ни одной туземной школы. В настоящее время их насчитывается уже около 10: 2—в Нарымском крае (в с. Широковском, на р. Кети и в Верте-Кос, на р. Оби); 2—в Туруханском крае—на Яновом стане и в Хатангском районе; 2—в Киренском округе—в Ербогачонах и Анкаче; 1—у карагассв Алыджере, Тулуновского округа; 1—в Тутурском для тунгусов и 1—в Горной Шории—в Усть-Кобырзе; в нынешнем году открывается еще одна школа—в Туруханском крае, на Туре.

Особые условия чрезвычайно низкой плотности населения в тундровых и таежных районах, кочевой образ жизни туземцев создали на севере (и на таежном юге) особый тип школы—школу-интернат, школу с общежитием. Район обслуживания школ-интернатов на севере чрезвычайно велик. Достаточно, для примера, указать, что школа на Яновом стане обслуживает район, простирающийся: с запада на восток, от р. Таза до р. Енисея и с севера на юг—от верховьев Таза до Ледовитого океана. Таковы же, примерно, районы и остальных из перечисленных школ-интернатов на Севере.

Создание школ-интернатов требует больших средств, но это пока единственно возможный на Севере тип школ.

Те из перечисленных выше школ, которые работают 2-3 года, подготовили уже небольшой контингент молодежи. Туземцы оказываются способными, любознательными и трудоспособными. Отношения к учительскому персоналу основаны на доверии и симпатии. Наркомпросом и Комитетом Севера при ВЦИК'е разработаны особые программы для полярной школы, применительно к пониманию и развитию туземца, к общим условиям его быта. Составлены и изданы букварь и книги для чтения пока на русском языке; в учебный план школы внесен промысловый уклон; в некоторых школах он дополняется ремесленным и сельско-хозяйственным. При школах создаются, там, где это возможно и необходимо, огороды и даже небольшие посевные площади (Мрасский интернат в Горной Шории), пасека; приглашаются инструктора-охотоведы, инструктора рыболовства; устраиваются столярные, слесарные и сапожные мастерские.

В связи с кочевым бытом северных туземцев и необходимостью приблизить школу к туземному населению, поставлен и находится в процессе разработки вопрос о создании школы-передвижки.

На ряду с массовым образованием, начат опыт подготовки из северных туземцев работников средней квалификации, для чего в Детском Селе, под Ленинградом, создан особый институт для северных народностей. Из туземцев Сибирского края там обучается группа туземцев: тунгусы, самоеды, долгане и др.

У таких относительно крупных народностей юга, как хакасы и ойроты, дело образования имеет значительно большие достижения. Достаточно сказать, что в Ойротии к началу 1927-28 уч. года школ 1 ступени насчитывалось—18 туземных и 49 смешанных, а в Хакассии на 1 марта 1927 года—53 хакасских и 12 смешанных. Кроме того, 18 хакасов обучается в семилетках, 18—в ШКМ и 32 хакаса в школе 9-ти летке. И хакасы, и ойроты обучаются в техникумах Новосибирска

и Томска, учатся они и в Москве в Коммунистическом Университете трудящихся Востока и на Томском рабфаке. Наконец, в Ойротии проводятся ежегодно курсы для поднятия квалификации работников по просвещению, а в Хакасии имеются постоянные одногодичные курсы, давшие кадр хакасских учителей. В национальных школах первой ступени вся учеба ведется на родном языке; за последние годы изданы на родном языке и учебники для школ 1-й ступени.

Проводится там и здесь политпросветработа. Так, в Ойротии имеется 8 аймачных изб-читален, 2 аймачных юрты-передвижки и кинопередвижка.

В Хакасии (вкладышем в минусинской газете) выходит раз в неделю газета „К'зыл-аул" („Красный улус"), в которой сотрудничают и хакасы.

Несмотря на эти большие достижения в области туземного образования, необходимо все же признать, что на этом пути остается сделать еще очень много, особенно на Севере. Только при условии более полного охвата туземного населения школами соответствующих их культурному состоянию ступеней и другими учебными мероприятиями, только при условии большой и разнообразной культурной и культурно-хозяйственной работы можно достичь вовлечения туземных масс в самодеятельную работу по строительству жизни на новых началах.

В теснейшей связи с вопросами народного образования и культурного под'ема туземцев стоит вопрос о создании письменности на родных для них языках. За время советской власти, впервые подошедшей к разрешению данного вопроса, удалось пока создать алфавит и отлить шрифты для тюркских народностей (татар, киргиз, ойрот и хакасов); на этих языках уже печатаются учебники для школ первой ступени, печатаются и книгидля чтения, главным образом, переводные, над чем работают переводческие комиссии при отделах народного образования, печатаются и газеты. Вопрос с о создании письменности на языках северных народностей (тунгусов, самоедов) находится в стадии разработки.

В заключение необходимо указать, что за последние 10 лет туземцы и их хозяйство являются предметом усиленного изучения со стороны научных организаций и отдельных работников разных специальностей.

Произведенная в 1926-27 году полярная демографическая и хозяйственная перепись на севере является одним из крупнейших достижений советской власти в деле изучения туземцев и туземного хозяйства.

Данные этой переписи на долгие годы будут служить для всех научных и практических работников по вопросам северных окраин отправным пунктом, основанием, на котором будут строиться и хозяйственные, и культурные мероприятия.

После десятилетия Октябрьской революции, раскрепостившей туземца, назвавшей его человеком и гражданином, включившей его в братскую семью народов нашего Союза и пришедшей к нему впервые за 300 слишком лет с твердым намерением помочь выйти на дорогу самодеятельного творчества новых форм хозяйства и нового быта; после десятилетия Октября, на основе уже проделанной работы с туземцами, необходимо еще ближе подойти к ним, еще глубже изучить их и их хозяйство и тем самым проверить правильность пройденного пути, а также наметить вехи дальнейшей работы.

Биб-ка Рыбохоз. станции
Инв. № 1486

Указатель современной литературы, просмотренной авторами при составлении настоящего очерка.

Болдырев, В. и Гуринович, П. Районированная Сибирь. Новосибирск, Сибкрайиздат, 1927 г.

Доброва Ядринцева, Л. Н. Туземцы Туруханского севера. Новосибирск, 1925 г.

Ее же. Советская власть на туземных окраинах Сибирского края. «Сиб. Огни», 1927 г., кн. 6 (ноябрь-декабрь).

Иванов, П. Г. Сибирские турки и их наречия. Томск, 1927 г.

Его же. Томские татары (материалы по обследованию томских карагасс летом 1927 г.).

Копылов. Хозяйство Лено-Киренгского края по данным стат. обследования 1926 г. (Иркутск).

Лагутин, А. Н. Дальне-Восточный край в цифрах. Владивосток, 1926 г.

Леонов, Н. Танну-Тува. М. 1927 г.

Орлова, Е. Н. Туземное население на границах Уральской области и Сибирского края.

Петри, Б. Э., проф. Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах Иркутск, 1927 г.

Предварительные итоги демогр. переписи 1926 г. в Сибирском крае. Изд. Сибкрайстатотдела, Новосибирск, 1927 г.

Руденко, С. И. Алтайская экспедиция. Этнографические экспедиции 1924 и 1925 г.г. Ленинград, 1926 г.

Сапожников, В. В. Пути по русскому Алтаю. Сибкрайиздат, Новосибирск, 1926 г.

Соболев, А. Н. Юраки. Этнографический очерк. Красноярск, 1923 г.

Тугаринов, А. Я. Географические ландшафты Приенисейского края. Красноярск, 1925 г.

Его же. Туземцы Приенисейского севера. Красноярск, 1927 г.

Его же. Последние калмажи. «Сев. Азия» (журн.), 1926 г., кн. 1.

Шатилов, М. Б. Хозяйство ваховских остяков. 1926 г.

Шнейдер, А. Р. Хакасский уезд. Красноярск, 1923 г.

Экономическая география Сибири. Под ред. М. М. Басова, А. А. Ансона и Г. И. Черемных. Новосибирск, 1928 г.

Юданов, И. Г. Нарымский край. Красноярск, 1927 г.

Ярхо, А. И. Наблюдения над физическим развитием населения русского Алтая. «Сев. Азия», 1925 г., кн. 1.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . . I—II

Гл. I. Территория, природные условия и население.

1. Географическая Сибирь и Сибирский край. 2. Границы Сибирского края и его состав. 3. Общая численность населения Сибирского края и отношение к населению всей Сибири. 4. Общая характеристика природных условий Сибирского края. 5. Распределение населения по территории края. 6. Соотношение городского и сельского населения и развитие городов. 7. Племенной состав населения Сибири и географическое распределение народностей . 3 37

Гл. II. Северная (промысловая) зона.

1. ТУНДРА.

1. Население тундры. 2. География и природа тундры. 3. Самоеды, откуда они пришли и как приспособились к условиям суровой северной природы. 4. Оленеводство—основа хозяйства самоеда. 5. Кочевки самоедов и границы этих кочевок. 6. Пушной промысел и рыболовство в хозяйстве самоеда. 7. На какие группы делятся самоеды . . . . . 28—35

2. ЛЕСО-ТУНДРА.

1. География и природа лесо-тундры. 2. Насельники западной и восточной части лесо-тундры. 3. Юраки тазовские и береговые и их хозяйственный быт. 4. Район „Затундры" и его насельники (якуты, тунгусы, долгане, самоеды). 5. Крестьяне Затундринского о-ва. 6. Процесс ассимиляции и метисации в „Затундре" . . . . . 35—41

3. СЕВЕРНАЯ ТАЙГА.

1. География и природа северной тайги (к западу и востоку от р. Енисея). 2. Население западной части: остяки и остяко-самоеды; места их обитания. 3. Быт остяков и остяко-самоедов. 4. Лесные самоеды (хандеяры) .5. Енисейцы (Гето). 6. Русское население по берегам Оби и Енисея. 7. Насельники восточной части северной тайги: тунгусы, природные условия, быт, культура, склонность к ассимиляции. 8. Тунгусы западной части тайги („наволошные") и на восток от Илимпии. 9. Якуты. . . . . 41—54

Гл. III. Средняя (земледельческая) зона.

1. Состав. 2. Природные условия юго-западной и северо-восточной частей зоны. 3. Русская народность, как главнейшая этническая группа земледельческой зоны. 4. Колонизация—основной фактор истории хозяйственной жизни Сибкрая и ее перспективы. 5. Население зоны: туземное и русское. 6. Иртышские татары и сибирские бухарцы. 7. Барабинские, томские и чулымские татары. 8. Численное соотношение туземного и русского населения. 9. Сибирские старожилы, семейские, „поляки", каменщики. 10. Хозяйство старожилов. 11. Переселенцы: взаимоотношения со старожилами. 12. Культ.-хоз. характеристика земледельческой зоны и перспективы ее хоз. развития . . . . . 55—72

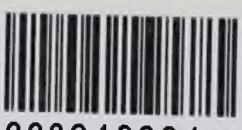
Гл. IV. Южная (скотоводческая) зона.

1. Население зоны и распределение его по территории. 2. Алтайцы. 3 Теленгиты. 4. Телеуты и телесы. 5. Черневые татары. 6. Кумандинцы и лебединцы. 7. Шорцы 8. Хакасы (кизыльцы, койбалы, качинцы, сагаи и бельтиры). 9. Камасинцы. 10. Карагассы. 11. Сойоты. 12. Буряты. 13. Казаки (киргизы) . . . . . 73—101

Гл. V. Туземный вопрос в Сибирском крае . . . . . 102—109

Указатель современной литературы 110

6


228042004
Окружная библиотека

РНФ
Государственная библиотека Югры